

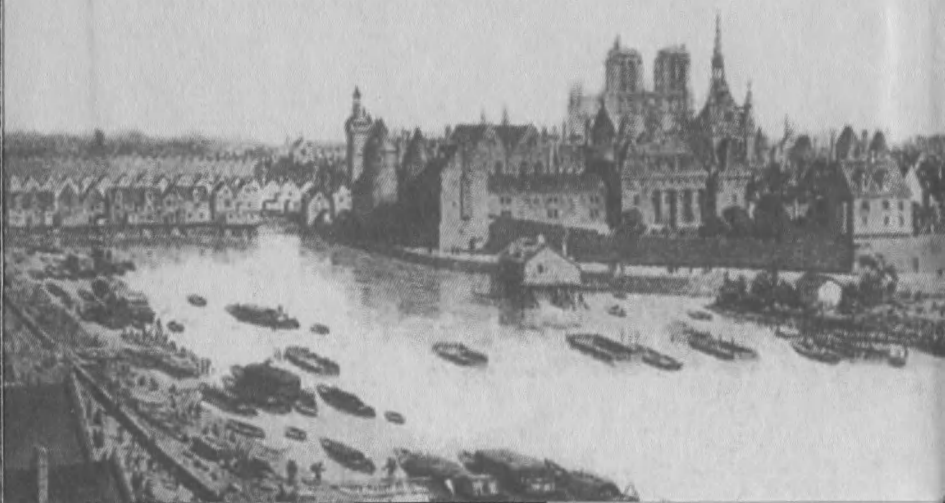
ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

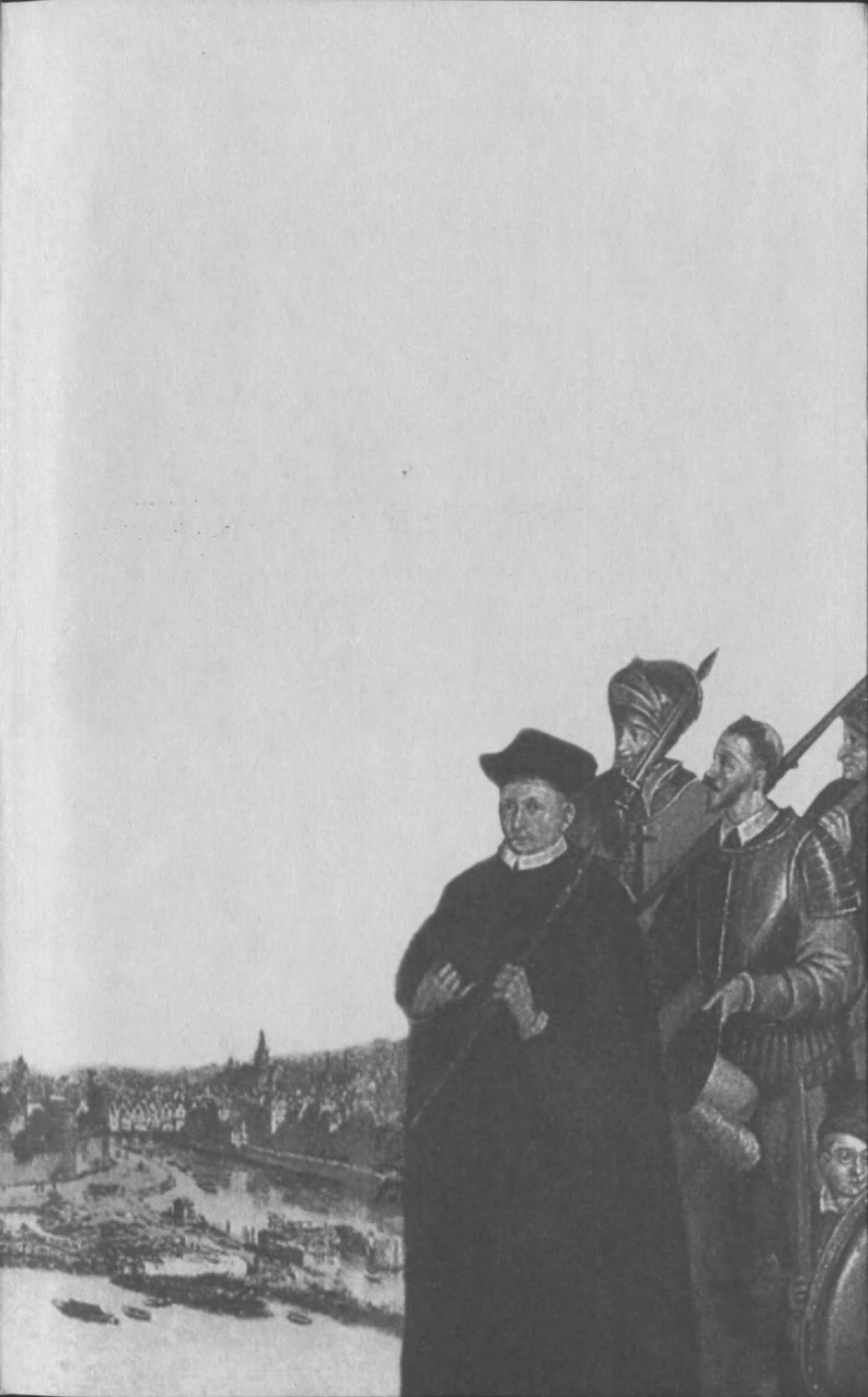
Жан Мари Констан

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ФРАНЦУЗОВ ВО ВРЕМЕНА РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЙН

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Жан Мари Констан

Jean-Marie Constant
LA VIE QUOTIDIENNE
LES FRANÇAIS
PENDANT LES GUERRES
DE RELIGION

HACHETTE LITTERATURES

ЖИЗНЬ

ФРАНЦУЗОВ
ВО ВРЕМЕНА
РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЙН

УДК 94(44)“15/17”
ББК 63.3
К 65

*Перевод,
вступительная статья
Е. В. МОРОЗОВОЙ*

*Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА*

*Ouvrage publié avec l'aide
du Ministère français chargé de la Culture —
Centre national du livre*

*Издание осуществлено с помощью
Министерства культуры Франции
(Национального центра книги)*

*Перевод осуществлен по изданию:
Jean-Marie Constant
Les Français pendant les guerres de religion.
Paris: Hachette Littératures, 2002*

ISBN 5-235-02832-3

© Hachette Littératures, 2002
© Морозова Е. В., перевод, вступительная
статья, 2005
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2005
© Издательство «Палимпсест», 2005

*Французы стяжали, им отказали разом
И чувства, и душа, и мужество, и разум.*

Агриппа д'Обинье.
Трагические поэмы

Ближайший соратник Генриха Наваррского, крупный поэт эпохи Возрождения гугенот Теодор Агриппа д'Обинье (1552—1630) оставил в наследие потомкам создававшийся почти тридцать лет поэтический цикл под названием «Трагические поэмы», где описывает беды и страдания, выпавшие на долю Франции из-за непримиримости ее детей в вопросах веры. Пройдя сквозь пламя и безумие гражданской войны, зная жизнь двора и коридоров власти, поэт со всей страстью призывает к миру и справедливости, сулит возмездие гонителям истинной, то есть протестантской веры и уверен в конечном ее торжестве. Трагическое мироощущение сторонника гонимой веры и поэтический талант д'Обинье лучше любых документов убеждают в правоте дела гугенотов, а апокалипсические картины религиозной смуты, написанные с потрясающим эмоциональным накалом, никого не оставляют равнодушными.

Но если наше знакомство с пламенной поэзией Агриппы д'Обинье состоялось всего несколько лет назад*, то роман А. Дюма «Королева Марго» популярен в России давно, и именно

* Д'Обинье Т. А. Трагические поэмы. М., 1997.

он, написанный в духе искреннего сочувствия к гонимым гугенотам, утвердил в нашем сознании ряд исторических стереотипов: королева-мать Екатерина Медичи — коварная итальянка, интриганка; Гизы — заносчивые, мстительные, рвущиеся к власти; адмирал Колиньи — благородный предводитель гугенотов; Карл IX — нерешительный король, находящийся под материнским влиянием; герцог Анжуйский (а затем король Генрих III) — набожный любитель роскоши и светских развлечений; герцог Алансонский (после восшествия на престол брата — герцог Анжуйский) — обиженный интриган; королева Марго — гуманная красавица; ее супруг Генрих Наваррский (будущий король Генрих IV) — славный малый, себе на уме. Все эти персонажи наиболее ярко проявляют себя во время кульминационного события Религиозных войн — в ночь с 24 на 25 августа 1572 года, канун праздника святого Варфоломея, когда католики Парижа истребили 3 тысячи гугенотов — как своих соседей, так и тех, кто приехал на свадьбу Маргариты Валуа с Генрихом Наваррским. Ответственность за резню в ночь святого Варфоломея во многом ложится на Екатерину Медичи, которую современники часто именовали Макиавелли в юбке. Отличаясь неслыханным лицемерием (ей опасались верить даже тогда, когда она говорила правду), она равнодушно относилась к религии и крайне неравнодушно к власти. Желая выдать замуж свою дочь Маргариту за протестанта Генриха Наваррского, она, как утверждают, пошла на подлог, и не имея папского согласия на задуманный ею брак, сфабриковала письмо от имени своего посланника при папском дворе. В подложном письме сообщалось, что его святейшество дает разрешение на этот союз.

Трагедия Варфоломеевской ночи произвела на современников огромное впечатление. Под предлогом борьбы с еретиками многие католики уничтожали своих личных врагов. Так, например, граф де Бюсси д'Амбуаз, выведенный в романе А. Дюма «Графиня Монсоро» рыцарем без страха и упрека, 24 августа

заколол своего кузена гугенота Антуана де Клермона. Бюсси долго судился с кузеном по поводу маркизата Ренель, а когда появилась возможность, безнаказанно устранил претендента на наследство. По случаю победы над еретиками папа римский устроил торжества с фейерверком, а его католическое величество, испанский король Филипп II, получив известия из Парижа, как говорят, впервые засмеялся. После Варфоломеевской ночи массовые избиения гугенотов начались во французской провинции, в результате чего было уничтожено около 20 тысяч человек. Этот всплеск жесточайшего насилия стал апогеем борьбы, которую буквально каждодневно вели жители королевства, как организованно, так и спонтанно, уверенные, что в конце концов конфессия, к которой они принадлежат, одержит верх и полностью устранил противника с религиозного, а заодно и с политического поля. Прошли десятилетия, и конфессиональные распри утратили свою остроту, а Варфоломеевская ночь — печальный символ религиозной нетерпимости стала одной из вех мировой истории, формирующих наше повседневное представление о временах минувших.

Формированию представлений о прошлом в значительной степени способствует художественная и мемуарная литература. Поэтому, обращаясь к трагической истории Религиозных войн, почти на сорок лет (до принятия Нантского эдикта) разделивших Францию на два противоборствующих лагеря, мы в первую очередь вспоминаем образы, знакомые нам по книгам и фильмам, и только во вторую — то, что пишут в учебниках по истории. Но мы знаем, что и авторы-беллетристы опираются на работы историков. Сюжеты, именуемые «Королева Марго», «Екатерина Медичи», «Карл IX», «Гаспар Колиньи», известные нам по романам А. Дюма, Проспера Мериме («Хроника царствования Карла IX») и Мишеля Зевако («История рода Пардальянов») основаны на трудах французских историков XIX века, когда в исторической науке преобладало политическое направление. Героями политической истории выступа-

ли монархи, политики и их ближайшее окружение, иначе говоря, правящие круги. Основной темой тогдашних работ, посвященных Религиозным войнам, были гонения, которым подвергались малочисленные — по сравнению с католиками — гугеноты со стороны государства, иначе говоря королевского двора, а также поддержка, которую оказывало население, в подавляющем большинстве исповедовавшее католическую религию, государственной политике репрессий. Например, главным героем крупнейшего французского историка XIX столетия Жюль Мишле был вождь гугенотов Гаспар Колиньи, фигура яркая и неоднозначная. В частности, Колиньи был одним из тех, кто предлагал отправить французские войска в Нидерланды, чтобы, помогая тамошним протестантам, одновременно вести войну с католической Испанией, давним противником французской короны. Но, как пишет выдающийся французский историк Ж. Ле Гофф, история политическая, бывшая прежде «становым хребтом» истории, теперь стала ее «копчиком». В XX веке история заключила прочный союз с социальными науками, появились фундаментальные исследования, посвященные социальным и ментальным характеристикам минувших эпох.

Социологический подход к истории зачастую разрушает традиционные представления о тех или иных исторических периодах. История, увиденная глазами социума, одной или нескольких общественных групп, из которых состоит этот социум, нередко обретает совершенно иную окраску, нежели история, увиденная «сверху», глазами выдающихся людей или государственных деятелей своего времени. И хотя в давние времена не было ни социологических опросов, ни статистики в их современном понимании, собранные по крупицам сведения о мировоззрении людей удаленных от нас эпох, словно мозаика, складываются в удивительную картину мира, непохожую и одновременно необычайно похожую на ту, которую мы видим сегодня. Непохожую, потому что причины, побуждающие людей совершать те или иные шаги, обусловлены их ментальными уста-

новками, зависящими от исторических условий, от конкретной эпохи. Похожую, потому что человек всегда остается человеком, всегда будет любить и ненавидеть, радоваться и испытывать боль, обуреваемый честолюбием будет рваться к власти и во имя любви к ближнему совершать подвиги. Так, например, в предисловии к «Трагическим поэмам», замечательный поэт и переводчик Александр Ревич писал: «Книги Агриппы д'Обинье оказываются пророческими для нашего века, для его последних десятилетий. Тогда был трагический конец шестнадцатого века, теперь мы живем в трагическом конце 20-го. Прошло четыре столетия, но мы сталкиваемся с теми же самыми вопросами жизни, морали и политики». Перефразируя эти слова, можно сказать, что книга французского историка Жана Мари Констана «Повседневная жизнь французов во времена Религиозных войн» рассказывает о жизни, морали и политике, какими они были во второй половине XVI столетия.

Автор рассматривает историю через призму социологии, старается увидеть далекое время как бы изнутри, глазами тех мужчин и женщин, на чью долю выпали основные тяготы смутных лет. И достаточно знакомый период истории, известные с детства персонажи начинают раскрываться с иной, неведомой прежде стороны. Книга Констана разрушает сложившиеся в нашем сознании стереотипы, показывая неоднозначность поступков и первых лиц государства, и народных масс, чье религиозное рвение и стремление к очищению и спасению выливались в вакханалии жестокости и насилия. Привлекая мемуарную литературу и материалы новых архивных изысканий, автор показывает, что межконфессиональная рознь, проявления религиозного фанатизма одинаково отвратительны как со стороны господствующей, так и со стороны гонимой религии. Разумеется, ученые-историки уже не раз анализировали события тех далеких лет с самых разных позиций, но их работы были достоянием главным образом специалистов. Труд Ж. М. Констана адресован широкому

читателю, которому автор по-новому рассказывает о событиях известных, анализирует факты малоизвестные и приводит данные, полученные сравнительно недавно.

Желая быть объективным и отобразить всю сложность тогдашней религиозно-политической ситуации во Франции, автор показывает, что, одерживая верх, и протестанты, и католики жестоко расправлялись со своими противниками, что обе стороны относились друг к другу одинаково нетерпимо, что целью многих вооруженных отрядов была не столько защита той или иной веры, сколько разбой и грабеж. «Вооруженный сброд имеет всюду власть, И наши города бесстыдно грабит всласть», — писал Агриппа д'Обинье.

И протестанты, и католики использовали в качестве оружия религиозную догматику и обвиняли друг друга в пособничестве Сатане. Гугеноты именовали папу Антихристом, а Екатерину Медичи сравнивали с Иезавелью, женой библейского царя Ахава, который под влиянием жестокой супруги отвернулся от Господа и стал служить Ваалу*. Роль Ахава в данном случае отводилась сыну Екатерины, нерешительному и зависящему от матери королю Карлу IX. Католики считали веру реформатов дьявольской, ибо изгнанные из тел одержимых католическими экзорцистами бесы нередко проповедовали основы протестантизма. В результате религиозной вражды пришел в упадок замок в Амбуазе, где провел последние годы жизни великий Леонардо да Винчи (скончался он в 1519 году в соседнем замке Кло-Люсе, подаренном ему королем Франциском I). Крах «заговора в Амбуазе», первого крупного вооруженного столкновения между гугенотами и католиками, случился в июне 1560 года. Когда двор прибыл в Амбуаз, дворяне-протестанты совершили неудачную попытку выкрасть пятнадцатилетнего короля Франциска II, старшего сына Екатерины Медичи, находившегося под сильным влиянием кардинала и герцога де Гизов,

* 3 Цар. 16, 31.

дядей его жены, шотландской королевы Марии Стюарт. Двор жестоко расправился с заговорщиками, протестантов убивали и бросали в воды Луары, вешали на балконах и стенах Амбуазского замка, где их трупы, испуская жуткое зловоние, висели до тех пор, пока их не склюют птицы. После этих трагических событий короли — из династии Бурбонов, пришедшей на смену династии Валуа, — разлюбили Амбуаз. Людовик XIII несколько раз приезжал туда охотиться, а Людовик XIV превратил замок в место заключения.

Анализ кризиса монархической власти, процедуры выборов в Генеральные штаты* и оценка наказов, которые жители, в том числе и сельские, давали своим депутатам, существенно дополняют оценку ситуации, сложившейся в стране. Автор приводит множество данных, подтверждающих, что существовавшая форма монархии, в сущности, не устраивала ни протестантов, ни католиков, и что и те и другие стремились к сепаратизму. Автор пишет, что как только города, где были созданы отделения Лиги, равно как и города, оказавшиеся во власти протестантов, оказывались свободными от королевских войск, они немедленно начинали устраивать свою жизнь по образцу свободных республик, давно уже существовавших на большей части территории Европы: в Германии, Италии и Нидерландах. Но сепаратизм, допустимый в вышеуказанных странах, являвшихся политическим объединением более или менее независимых государственных образований, в такой централизованной стране как Франция грозил крахом государства и утратой национальной независимости. В надежде на территориальные приращения за счет ослабевшего соседа испанский король Филипп II поддерживал борьбу католической Лиги не только с

* Генеральные штаты исполняли функции парламента, выборного органа, созываемого королем и принимавшего решения от имени трех сословий (дворянства, духовенства и третьего сословия). Штатами именовались общенациональные представительные ассамблеи. Провинциальные (местные) штаты появились раньше Генеральных штатов.

гугенотами, но и с твердым в католической вере королем Генрихом III — особенно когда появился шанс посадить на французский престол ставленника испанской короны. А так как понятие свободы чаще звучало в проповедях пасторов, нежели католических проповедников, то нередко французские дворяне, как католики, так и гугеноты, объединялись в своем стремлении запретить пасторам рассуждать о государстве, дабы с течением времени во Франции не появились люди, желающие организовать независимые общины, что будет крайне вредно и для короны, и для дворянства.

Говоря о кризисе власти, автор напоминает, что XVI век в истории Франции является веком Ренессанса и гуманизма, а годы правления Карла IX (1560—1574) приходятся на эпоху Плеяды*, именуемой также временем великого поэта Ронсара. В этот период не только большая часть элиты, но и сам монарх разделяют идеалы флорентийского гуманиста и философа-неоплатоника конца XV века Марсилио Фичино, полагавшего, что истинный государь, добродетельный, искренний и справедливый, должен вести свой народ вперед по тропам добронравия и воспитывать его в страхе перед Господом и в любви к Нему. Королю не следует применять насилие, ибо тогда он превратится в тирана. Поэтому монарх должен руководствоваться правилами божественной мудрости, основанной на милосердии. Екатерина Медичи вдвойне почитала философию неоплатоников, ибо, во-первых, была родом из Флоренции, а во-вторых, восторженной поклонницей своего свекра короля Франциска I, покровительствовавшего ученым, литераторам и художникам. На фоне усиливавшихся культурных контактов с Италией Екатерина Медичи не преминула окружить себя соотечественниками. Однако парижане крайне отрицательно оценивали участие чужеземцев в управлении коро-

* Плеяда — группа поэтов, объединившихся вокруг Пьера де Ронсара (1524—1585) и Жоашена дю Белле (1522—1560) и самоопределявшая себя как единая национальная поэтическая школа.

левством, студенты часто затевали драки с проживавшими в Париже итальянцами, а авторы памфлетов вопрошали, доколе Франция должна сносить торжество неправды и порока, терпеть правительницу из чужой страны, насаждающую свою политику огнем и кровью. Аристократический гуманизм в искусстве и философии плохо уживался с гуманизмом в политике и религиозных отношениях.

Противостояние католиков и гугенотов во Франции явилось частью общеевропейского процесса, начавшегося в XVI веке и известного под названием Реформации, сложного религиозного и социального движения, принявшего форму борьбы с всеобъемлющим господством католической церкви в духовной, политической и экономической областях. В начале XVI века границы мира, *orbis terrarum*, окружавшего человека, значительно расширились. Открытие Америки, морского пути в Индию, первое кругосветное путешествие заложили основы будущей мировой торговли. Европа оказалась в состоянии кризиса, связанного с развитием в недрах общества новых экономических отношений и сопровождавшегося депрессией и нарушением жизненного уклада. Стремительно росли цены, увеличивалась стоимость жизни и сокращались доходы населения. Ощущая необходимость изменений в ментальной сфере, папская курия проводила активную политику вмешательства в европейские дела, тем более что освоение новых земель требовало не только людских, но и интеллектуальных ресурсов. Открыв для себя новое человеческое сообщество, европейцы восторженно перечисляли его многочисленные чудеса. «Мы нашли другой мир!» — воскликнул Монтень в своих «Опытах». Надо было не только научиться извлекать золото из неведомых стран, но и осмыслить увиденные там чудеса в духе христианской веры.

Движение за религиозные преобразования, направленные на освобождение верующих от повседневной опеки католической церкви, зародилось в Германии. Основателем его явился Мартин

Лютер, автор «Тезисов» (95 тезисов против индульгенций, 1517). Затем движение быстро распространилось на соседние Нидерланды и Швейцарию, преодолев водные преграды, добралось до Англии и постепенно проникло во Францию. И везде утверждение новой веры было сопряжено с человеческими жертвами. Пламенные проповедники враждующих сторон убеждали свою паству, что только их вера позволит человеку спастись, и возбужденные толпы во имя спасения бросались убивать своих конфессиональных противников и громить места отправления культа. В Нидерландах борьба конфессий постепенно перешла в освободительную борьбу против владычества Испании. В Англии Реформация носила преимущественно политический характер. Она была начата «сверху» — королем Генрихом VIII и завершена его дочерью, королевой Елизаветой I. Войны между католиками и протестантами в Германии завершились в 1555 году Аугсбургским миром, заключенным императором Священной Римской империи Карлом V и германскими протестантскими князьями, принявшими формулировку «Чья страна, того и вера». Однако такое решение подходило только к раздробленной на мелкие владения Германии, когда любой мог перебраться в соседнее княжество, где была установлена «правильная» вера.

Несмотря на «молодость» учения реформатов, в нем с первых же шагов стали формироваться различные направления. Единодушно идеологи Реформации сходились только в том, что человек для спасения своей души не нуждается в посредничестве церкви, а потому залог спасения не во внешних проявлениях религиозности, а в вере каждого в искупительную жертву Христа. Такие представления вели к отказу от церковной иерархии. Единственным источником веры сторонники Реформации провозглашали Священное Писание (Ветхий и Новый Заветы).

Во Францию учение реформатов проникло в 20-е годы XVI века. Но так как к этому времени в стране уже прочно утвердилась королевская власть и было

достигнуто территориальное единство, то такого широкого распространения, как в Германии и некоторых других странах, оно не получило. Добившись абсолютной власти, французские короли сумели подчинить себе церковь, оградив себя тем самым от избыточных притязаний римской курии и крепко привязав к себе клир французский. Важным шагом в этом направлении был Болонский конкордат, заключенный Франциском I с папой в 1516 году. Согласно этому договору, король получал право сам назначать людей на высшие церковные должности, предоставляя папе право всего лишь утверждать их. Взамен папа ежегодно получал часть доходов, поступавших во французскую церковную казну. Взяв в свои руки рычаги управления церковной карьерой, король фактически отдал церковное поприще в распоряжение дворян: прелатов и высших церковных чинов стали набирать исключительно среди отпрысков дворянских фамилий.

В 1530—1540-е годы протестантизм начинает активно распространяться во Франции. Из соседней Швейцарии и, в частности, из Женевы, где полновластно правит идеолог Реформации Жан Кальвин, в страну проникает наиболее суровая форма протестантизма — кальвинизм, и к середине века французские сторонники учения женевского реформатора становятся многочисленной и достаточно сплоченной организацией. Главным догматом кальвинизма является учение об абсолютном предопределении. Кальвин учил, что Бог еще до сотворения мира предназначил одних людей к гибели, а других к спасению. Этот приговор абсолютен и неизменен для человека. Вера в Бога и моральная правильность человека свидетельствует о том, что ему предопределено спасение. Разумеется, человеку не дано постигнуть Божий промысел, однако по некоторым признакам, как например, профессиональное преуспевание, об этом можно догадываться. Следовательно, каждый был обязан трудиться и совершенствоваться, уповая на то, что именно его Господь сделает своим избранныком. Так, например, успешный предприниматель,

рачительный и бережливый хозяин явно благословен Богом. Поэтому протестанты*, среди которых преобладали городские жители, трудились, не покладая рук, и, проявляя буржуазную бережливость, отменяли многочисленные католические праздники и увеличивали число рабочих дней, что при тогдашней корпоративной организации труда вызывало сильнейшее раздражение ремесленников-католиков. Многие из горожан считали гугенотов «мерзкими чудищами» только за то, что те не чтят святых, в праздники которых работать было запрещено. «Добрые святые» дарили пятьдесят пять дополнительных дней отдыха в году; когда же праздник святого приходился на воскресенье, то, согласно обычаю, накануне все прекращали работу в полдень. При существовавшем в то время четырнадцатичасовом рабочем дне это были не лишние выходные.

Кальвин не отличался особой терпимостью к своим идейным противникам. Обосновавшись в Женеве, он быстро превратил город в монастырь с весьма строгим уставом: закрыл таверны, запретил танцы, отвел строго определенные места для публичных собраний, распутников наказывал тюрьмой и высокими штрафами, подверг регламентации частную жизнь, запретив мужчинам носить пестрые одежды и украшения, а женщинам надевать золотые украшения на голову, носить более двух колец на руках и такого рода одежды, которые создают впечатление распущенности. Живопись, театры, разного рода игры стали также объектом преследования. С теми, кто открыто выступал против учения Кальвина, идеолог протестантизма расправлялся точно так же, как и католики. С его поущения в 1547 году был казнен некий Грюэ, считавший, что наказания следует на-

* Во Франции протестантов называли гугенотами. Французское слово *buguenot* («гугенот») восходит к швейцарскому *eiguenot*, созвучному с немецким *Eidgenossen*, «сотоварищ», и первоначально обозначало женевских граждан, выступавших под предводительством Юга (Гуго) Безансона (*Hugues Besançon*) против герцога Савойского. С 1532 года термин *buguenot* стал применяться к сторонникам реформатской церкви.

лагать только за государственные и уголовные преступления. Самым громким делом, в котором проявилась нетерпимость Кальвина, было сожжение на костре известного испанского философа, теолога и врача Мигеля Сервета, автора сочинения «Восстановление христианства», где содержались резкие нападки на сторонников реформатской церкви. Кальвин, как и Лютер, одобряли смертную казнь для колдунов.

К началу кровопролитных войн между католиками и гугенотами светлые оптимистические идеалы Ренессанса, воспетые жизнелюбцем Рабле в его истории великанов Гаргантюа и Пантагрюэля, меркнут. В проповедях священников, в предсказаниях астрологов, которыми полнились издаваемые в то время «Календари» и «Альманахи» (тогдашняя «массовая» литература), говорилось о скором конце света, об эпидемиях чумы и прочих бедствиях. Мрачные слухи, подобные известию о смерти любимого многими герцога Карла Смелого, загрызенного волками, распространялись мгновенно, наводя ужас на города и деревни. Христианские назидания и грозные астрологические прогнозы сопровождались устрашающими картинками. В столь напряженной атмосфере проблема спасения души приобретала особую важность. Средневековый менталитет, все еще преобладавший среди большей части населения, заставлял страшиться любых перемен, и малейшее покушение на привычный ход событий расценивалось как гибельный шаг, препятствующий спасению. Католики, с фанатичной яростью защищавшие обрядовую сторону своей церкви, считали, что нарушая привычный ход вещей, гугеноты открывают дорогу неизвестному, неведомому, которое в те времена непременно связывалось с нечистым, дьяволом, с кознями Сатаны. Для гугенотов же, напротив, учение Кальвина устраняло коллективный страх перед неведомым, царивший в то время в сознании людей. Гугенот был уверен, что он оправдан уже самой своей верой, что его вера обеспечивает ему место божьего избранника и спасение. Идея предопределения, вы-

сказанная Кальвином в его «Наставлении в христианской вере» (1536), вселяла спокойствие в душу верующего, и он чувствовал себя избранныком Господним. Новая рациональная система освобождала человека от навязчивой заботы о собственном спасении и от сомнений, а потому не нуждалась в ритуалах, которые защищало католическое население. И не мысливший себя вне церкви человек XVI столетия, запуганный монахами, пасторами, «массовыми» изданиями, ограбленный солдатней, цеплялся за веру как за островок спасения и был готов на все, чтобы отстоять этот свой островок. Разгул фанатизма становился частью повседневной жизни рядовых французов.

Изменения в культурной сфере затронули прежде всего элиту общества. Мир интеллектуалов, художников, клириков, состоятельных горожан и дворян был потрясен чередой перемен, произошедших в результате Реформации и начатой против них борьбы. Между средиземноморским миром, озаряемым отблесками уходящего Ренессанса, и территориями, подвластными Священной Римской империи, начались жестокие конфессиональные баталии. По своему географическому положению Франция оказалась между двух огней, что не могло не сказаться на ее внутреннем положении. С одной стороны, она органически восприняла гуманистические ренессансные идеалы и утонченную итальянскую культуру, гуманисты возродили интерес к античной словесности и провели огромную работу в «защиту и прославление» французского языка. С другой стороны, французские сторонники Реформации последовали за наиболее жестким, бескомпромиссным идеологом протестантизма, выступавшим против любых зрелищных искусств, а из литературы признававшим только догматические и агитационные сочинения. Противоречия вероисповеданий не могли не найти своего отражения в культуре. С началом военных действий, сразу же принявших ожесточенный характер, в литературных кругах и среди людей искусства начинается упадок оптимистических наст-

роений, присущих гуманистам-утопистам первой половины XVI века, начинает возрастать интерес к темной стороне человеческого бытия, в искусство вторгаются трагедия и насилие. Ренессанс сменяется маньеризмом с присущим ему кризисным мироощущением, мрачностью и драматизмом, а потому органично вписавшимся в жизнь, полную опасностей. На завершившемся в 1563 году Тридентском соборе те, кто верили в доброту Творца и возможность реформировать церковь изнутри, потерпели поражение от сторонников «вооруженного» возвращения утраченных позиций и умов. Началось беспощадное движение Контрреформации, подмявшее под себя политиков, пытавшихся решить межконфессиональные проблемы мирным путем. Французы эпохи Религиозных войн читают не скабрёзные и веселые «Пятнадцать радостей брака», а мрачные трагические истории Пьера Бозтюо, Верите Абанка и Франсуа де Россе. И если элита еще наслаждается возвышенной поэзией Ронсара, дю Белле и Мориса Сева, подпольно внимает трагическому пафосу стихов Агриппы д'Обинье, то на «массового» читателя (и, разумеется, слушателя, так как листовки с леденящими кровь историями вывешиваются на площадях, где грамотеи читают их вслух) обрушиваются рассказы о страшных преступлениях, зловещих кознях дьявола и ужасающих карах, наступающих и правых, и виноватых. Недаром именно из новелл времен Религиозных войн нередко черпал свои сюжеты зловещий маркиз де Сад. Большие художники того времени также изображают ужас человеческого бытия. На картинах Питера Брейгеля Старшего «Триумф смерти» (ок. 1562) и «Избиение младенцев» (ок. 1566) человек корчится в муках в объётом пламенем мире. И протестанты, и католики одинаково узнавали в таких полотнах бедствия гражданской войны. Прием запугивания используют обе враждующие стороны. Страх породил трагическое видение мира. Реальность и фантазмы тесно переплетались и в объемных томиках, и в тонких брошюрах, где на нескольких страничках излагалась какая-нибудь короткая кро-

вожадная история. Однако, как указывает Ж. М. Кон-стан, когда простолюдины-католики, запуганные до состояния невменяемости проповедниками и тогдашними средствами пропаганды (картинками и листовками), начинали чувствовать себя карающей десницей Всевышнего и во имя чистоты, невинности и добра отправлялись истреблять гугенотов, гугеноты, также воинственно настроенные своими пасторами, отправлялись разрушать символы чуждой им веры.

Затянувшийся почти на сорок лет религиозный конфликт завершился Нантским эдиктом, принятым королем Генрихом IV в 1598 году. Согласно этому эдикту, король, желая прекратить «смуту и распрю» между своими подданными, разрешал исповедовать «так называемую реформированную религию» во «всех городах и местах королевства» «без преследований, притеснений и принуждений». Нантский эдикт стал первой в Европе попыткой придать легальный статус религиозному меньшинству, заставить общественное мнение пойти на компромисс. Для своего времени подобного рода документ являлся поистине передовым, ибо, по словам автора, он впервые в европейской политике поставил на повестку дня понятие терпимости, «толерантности», хотя, разумеется, о терпимости в современном понимании этого слова говорить не приходится.

С принятием Нантского эдикта завершились восемь религиозных войн, был достигнут — пусть непрочный — консенсус в обществе, и Франция смогла, наконец, вздохнуть свободно и начать восстанавливать разрушенное постоянными войнами хозяйство. Но история конфессионального противостояния на этом не завершилась. Как следует из источников, после восшествия на престол Генриха IV пасторы обнаружили среди реформатов «отсутствие дисциплины», а также «благородного огня», пылавшего в глазах защитников веры во время гражданских войн. И пасторы принялись усиленно блюсти нравы отбившейся за время войн от рук паствы. Отовсюду неслись призывы блюсти умеренность в одежде, укра-

шениях и причёске. Гугенотам стали запрещать вступать в браки с католиками, а те, у кого жены были католичками, обязаны были обратить их в протестантскую веру. Дабы вверенное пастырям стадо соблюдало принципы кальвинистской нравственности, усилилось вмешательство церкви в частные дела, в частные отношения, была установлена система строгого надзора за паствой, пасторы не гнушались шпионских функций и назначали наказания, что порождало недовольство среди гугенотов.

Тем не менее ко времени, когда должность первого министра оказывается в руках у знаменитого кардинала Ришелье, во Франции насчитывается около миллиона гугенотов, во главе их стоит принц крови Анри де Роган, им принадлежит крупнейший порт Ла-Рошель, и, в надежде на поддержку Англии и Нидерландов, они лелеют мечту о создании отдельной республики. До окончательного примирения двух конфессий, о котором мечтал Генрих IV, все еще далеко. Впереди хорошо известная по роману А. Дюма «Три мушкетера» осада Ла-Рошели, а следом менее известное взятие последней протестантской цитадели во Франции — города-крепости Монтобан. Длительная и кровопролитная история религиозных войн во Франции завершается только в августе 1629 года торжественным въездом кардинала Ришелье в Монтобан. Сын Генриха IV, король Людовик XIII, дарует милость гугенотам и отказывается от дальнейших их преследований. Во имя национально-политического единства Ришелье окончательно отказывается от идеи сделать Францию однородной в конфессиональном отношении и сохраняет свободу вероисповедания. Понятие «француз» становится выше понятия «католик» или «гугенот».

Однако мир устанавливается прежде всего на государственном, политическом уровне. На уровне бытового сознания у католиков по-прежнему есть претензии к гугенотам. Тем более что гугенот чаще всего — человек состоятельный, образованный и работающий. А принципы самоуправления протестантской церкви, фактически превращающие каждую

протестантскую общину в независимую республику, вызывают раздражение не только у соседей-католиков, но и у политиков, стоящих у руля государства. А особенно у Короля-Солнца Людовика XIV, чье изречение «Государство — это я» возведено в ранг государственной установки. Людовик XIV объявляет протестантам законодательную войну и начинает окружать их стеной запретов. Протестантам запрещается собираться вне храмов без пасторов, вступать в брак с католиками, воспитывать детей от смешанных браков в принципах реформатской веры, эмигрировать из страны, занимать и исполнять ряд должностей. Смешанные судебные палаты были распущены. Результатом запретительных мер явился принятый в 1685 году в Фонтенбло указ об отмене Нантского эдикта. Страна вновь формально становилась моноконфессиональной. Но именно формально, ибо не все гугеноты добровольно перешли в католичество, не все сумели эмигрировать в Америку или в соседние с Францией протестантские страны. Многие по-прежнему тайно продолжали исповедовать свою веру. Но понятие толерантности на многие годы исчезло из политического обихода.

Проблема терпимости, толерантности не утратило своей актуальности и в наши дни, равно как и проблема межконфессиональной розни, которая, хотя и не принимает более тех варварских форм, которые были свойственны ей в XVI столетии, к сожалению, еще не полностью отошла в прошлое. Новая книга из серии «Повседневная жизнь», посвященная жизни французов в период Религиозных войн, несомненно, привлечет внимание всех, кто интересуется историей. В настоящем предисловии переводчик стремился не только ввести читателя в проблематику новой работы Ж. М. Констана, но и немного расширить рамки исторического фона, показать ряд явлений, которые автор упоминает лишь вскользь, а также связать книгу с имеющимися у каждого из нас представлениями об истории Франции тех далеких времен.

Е. Морозова

Религиозные войны занимают особое место в истории Франции. Этот период бессмысленных массовых убийств и насилия длился почти сорок лет, иначе говоря, на протяжении жизни двух поколений. Причем цели противников, их идеи, их стратегия и тактика в начале и в конце борьбы не были одинаковы. Разумеется, война была не непрерывной: боевые действия сменялись периодами мира, который многие хотели бы сделать постоянным, но религиозные и политические амбиции глав враждующих партий требовали продолжения войны. Чтобы наконец воцарился мир и началось восстановление разоренной страны, Генриху IV понадобилось одержать ряд крупных военных побед и, собрав в кулак всю свою политическую волю и веру в возможность примирения, умело используя усталость населения от войны, преодолеть все трудности и в 1598 году издать Нантский эдикт.

Пристально всматриваясь в этот период своей истории, французы всегда испытывали чувство тревоги и вины, ибо, словно через увеличительное стекло, ясно видели, как верующие двух направлений христианской религии, запрещающей убийство ближнего, беспощадно истребляли друг друга. Возможно, именно поэтому в конце XIX века историки выдвинули предположение, что дворянские кланы использовали религиозные разногласия лишь как пред-

лог для устранения конкурентов и захвата ключевых постов в управлении государством с целью ограничить власть короля. При этом знатью руководило отнюдь не желание послужить во славу королевства или на пользу общества, а стремление удовлетворить свои родовые и личные амбиции. Реализовать их стало возможно в результате ослабления государственной власти после смерти Генриха II, последовавшей 10 июля 1559 года*. Трон, принадлежавший династии Валуа, перешел к сыновьям Генриха II, слишком юным и неопытным, чтобы укрепить его расшатанные основы; не помогли даже усилия королевы-матери Екатерины Медичи, чью хитрость в те времена именовали «макиавеллиевой» или «флорентийской».

Одним из самых могущественных и влиятельных дворянских кланов был клан Бурбонов, прямых потомков Людовика Святого. Во главе его старшей ветви стоял Антуан Бурбон, король Наварры и отец будущего Генриха IV. Приняв, как и его жена, грозная Жанна д'Альбре, протестантскую веру в самом начале Реформации, он впоследствии вновь обратился в католичество. Слабовольный и позволявший манипулировать собой кому угодно, он ни у кого не вызывал страха — в отличие от своего младшего брата, принца Конде, грозного предводителя протестантских армий во время Первой религиозной войны. Клану Бурбонов противостоял клан ревностных католиков Гизов, младшей ветви правящего Лотарингского дома, ведшей свое происхождение от Каролингов. Члены могущественного дома Монморанси, в частности Анн де Монморанси, бывший коннетаблем Франции, главнокомандующим королевской армией, другом короля Генриха II и непреклонным католиком, и предводитель протестантской партии адмирал де Колиньи после гибели Конде и Франсуа де Гиза стали лидерами *партии политиков*, то есть тех, кто хотел преодолеть религи-

* Накануне Генрих II участвовал в устроенном для забавы рыцарском турнире. Во время поединка копьё его противника переломилось и осколок копья попал королю прямо в глаз. Рана оказалась смертельной. (Прим. ред.)

озную распря и урегулировать конфликт политическими методами.

Современные историки, напротив, делают акцент на религиозном характере конфликта, на озлоблении католиков и протестантов, вызванном разногласиями в системе представлений, разногласиями столь существенными, что из-за них французы готовы были убивать друг друга. Ряд историков занимается исследованием муниципальной сферы, контролировавшей жизнь горожан, отношений общества и власти, политических чаяний жителей столицы и самых отдаленных деревень, изучает те ценности, которые заставляли людей братья за оружие. Были составлены картотеки, на основании которых опубликованы указатели парижских и провинциальных лигистов, проведена идентификация протестантов каждого периода гражданских войн, сторонников короля, приверженных тому или иному политическому направлению, дворян и их политической ориентации, крупных и мелких чиновников, сделаны попытки реконструировать биографии отдельных участников событий того времени. Наибольший интерес вызывает модная в наши дни тема взаимоотношений и связей в обществе, социальной активности людей. На основании данных, полученных в результате исследований, формируются наши представления о системе клиентелы, об обязательствах, скреплявших дворянские союзы, об узах дружбы.

Поэтому вряд ли сегодня разумно было бы писать классическую историю Религиозных войн, основанную на традиционных представлениях, опирающихся главным образом на хронологию, которую в настоящее время соблюдают далеко не всегда. Хронологический подход не может отразить весь богатый материал, собранный и проанализированный исследователями за последние двадцать лет. А так как этот материал отражает прежде всего повседневную жизнь людей, ставших участниками интересующих нас событий, то настоящая книга посвящена именно им.

В первой главе поэт Агриппа д'Обинье бросает читателя в самое пекло гражданской войны. Его собеседником становится барон Адрет, один из командиров протестантских вооруженных отрядов, ставший в 1562 году, во время Первой религиозной войны, организатором массовых избиений католиков, грозой населения юго-восточной части Франции. Случайно встретив барона в сентябре 1574 года в Лионе, д'Обинье, любопытный, как любой современный журналист, расспрашивает его о делах минувших дней. Старому капитану* исполнилось восемьдесят, все давно позабыли его, и он рад, что к нему проявил интерес молодой поэт-протестант. Барон подробно отвечает на вопросы д'Обинье, оправдывает свои выступления то на одной, то на другой воюющей стороне. Впрочем, как станет ясно позже, поведение протестантского военачальника мало чем отличалось от поведения военачальника католического, маршала Франции Блеза де Монлюка, а также от поведения других, менее известных капитанов, чьи отряды разбойничали в разных частях королевства.

Относительно организованные, равно как и стихийные репрессии, обрушившиеся на население, характерны для первого периода Религиозных войн, завершившегося 24 августа 1572 года ночью святого Варфоломея. Это событие является апогеем долгой бессмысленной борьбы, на протяжении которой и католики, и протестанты были уверены, что именно они смогут одержать верх, полностью устранив противника с религиозного и политического поля. В третьей главе рассказывается о всплеске религиозной нетерпимости в городах, о том, как запуганное и одержимое страхом божественного отмщения население, пытаясь умиловить высшие силы, приносило им в жертву врагов-еретиков.

В первой и третьей главах речь идет прежде всего о разгуле конфессиональных страстей. Вторая глава увязывает упомянутые в них события с хронологией

* Капитанами в то время называли любого военного, самостоятельно командовавшего отдельным вооруженным отрядом. (Прим. пер.)

и находит им место на политической карте истории периода, начавшегося во время правления Генриха II и завершившегося Варфоломеевской ночью. Франциск I (1515—1547) долго не соглашался принять меры против протестантов, а когда согласился, его действия носили характер вполне умеренный и временный. Но уже его сын, Генрих II (1547—1559), убежденный, что адепты новой религии ставят под сомнение авторитет монархической власти, организовал систематическое подавление протестантов, символом которого стала Огненная палата Парижского парламента*, чрезвычайный судебный орган по делам ереси. Не сумевший правильно оценить силы противников и найти решение, способное обеспечить согласие внутри французской нации, король Генрих II фактически стал главным виновником будущего вооруженного конфессионального противоборства. После его смерти Гизы, дяди Франциска II, правившие от имени юного короля, продолжили политику, которая в результате ввергла страну в пучину гражданской войны.

Екатерина Медичи, супруга Генриха II и мать королей Франциска II (1559—1560), Карла IX (1560—1574) и Генриха III (1574—1589), и канцлер Мишель де Лопиталь верили в возможность мирного сосуществования обеих религий и предлагали предоставить протестантам юридический статус. Однако эта идея, для наших дней наиболее приемлемая, не нашла поддержки в массах; в тогдашней Европе не существовало даже понятия толерантности (слово «толерантность» в значении «терпимость» стало употребляться только в XVIII веке). Невозможно было даже представить, чтобы кто-нибудь из государей согласился иметь среди своих подданных иноверцев: религия призвана была служить укреплению основ государства. В XVI веке доминировала философия неоплатоников, для которых понятия единства, равновесия, согласия и гармонии не сочетались с возможностью существования у нации двух религий.

* Парижский парламент — главный судебный орган тогдашней Франции. (*Прим. пер.*)

В контексте эпохи ночь святого Варфоломея является узловым событием Религиозных войн, ибо именно после этой трагедии большинство лидеров противоборствующих партий убедилось, что победа какого-либо одного лагеря в принципе невозможна. Потрясение было столь велико, что стремление организационно оформить политико-религиозные течения временно отступило на второй план, в результате инициативу перехватили неконтролируемые группы, склонные к стихийному насилию. Протестанты первыми сделали выводы из случившегося, соединив новшества религиозные с перспективными новаторскими идеями в области политики; они же и попытались реализовать эти идеи на практике. Новые политические идеи и практики, особенно в области церковного строительства и организации партий, рассматриваются в четвертой главе. Так, партия монархомахов (тираноборцев) выдвинула идею создания противовеса абсолютной власти короля, чтобы навсегда исключить возможность повторения Варфоломеевской резни. Пробудившееся с новой силой индивидуальное сознание, способное противостоять властным структурам общества, где отношения и обязательства выстраивались и принимались на основе корпоративной солидарности, личной преданности и интересов клиентелы, произвело настоящую культурную революцию в ментальном универсуме.

Чтобы в полной мере проанализировать поведение людей той эпохи, необходимо предоставить слово крестьянам, составлявшим более 80% населения. Их голоса постоянно звучали в Генеральных штатах, собиравшихся в то время гораздо чаще, чем в иные периоды истории французской монархии, а именно в 1560, 1576 и 1588 годах. Накануне созыва Генеральных штатов каждая, даже самая крошечная деревушка, составляла так называемые наказания. К сожалению, многие из этих наказов утеряны, но автору повезло: он обнаружил собрание из пятидесяти наказов за 1576 год. Эти наказания свидетельствуют о том, что сельские жители принимали активное участие в политической жизни страны: они не только выражали

свое недовольство, но и предлагали проекты реформирования общественных институтов. Анализ этих документов позволяет определить, какая из политических партий: протестантов, непреклонных католиков или «политиков», пользовалась поддержкой жителей той или иной провинции. Крестьяне Боса, Перша и Темрэ иногда писали свои указы сами, но чаще всего от их имени выступали нотабли из местных приходов. Процедура составления наказов зависела от структуры населенных пунктов и местных традиций.

Институты, придуманные Лигой, были наиболее совершенными. Движение лигистов, самых рьяных приверженцев католической веры, выступавших против восхождения на престол главы протестантской партии Генриха Наваррского, будущего Генриха IV, рассматривается в шестой главе. Но если прежде Лига традиционно считалась пассаистской организацией, сформировавшейся в крайне консервативной католической среде, то сегодня историки подчеркивают ее исключительно революционный характер. И действительно, подпольный *Комитет шестнадцати*, организовавший 12 мая 1588 года первую в истории Парижа акцию сопротивления, сопровождавшуюся строительством баррикад и принудившую монарха Генриха III бежать из собственной столицы, призывал поделить власть во Франции между королем и Генеральными штатами. По мнению Комитета шестнадцати, в обязанности Генеральных штатов должны были входить выборы суверена, назначение канцлера (второго после короля человека в государстве, ответственного за отправление правосудия и административное управление), коннетабля (главнокомандующего армией), министров, утверждение налогов большинством голосов, а также контроль за использованием кредитов.

Лигисты, взяв власть во многих городах, превратили их в независимые республики наподобие тех, что существовали в Италии или в Священной Римской империи германской нации. Единодушная поддержка населения властей Орлеана, Амьена, Лиона, Марсея, Сен-Мало, Морлэ стала новым и весьма су-

щественным политическим фактором. Будучи воинственными сторонниками Лиги, власти этих городов нацеливали население на выполнение вполне определенных задач и не допускали массовых расправ, какие были в 1562 и 1572 годах. Вспышки народного гнева они направляли в нужное Лиге русло, организуя почти ежедневно шествия кающихся, устраивая религиозные церемонии с участием талантливых проповедников и зрелища, носящие глубокий символический смысл, издавая памфлеты и листовки.

Однако несмотря на активность лигистов последнее слово оставалось за потомственной элитой общества. «Средний эшелон дворянства», стратегическая социальная группа, включавшая в себя губернаторов, наместников, начальников городского ополчения и военачальников, иначе говоря, потенциальные кадры для армии, почти полностью присоединился к Генриху IV. Его собственный политический вес, политический вес высших королевских магистратов, а также набиравшее силу роялистское течение позволили монарху одолеть Лигу. Принимая во внимание, что исход борьбы уже известен, в седьмой главе анализируются противоречивые чаяния дворянства, которое оказалось между двух огней — между традиционной верностью королю и жаждой безграничной свободы, предвещавшей наступление «эпохи трех мушкетеров».

Последняя глава посвящена Нантскому эдикту. Эта первая в Европе попытка выработать толерантное законодательство, дающее статус протестантам, на наш взгляд, является первым шагом на пути к принятию «Декларации прав человека и гражданина».

А чтобы читатель чувствовал себя уверенно в гуще событий Религиозных войн, когда хронологические вехи зачастую тонут в глубине то коллективного сознания, то бессознательного, носителями которого являются герои этой книги, автор считает целесообразным дать в Приложении подробную комментированную хронологию описываемых событий и генеалогические древа наиболее знатных домов той эпохи.

КАРАТЕЛИ И ЗАСТУПНИКИ (Первая религиозная война, 1562—1563 годы)

Прежде чем соорудить декорацию к трагедии, которой суждено потрясти Францию, и представить главных ее постановщиков, автор считает необходимым перенести читателя в самое пекло войны и массовых расправ, провести его по тем местам, где хозяйничали отряды протестантов и католиков под предводительством столь жестоких капитанов, что одни только имена их заставляли содрогаться целые провинции. Однако военачальники, уничтожившие сотни людей, вовсе не считали себя виновными. Католик Блез де Монлюк объясняет свои действия в книге «Комментарии»; не обладавшие литературным даром делали это в личных беседах — подобно барону Адрету, рассказавшему свою историю юному Агриппе д'Обинье. В эпоху великих разрушений, совпавшую с первым периодом гражданских войн, появление таких военачальников было вполне закономерным. Ветераны Итальянских войн, воевавшие под началом Франциска I и Генриха II, они впервые оказались в совершенно неконтролируемой ситуации и готовы были использовать любые, даже аморальные методы, чтобы руководить ходом событий.

«Интервью убийцы».
Поэт Агриппа д'Обинье беседует
с бароном Адретом

Поведение организаторов массовых расправ в эпоху Религиозных войн кажется нашим современникам абсурдным и ничем не объяснимым. Похоже, так думал и Агриппа д'Обинье, командир отряда протестантской армии, соратник Генриха IV, известный поэт и историк, свидетель тех событий. Любознательность Агриппы, его стремление получить достоверную информацию, его желание во всем разобраться сделали бы честь и современному журналисту.

В сентябре 1574 года Агриппа д'Обинье был приглашен на устроенный в Лионе прием по случаю вступления на престол нового короля Франции Генриха III, вернувшегося вскоре после смерти своего брата, Карла IX, из Польши, где его избрали королем. Увидев, что привратник не пускает в зал, где шел прием, двух ветеранов Итальянских войн и участников войн гражданских, д'Обинье, обладавший поистине журналистской хваткой, позволявшей ему добывать информацию из первоисточников, посчитал нужным выразить свое возмущение. Полагая, что эти люди вполне заслужили определенного почтения, он гневно воскликнул: «Мне стыдно (sic) за мой вид и мои побрякушки, позволившие мне, безбородому юнцу, войти туда, куда не пустили этих старцев!» В то время д'Обиньи было всего двадцать два года, и вполне понятно, что он испытывал чувство неловкости, видя как непочтительно обходятся с военачальниками, в прошлом достаточно авторитетными, но позабытыми на закате жизни. А так как одним из ветеранов был барон Адрет, то д'Обиньи не мог упустить шанс задать этому человеку давно уже мучившие его три вопроса. Расположившись на скамье в одном из залов, барон согласился удовлетворить любопытство почтительно склонившегося перед ним молодого поэта.

Первый вопрос поэта касался массовых убийств: почему барон действовал так жестоко, почему совер-

шал поступки, несовместимые с достоинством воина и законами чести? Второй вопрос был более личным: почему он покинул лагерь протестантов и присоединился к католической партии? И, наконец, почему после своего обращения в католичество он больше не совершал поступков, подобных тем, что прославили его, когда он командовал отрядами протестантов?

Отвечая на первый вопрос, барон — к великому изумлению Агриппы д'Обинье — честно признал все предъявленные ему обвинения. Вот что пишет об этом поэт: «С поразительным хладнокровием он заявил, что истребил более четырех тысяч человек, а потом поведал мне об изощренных пытках, о которых я прежде никогда не слышал».

Агриппа д'Обинье был шокирован — как такой авторитетный военачальник, да к тому же протестант, мог совершить столь тяжкие злодеяния! Но увы, почтенный капитан был действительно кровожадным убийцей. В юности он отправился в Италию, где воевал под командованием Лотрека. С тех пор он привык рисковать жизнью на поле боя. Между тем ему было суждено дожить до весьма преклонного возраста и умереть в своей постели в 1587 году.

Подлинная история барона Адрета

Франсуа де Бомон, барон дез Адрет отличился в Италии: захватил в плен командира противников, затем участвовал во взятии Генуи и Неаполя, получил пулевое ранение выстрелом из аркебузы. Король Франции Франциск I включил его в число семи палатных дворян своего сына, герцога Орлеанского. В 1550 году барон Адрет возглавил пехотный корпус в Италии и сражался под руководством маршала де Бриссака, умело использовавшего смелого и дерзкого барона для выполнения «крайне опасных» заданий. Получивший множество ранений, часто вступавший в конфликт с другими дворянами, барон Адрет слыл среди современников человеком решительным, мужественным и непреклонным. Скорее

всего, именно поэтому в 1558 году он был назначен командующим войсками Дофине, Прованса, Лионнэ и Оверни.

В самом начале Религиозных войн барон встал на сторону вождя протестантской партии принца Конде. В то время его звание звучало так: «лейтенант принца Конде в христианской армии, собранной для службы Господу, ради свободы короля и королевь-матери, для поддержания величия их государства и свободы христиан в Дофине».

Барон Адрет отважно сражался в протестантской армии. Однако некоторые его действия подверглись жесткой критике, и в частности, избиения, учиненные им в ряде захваченных им городов. Разумеется, поведение солдат во время военной кампании было далеко не гуманным, но общественное мнение, сложившееся под впечатлением от жутких историй, передававшихся из уст в уста, наделило барона особой жестокостью, в которую, впрочем, было нетрудно поверить, как поверил в нее Агриппа д'Обинье.

Первое сражение, сделавшее барона знаменитым, состоялось при Валансе, городе, считавшемся южными воротами провинции Дофине.

Валанс, Лион, Гренобль

Организатором обороны Валанса был градоначальник Блез де Пардальян сеньор де Ламот Гондрен, сподвижник герцога Гиза, губернатора Дофине. Ламот Гондрена ненавидел весь Прованс: он был повинен в многократных массовых избиениях протестантов. В Валансе он снискал неприязнь не только нотаблей, но и всего населения города, пожелав сделать консулами (ответственными муниципальными чиновниками) людей, преданных лично ему. Наконец, все в городе знали о том, что герцог Гиз прислал сеньору де Ламот Гондрену письмо, в котором приказывал повесить протестантского министра (пастора) Валанса. 27 апреля 1562 года город был взят отрядом барона Адрета. Победенный Ламот Гондрен

бежал одним из первых и заперся у себя в доме в центре города. Когда пришло известие о прибытии победителя, капитана протестантского отряда, народ устремился к дому Ламот Гондрена с намерением отомстить ему. Дворянин Жан де Веск, сеньор де Монжу нанес градоначальнику смертельный удар кинжалом. Затем толпа повесила тело убитого на окне его дома. Эту сцену запечатлели два знаменитых гравера, Торторель и Периссен, чьи работы сохранили память о тех трагических событиях для будущих поколений.

Одержав победу, барон Адрет получил всю полноту власти, которой прежде обладал Ламот Гондрен, а также звание управляющего и королевского наместника Дофине. Его первые постановления были направлены на удовлетворение требований протестантской общины. Он послал письма всем консулатам и муниципалитетам городов, расположенных в провинции Дофине, с повелением «не признавать иной веры, кроме веры протестантской».

Одержав первую победу, барон поднялся по долине Роны и вступил в Лион, древнюю столицу галлов. Однако вступление в Лион нельзя считать военной победой: к этому времени, а именно в ночь с 30 апреля на 1 мая 1562 года, лионские протестанты захватили город, после чего призвали к себе успевшего прославиться на поле брани барона Адрета, чтобы тот организовал оборону города от двинувшихся в контрнаступление католиков. Для обеспечения безопасности Лиона барону пришлось провести набор добровольцев и заручиться поддержкой протестантских кантонов Швейцарии.

Из Лиона барон отправил в наделенный исполнительной властью парламент Гренобля предписание изгнать из города ряд советников, названных им «мятежниками», а также тех, кто, по его мнению, был «слишком рьяным католиком».

Разумеется, он предполагал, что приказ его могут не выполнить, и поэтому пригрозил советникам парламента повесить их, если они не изгонят из города указанных им людей. Запуганные магистраты бежа-

ли в Шамбери, во владения герцога Савойского. (В те времена Савойя была независимым государством, включавшим в себя территории современных французских департаментов Савойя и Верхняя Савойя, а также итальянскую провинцию Пьемонт.)

В Гренобле поступок барона Адрета был воспринят как залог победы и сигнал к действию: реформаты, и в том числе дети, стали врывать в церкви и уничтожать все, что они называли «католическими идолами». Иконоборческое движение получило распространение во всех городах Дофине, кроме Амбрана и Бриансона, оставшихся в руках католиков. 9 мая 1562 года барон Адрет во главе своей армии прибыл в Гренобль. Он запретил слушаться королевского наместника Можирона, объявив его «подстрекателем и нарушителем королевских эдиктов». Он также запретил исполнять обряды католической религии и предупредил: монахи и священники, которые откажутся подчиниться, будут преданы смерти.

Священные сосуды и предметы искусства, предназначенные для отправления культа, именем короля были конфискованы и проданы, а вырученные за них деньги использованы на содержание войска и возмещение военных расходов. Церковные здания были превращены в протестантские храмы; монастыри также были захвачены, а монахи «отпущены на волю» — дабы, покинув обитель, они могли принять новую веру. Знаменитый монастырь Большой Шартрез был осажден. В знак повиновения новому управляющему провинцией советники парламента и чиновники из счетной палаты Дофине все как один стали посещать кальвинистские проповеди (месса отныне была запрещена), куда их на всякий случай сопровождал эскорт солдат, подчинявшихся барону.

Завершив дела в Гренобле, Адрет направился к Вьенну, где его сторонники распахнули перед ним ворота. 15 мая барон занял ратушу и, действуя по уже отработанному сценарию, запретил мессу и потребовал передать ему церковные ценности, дабы он смог возместить расходы на содержание войска.

Архиепископ, обязанный своим возвышением Гизам, испугался и, не желая попасть в руки протестантского вождя, спешно покинул город. Откликнувшись на призывы других протестантов, барон продолжил свой поход по городам в долине Роны.

Резня в Оранже и завоевание долины Роны

В Оранже, расположенном на территории, формально находившейся под папской юрисдикцией, большинство жителей перешло на сторону реформатов; в отместку католики учинили в городе настоящую бойню. Проведя переговоры в Италии, местный епископ добился отправки в город большого отряда итальянских наемников под предводительством Фабрицио Себеллони, командующего папскими войсками в Авиньоне. В Кавайоне Себеллони соединился с отрядами провансальца маркиза де Карсеса, графа де Сюза и герцога де Сомрива (Онора Савойского). И ранним утром 5 июня 1562 года объединенная армия, воспользовавшись отсутствием руководителей протестантов, не успевших к этому времени вернуться из Лиона, напала на Оранж. Проживавшие в городе католики активно поддержали осаждавших. Известный историк того времени де Ту поведал о зверских расправах победителей над побежденными. Итальянцы убивали горожан кинжалами, сажали на кол, поджаривали на медленном огне, распиливали свои жертвы на части. Они вышвыривали на улицы немощных старцев вместе с кроватями, насиловали женщин, а потом вешали их на воротах и окнах их собственных домов, убивали младенцев, разбивая им головы о стены, резали ножами детей постарше. Как рассказывает Агриппа д'Обинье, кровожадные бандиты не щадили даже католиков, оказавших им помощь при захвате города, ибо, по мнению итальянских наемников, разница между французскими католиками и гугенотами была невелика. Гарнизон Оранжа был вырезан, а сам город подожжен. Триста домов, в том числе и дом епископа, стали добычей

огня. Пожар стих только к вечеру: его потушил сильный ливень.

Назначив Бриона своим заместителем в Гренобле и дав ему под начало отряд солдат, барон Адрет покинул столицу Дофине и с «мечью в сердце» отправился в рейд по долине Роны. По дороге он осадил Пьерлат, обороной которого командовал граф де Сюз, один из организаторов резни в Оранже. Отважный барон сам повел солдат на штурм города. Всегда впереди всех, всегда готовый рисковать собственной жизнью, он подавал солдатам пример мужества, и именно эти качества снискали ему авторитет не только у подчиненных, но и у населения. Воодушевленные примером командира, солдаты захватили город и взломали ворота крепости. Защитники города решили капитулировать. Начались переговоры, однако пока они шли, солдаты и присоединившиеся к ним жители Оранжа, счастливо избежавшие гибели, решили отомстить за своих сограждан и истребили всех стражей Пьерлата: кого изрубили на куски, кого закололи шпагами, а кого сбросили с высокой скалы в пропасть. Барон не принимал участия в этой бойне, но он не сделал ничего, чтобы ей помешать. Де Ту, получивший возможность лично встретиться с бароном Адретом, так описал его: «Это жестокий человек, постоянно ищущий повод для кровопролития; но вместе с тем это великий военачальник, отчаянно храбрый, неизмеримо бдительный и усердный в ведении боя».

Из Пьерлата барон направился в Бург и взял его штурмом; следующий город, Пон-Сент-Эспри, сам распахнул ему ворота; Болен также сдался без боя, тем не менее гарнизон его был перебит. Знаменитый капитан хотел двигаться дальше, к Авиньону, символической столице папского анклава во французском королевстве, но вынужден был отказаться от этого замысла, так как получил известие, что католики Гренобля вновь захватили власть в городе и парламент одобрил возвращение прежнего губернатора Можирона. По мнению Бриона, оставленного бароном управлять городом, но не сумевшего удержать доверенную ему власть, Гренобль был для протестантов

потерян. Однако окрыленный одержанными победами барон воскликнул: «Но ведь солнце приходит к жителям Гренобля? Значит, приду к ним и я!»

По дороге Адрет оставил в Валансе и Романе верные ему гарнизоны, укрепив тем самым собственные тылы, а затем отправился в Сен-Марселен, на защиту которого встал тамошний гарнизон численностью триста человек. Взяв город, барон приказал сбросить с высокой башни всех оставшихся в живых защитников Сен-Марселена.

Рейд барона произвел на жителей Гренобля огромное впечатление, и Можирон, поняв, что оказать сопротивление он не в состоянии, решил удалиться в Савойю, чтобы оттуда направиться в Бургундию.

Брошенные на произвол судьбы жители Гренобля воззвали к чувствам барона и, похоже, сумели найти нужные слова, чтобы пробудить в нем «сострадание». Войско Адрета (шесть тысяч человек, как утверждает д'Обинье) вошло в город, но — факт весьма необычный для тех смутных времен — солдаты вели себя вполне лояльно, не грабили и не насиловали население. Вернувшись к прежним обязанностям, барон издал ордонанс, потребовавший от враждующих сторон восстановить мир и согласие, а также исправно отправлять правосудие.

Сравнивая эти его указы с прежними, можно с полным правом говорить о способности барона приспособляться к изменившимся обстоятельствам. На этот раз в своем послании к советникам парламента Гренобля Адрет подчеркнул, что, принимая во внимание политическую реальность, он решил продемонстрировать свое умение договариваться с населением, а также способность заставить своих солдат в точности выполнять его приказы. Агриппа д'Обинье считал, что «он хотел показать, что по собственному усмотрению может превращать солдат то в свирепых львов, то в кротких овечек».

Уладив дела в Гренобле, Адрет отправился в Лион, где назначил нового губернатора — сенешаля Валантинуа по имени Буржа. Однако его выбор не устроил жителей Лиона, и те обратились с просьбой к Конде

назначить на эту должность другого человека. Столица галлов не хотела мириться с самоуправством барона. Обладая реальной политической властью, консулы Лиона стремились сохранить свою независимость, а потому принимали в штыки любые постановления управляющего, изданные без их совета и согласия. Но барон, похоже, не придавал особого значения их политическим демаршам и направил свою армию к Форезу, сея по дороге страх и ужас; в Форезе его люди установили настоящий террор, разграбили церкви и разбили статуи святых.

В городе Монбризоне, расположенном на территории современного департамента Луары, в июле 1562 года барон Адрет совершил злодеяние, которому не было равных на всем его кровавом пути по юго-востоку Франции. Несмотря на договоренность его заместителей, пообещавших в обмен на капитуляцию замка сохранить жизнь его защитникам, барон, вступив в город, отменил все достигнутые без него договоренности, и лично заставил двенадцать пленных, среди которых находился и мэр города, броситься с верхней площадки сторожевой башни. Говорят, что барон с удовольствием наблюдал за этой ужасной казнью и ободрял свои жертвы метким словом — особенно тех, кто сумел его рассмешить. Двенадцать вынужденных самоубийц не были единственными жертвами. Всего в Форезе было убито восемьсот католиков и изнасиловано бесчисленное количество женщин.

Вскоре барона вновь призвали на ратные подвиги, и он переложил заботу о сохранении завоеванных городов на плечи заместителей. В Лионе Адрет узнал, что Конде сместил его с должности наместника и передал этот пост Субизу. Однако новый наместник сумел не только не вызвать гнев барона, но и в высшей степени польстить его самолюбию. Он передал под его командование несколько превосходно вооруженных отрядов и воздал ему почести за его доблесть. Субиз даже дерзнул посоветовать Адрету в дальнейшем воевать с меньшей жестокостью. И, судя по словам д'Обинье, барон несколько не рассердился на Субиза

и продолжал считать его «превосходным, отважным, мудрым и найдоблестнейшим среди капитанов».

Возможно, барон и затаил обиду на Конде, но он этого никогда не показывал, а впоследствии утверждал, что неприязнь он испытывал исключительно к Колиньи. Исправно откликаясь на призывы протестантов о помощи, доносившиеся со всех сторон, и прежде всего от его заместителей, оставленных им в городах провинции Конта Венэссен и долины Роны, барон Адрет вновь выступил в поход.

25 июля он прибыл в Вальреас, незадолго до того разграбленный отрядами графа де Сюза. Барон захватил город и обратил знаменитого провансальского капитана в бегство. Еще через день Адрет взял крохотный городок Тюлет. Напуганные его победоносным рейдом, итальянские наемные гарнизоны, защищавшие многие города Конта Венэссен, спешно покинули провинцию.

В это время Субиз прислал барону депешу, в которой просил его немедленно подняться вверх по Роне и встать на защиту Лиона, которому угрожал герцог Немурский, католический принц, принадлежавший к одной из ветвей Савойского дома. Барон откликнулся на призыв, но дважды потерпел поражение при Борепере. Однако будучи опытным тактиком, он сумел заставить герцога Немурского отступить во Вьенн и запереться в городских стенах, позволив тем самым Субизу доставить в Лион продовольствие и вооружение. В течение трех недель барон осаждал Немура во Вьенне, что для герцога было равносильно поражению. Не сумев победить барона на поле боя, герцог решил попытаться одержать победу другим оружием, а именно, оружием переговоров.

Убедительные доводы барона Адрета

Итак, мы видим отважного боевого командира на перепутье: как вести себя дальше и с кем продолжать войну? Несмотря на дружеские отношения с Субизом, свое юридическое отстранение от должности

наместника барон счел публичным унижением, и чувство обиды, похоже, сыграло весьма существенную роль в его решении начать переговоры с герцогом Немурским и представителями короля.

На «смещение» Адрета Конде решился под давлением консулов Лиона, которым барон перестал внушать доверие. В самом деле, он покончил с военными учениями протестантов, изначально задуманными для того, чтобы при случае «освободить» короля от «дурных влияний». Памятуя о жестокости барона, чиновники с ужасом представляли себе, какие действия при первом же их неподчинении он может предпринять. Барон прекрасно знал, чего опасаются католики, и, вступив в переговоры, попытался объяснить свою позицию.

В письме к герцогу Немурскому от 15 ноября 1562 года он попытался оправдаться перед католическим принцем в гибели де Ламот Гондрена и в тех «суровых мерах, которые ему пришлось принять в Вальреасе, Болене и Пьерлате». Барон утверждал, что это был всего лишь «ответ на варварское истребление протестантов, учиненное графом де Сюзом и [Себеллони] в Оранже», что он всего лишь мстил за жертвы отвратительной резни, устроенной другими, католическими капитанами, чье поведение, в сущности, ничем не отличалось от его собственного.

В качестве второго аргумента в свою пользу он привел тот факт, что протестантская партия очутилась в тяжелом положении, ибо «с ней перестали считаться вовсе», а он своими доблестными победами способствовал восстановлению ее репутации.

Третьим аргументом в свою защиту он решил растрогать католического военачальника. Он написал, что «никогда не изменял данному слову» (однако Агриппа д'Обинье сообщает, что в Монбризоне он не посчитался с обещаниями, данными его заместителями) и «всегда соблюдал все требования, предписанные человечностью и благообразием, особенно когда ему доводилось решать участь католических дворян, женщин и знатных сеньоров».

И наконец, он заявил, что действовал не из честолюбия, а исключительно исполняя приказы принца Конде, тем более что сам он встал на сторону протестантов по тайному повелению королевы-матери Екатерины Медичи, а посему целью его было «поддержание свободы короля и протестантов, и борьба против тех, кто нарушил эдикты». В заключение барон написал, что если бы его противники «выпустили короля на свободу и поступили по справедливости с протестантами», он бы сам отказался от титула наместника провинции Дофине в пользу герцога Немурского и «принес бы ему обет верности и повиновения, как то и положено».

Изменились ли аргументы барона Адрета через двенадцать лет, в ноябре 1574 года, когда он отвечал на вопросы Агриппы д'Обинье ?

Во-первых, он вновь озвучил идею мести за «убийства», совершенные католиками, однако конкретных фактов не привел. Он напомнил о «беспорядках в Маконе», где губернатор-католик Сен-Пон заставил пленных протестантов прыгнуть в воды Соны, «чтобы дети и женщины» католического вероисповедания могли полюбоваться, какой «мучительной смертью умирают гугеноты». Но в этом случае его подвела хронология: события в Маконе произошли после событий в Сен-Марселене и Монбризоне. И он забыл о бойне в Оранже, хотя именно о ней он писал герцогу Немурскому, так как событие это, несомненно, оказало влияние на его дальнейшие поступки.

Второй аргумент, выдвинутый им в свою защиту, звучал так: он вел себя по отношению к католикам менее жестоко, чем католики по отношению к протестантам.

Третий довод был такой: военачальник, не желавший выглядеть малодушным трусом в глазах подчиненных, не должен был оставлять безнаказанной «гибель своих верных соратников», а единственным средством заставить врага «прекратить варварство» является «воздать ему по заслугам». И в качестве доказательства своей правоты он рассказал Агриппе д'Обинье, как некоторое время назад «три сотни за-

хваченных в плен вражеских всадников были возвращены (...) противнику, только у каждого из них была отрезана стопа на одной ноге и кисть на одной руке», после чего враг изменил свое поведение и «беспощадная война превратилась (...) в обмен любезностями».

Четвертым аргументом барон выдвинул необходимость поддержания дисциплины среди солдат, равно как и необходимость постоянной демонстрации решимости и непреклонности военачальника. Невозможно, говорил барон, «обучить солдата держать в руке и шпагу, и шляпу одновременно». Перед ним был враг, похвалявшийся, что сражается во имя короля. Если бы на этом основании «он вел войну, соблюдая все законы вежества», «опустив голову и понурый сердцем», его армия терпела бы поражение за поражением, так как у солдат не было бы никакой мотивации идти в бой. Кроме того, в те времена каждый солдат мог в любую минуту дезертировать. Чтобы избежать стихийной «демобилизации», чтобы у солдат не было искушения сбежать при виде превосходящих сил противника или, получив легкое ранение, сдаться врагу, «следовало дать им понять, что надежным пристанищем для них может быть только солдатский строй» и жизнь свою «они могут сохранить только в том случае, если победят».

Подобные признания позволяют нам понять причины жестокости военачальников в эпоху Религиозных войн, когда любое напоминание о примирении расценивалось как предательство. Следуя неумолимой логике противостояния, которое на первом этапе войны все стремились увековечить, обе стороны яростно раскручивали маховик насилия и массового истребления профессиональных противников.

Барон дез Адрет прекрасно понимал стоявшие перед ним задачи и вел войну по своему усмотрению, не задумываясь, как будут судить о нем другие. Он твердо знал: если нет возможности войну выиграть, значит, ее надо завершить, а лучший способ завершить войну — это вступить в переговоры с противником и найти приемлемый для обеих сторон ком-

промисс. Чтобы найти компромисс, необходимо занимать сильную позицию; впрочем, такой позиции не было ни у герцога Немурского, ни у барона Адрета. Так что им просто повезло.

Пленение барона Адрета

Согласие барона начать переговоры о мире приободрили герцога Немурского, и тот осмелился послать своего эмиссара выведать истинные замыслы капитана протестантов. Однако переговорная инициатива барона была воспринята в протестантских кругах крайне отрицательно, тем более что она не была санкционирована ни Конде, ни Колиньи. Отвечая возмущенным сторонникам реформированной церкви, Колиньи заявил, что необходимо «стерпеть любую наглость барона, иначе придется постоянно опасаться дурных выходов с его стороны, ибо будет гораздо хуже, ежели из наглеца он превратится в яростного гневливца».

Для сторонников католической партии переговорный демарш протестантского капитана, причинившего им столько зла, не прошел незамеченным. Маршал де Бриссак отправил барону Адрету письмо, в котором напомнил ему о тех временах, когда они вместе сражались в Италии, и о некогда связывавшей их дружбе. Маршал сделал ему два предложения на выбор — поступить на службу к королю или же покинуть французское королевство. В последнем случае маршал обещал ему сто тысяч экю золотом, которые будут выплачены в Страсбурге, находившемся в то время на иностранной территории (вольный город, принадлежавший Священной Римской империи германской нации). Если же барон решит покинуть лагерь протестантов и поступить на службу к королю, он получит должность командира роты из пятидесяти человек, сто тысяч ливров вознаграждения и орден Святого Михаила.

Барон остался равнодушен к обоим предложениям. У него созрел иной план. Он решил примирить

обе партии и с присущей ему энергией принялся осуществлять свой замысел. Для начала он встретился в Валансе с Немуром. Однако протестанты, относившиеся к его переговорам и поступкам крайне подозрительно, приказали арестовать барона.

10 января 1563 года бывшие помощники барона, лейтенанты Монбрэн и Муван явились к своему начальнику, чтобы арестовать его. Барон схватил шпагу и решил дорого продать свою свободу, но когда лейтенанты пообещали, что обращаться с ним будут достойно, он сдался. Сначала Адрета посадили в тюрьму в Романе, а спустя некоторое время перевели в Ним, где он пробыл практически до очередного мира, заключенного 19 марта 1563 года.

Арест барона протестантами расстроил планы герцога Немурского, надеявшегося, что блестящая репутация и кредит доверия, которым наделило барона общественное мнение, позволят ему передать под власть короля Дофине и, быть может, даже города в долине Роны. Разделявшая эту точку зрения королева-мать писала: «В этот час на нашу сторону встал барон дез Адрет, теперь он готов подчиниться королю, моему господину и сыну, и передать ему во власть все те места, кои мятежники заняли в Дофине».

Обеспокоенный тем, как изменилось отношение католиков к барону, штаб протестантов решил снять Адрета со всех ответственных постов, удалить его как с поля боя, так и от стола переговоров. Вначале с узником обходились почтительно, однако со временем к нему стали проявлять меньше уважения. В Романе у него забрали оружие, то есть совершили акт в высшей степени символический по отношению к военачальнику, а затем арестовали все его бумаги. Из Романа барона ненадолго перевели в Монпелье, а затем в крепость в Ниме.

Для ведения процесса по делу барона дез Адрета назначили специальных комиссаров, так как судей он отверг — на том основании, что они «продались его врагам». Обладая рядом привилегий, как по праву рождения, так и в силу своего высокого ранга, барон потребовал, чтобы его судили в Дофине. Он утверж-

дал, что не совершил ничего противозаконного, тем более что в вину ему вменяли всего лишь вступление в переговоры с роялистами, сознательно умалчивая о совершенных по его приказу и при его попустительстве жестокостях, ибо не только он, но и все вокруг знали, что именно его победы, одержанные в особенно тяжкие для протестантов времена, помогли его тогдашним друзьям-реформатам выйти из затруднительного положения. Об этом он также упомянул в беседе с Агриппой д'Обинье.

Проведя в заточении около двух месяцев, он был освобожден на основании Амбуазского эдикта; но положение его было незавидным, ибо жизни его явно угрожала опасность. Говоря словами Теодора де Беза, он получил свободу «без прощения и без приговора». Так как при освобождении ему не вернули отобранные у него после ареста бумаги, он потребовал правосудия у Гренобльского парламента, того самого, на который он сначала нагнал страху, а потом уладил дело миром. Советники парламента постановили удовлетворить все требования барона. Надо сказать, ходившие о нем легенды стали обращаться ему на пользу. Даже Рим опасался его набегов. В течение нескольких месяцев он был подлинным владыкой юго-востока Франции. Но могущество барона за несколько дней рассыпалось в прах. Брантом, посвятивший ему несколько строк, полагал, что, изменив партии протестантов, барон утратил доверие населения, и констатировал, что «барон никогда не был достаточно хорош ни для католиков, ни для гугенотов».

Почему барон Адрет перешел в лагерь католиков?

Сам барон совершенно иначе расценивал свое поведение. Как следует из письма к Немуру, он полагал, что действует по указанию королевы Екатерины Медичи, не желавшей мириться с усилением власти знатных, но надменных католических сеньоров, и утверждал, что королева-мать хотела усилить влия-

ние Конде, чтобы сделать из него противовес могущественным Гизам, и прежде всего в Дофине, где барон обладал изрядным влиянием.

В разговоре с протестантом Агриппой д'Обинье барон Адрет использовал иные аргументы: например, возмущался усилившимся, на его взгляд, влиянием пасторов, входивших в окружение Колиньи. В частности, он сказал, что «господин адмирал руководил военными действиями, опираясь на циркуляры министров [протестантские пасторы именовались министрами], и хотел, чтобы краснобаи судили тех, кто силен в делах, а не в речах».

Он даже извлек на свет давний аргумент генералов: войной должны заниматься военные, побывавшие на поле брани, а не те, кто на основании их рассказов говорит или пишет о войне. То же самое говорил и Монлюк, попытавшийся объяснить, как война, выигранная на поле боя, была проиграна на бумажном фронте, из-за «проклятых бумажек», а точнее, теми, кто эти бумажки писал, то есть дипломатами и политиками. Защищая эту точку зрения, барон Адрет заявлял: «чтобы сменить существующее правление, нужно всего лишь ввести правление военное».

Своей жестокости и своим неблагоприятным поступкам он легко находил оправдание: «когда вам надо сбить спесь с надменного врага, скромность вам не поможет», или — «овцы не могут побороть львов». Воспитанный в традициях латинской культуры, он, отстаивая свои позиции, прибегал к историческим аналогиям. Так, он сравнивал Колиньи с Фабием Кунктатором (Медлителем), который в III веке до н. э. применил против Ганнибала тактику сдерживающей войны: не вступая в бой в боевом порядке, он изматывал врага, не давая ему передышки. Столкнувшись со стратегией, более всего напоминающей герилью, Ганнибал потерпел поражение; тем не менее римляне чувствовали себя обесчещенными, так как они ни разу — в привычном понимании — не вступили в бой с карфагенянами. Но когда вновь назначенные полководцы дали битву по всем правилам, они были

наголову разбиты противником, и им пришлось вернуться к проверенной тактике Фабия.

Барон Адрет обвинял Колиньи в том, что тот сделал ставку на цензора (то есть администратора, иначе говоря Субиза), а следовало делать на диктатора (то есть барона Адрета), наделенного всеми военными полномочиями. И упрекал Колиньи за то, что тот предпочел Фабия Марцеллу (Марцелл был римским генералом, покорившим Цизальпинскую Галлию и снискавшим славу во Второй Пунической войне).

Уверенный, что он стал жертвой политических интриг, барон, по его собственным словам, вынужден был начать переговоры с герцогом Немурским, дабы в конце концов добиться перемирия, заключенного в декабре 1562 года. Агриппе д'Обинье он говорил, что его поведение не было продиктовано ни скупостью, ни желанием личного обогащения. Впрочем, в этом мы могли убедиться, когда барон отверг предложение Бриссака получить большую сумму и уехать за границу. Также барон убеждал собеседника, что поступки его не были вызваны «страхом», хотя на это никто даже не намекал, ибо все кампании Адрета свидетельствовали о его личном мужестве.

Не лишенным логики было и утверждение барона, что он покинул лагерь протестантов «из мести, и только после того, как с ним вновь расплатились черной неблагодарностью». Адрет явно хотел создать о себе впечатление, как об образцовом воине, непримиримом к врагам, решительном, готовом взять на себя ответственность и не идущем на поводу у сиюминутных эмоций. Он хотел выглядеть жертвой лицемерия и интриг со стороны политиков.

Доводы барона удовлетворили любопытство д'Обинье-историка, однако д'Обинье-журналист сгорал от нетерпения получить ответ на третий вопрос: почему католики не нашли ему лучшего применения, почему он больше не вершил таких же громких дел, какие он вершил, когда воевал во главе протестантской армии на юго-востоке Франции?

Вопрос этот, похоже, удивил барона, ибо д'Обинье пишет: «Когда я попросил его ответить на третий вопрос, он тяжело вздохнул, а затем был предельно краток». Ответ его больше напоминает резюме в двух пунктах, нежели развернутое повествование. Начал же барон с загадочной фразы: «Дитя мое, никто так не дорог капитану, как его солдат, особенно когда этот капитан жаждет только победы». Без сомнения, Адрет хотел этим сказать, что если в 1562 году стремление к победе у солдат протестантской армии было столь же сильным, как и у их начальников, то впоследствии оно явно уменьшилось. Второе высказывание барона было более ясным: «Когда я командовал гугенотами, я командовал солдатами; потом мне пришлось командовать торговцами, [думавшими] только о деньгах (...) и крайне редко пускавшими в ход шпоры».

Барон Адрет подмечает особенности этого периода Религиозных войн, обусловившие различия между первой войной, продолжавшейся с 1562 по 1563 год, и последующими войнами. Различия эти заключаются в мотивациях и в отсутствии единого военного командования с одной стороны, и в настроениях воюющих протестантов с другой. Во время первой гражданской войны французские протестанты надеялись сделать свою религию господствующей или, по крайней мере, заставить католиков признать важную роль гугенотов в жизни королевства.

Но хотя барон видел всю подоплеку Религиозных войн, он не сумел должным образом определить свое место ни во второй, ни в третьей войнах, продолжавшихся с 1567 по 1569 год. Тем не менее роль его в то время была достаточно велика, хотя, разумеется, и не сравнима с его ролью во время Первой религиозной войны, когда его личность и его военные кампании привлекали большое внимание хронистов и являлись темой всеобщих разговоров и пересудов. После возобновления гражданских распри барон предоставил себя в распоряжение короля, и тот, возведя его в чин полковника, назначил его в пехотный

полк, квартировавшийся в Дофине. Таким образом под командованием барона оказалось три тысячи человек, каждый из которых был о нем наслышан и «почитал за честь сражаться под его знаменами». В феврале 1568 года по приказу герцога Неверского барон Адрет осадил Ла-Кот-Сент-Андре, где, если верить Бельфоре, «он сражался как лев». Одержав победу, Адрет оставил в городе верный ему гарнизон, а сам отправился в Бург-Сент-Антуан, а затем в Роман, где раскрыл заговор, составленный с целью убить его. В 1569 году он, по-прежнему в чине пехотного полковника, сражался при Жарнаке и при Монконтуре. После знаменитой осады Сансера, где барон дрался бок о бок с Немуром и Лашатром, губернатором провинции Берри, он получил приказ присоединиться к армии герцога д'Омаля (из рода Гизов), находившейся в Лотарингии.

В Лотарингии дела барона пошли неважно, у него начались неприятности, и он принял решение вернуться в свою провинцию Дофине. Но там сеньор Гордеса обвинил его в связях с протестантами, и в частности с теми, кто эмигрировал в Женеву, а также с проживавшим в Голландии семейством Нассау. Его хотели арестовать и предать суду, но он сумел опровергнуть выдвинутые против него обвинения. После заключения мира барон прибыл ко двору, чтобы окончательно оправдаться перед королем Карлом IX. Король публично, в присутствии обоих братьев Гизов, герцога Лотарингского и герцога Немурского, выслушал объяснения барона, а затем велел составить документ, полностью оправдывающий Адрета, и собственноручно сей документ подписал. Бумага эта была затем отправлена в судебные инстанции провинции Дофине и соответствующим образом зарегистрирована. Король же сказал, что он «остался совершенно доволен и удовлетворен полученными им сведениями» и считает барона «человеком достойным, верным слугой и подданным, и не питает относительно его никаких подозрений». И призвал барона «по-прежнему столь же ревностно служить ему и блюсти законы королевства».

Барон был доволен: документ, подписанный королем, полностью его реабилитировал. В силу возраста он уже не мог воевать так, как прежде, и решил отойти от дел. Но когда назначенный губернатором провинции Дофине Ла Валет (Эпернон) явился к нему с визитом, обнял его и заявил, что «ежели бы ему не довелось увидеть столь необыкновенного человека, чьи выдающиеся качества он ценит необычайно высоко, он бы пребывал в глубочайшей печали и сожалении», барон растрогался и согласился вернуться на службу. Однако годы брали свое, и барон Адрет, не имея сил вести кочевую жизнь солдата, вынужден был вскоре покинуть армию.

Адрета сравнивали с Суллой, ибо он, подобно знаменитому римлянину, был не только военачальником, украсившим себя лаврами многих побед, но и диктатором, способным без колебаний отдать приказ об истреблении противника и презиравшим традиционные государственные институты. А судя по его ответам Агриппе д'Обинье, он бы прекрасно справился с ролью римского диктатора. Барона сравнивали с Аттилой, а некоторые даже именовали его протестантским Нероном. Писатель XVI века Бельфоре назвал барона «бичом Божьим, посланным в наказание людям, дабы покарать их».

Во времена Религиозных войн, когда насилие стало явлением повседневным, опустошения, производимые бароном в краях, где проходил его отряд, поражали воображение исключительно по причине необузданной жестокости. Когда барон одерживал очередную блистательную победу, все взирали на него с восхищением, но при этом понимали, что на совести его очередное бессмысленное кровопролитие и он в который раз перешел границу дозволенного, до сих пор полагаемую нерушимой для каждого христианина.

Известный писатель XVI века Брантом, почитавший, подобно всем своим современникам, «рыцарей без страха и упрека», писал, что по мнению королевы-матери, «если бы барон сделал для короля» все то, что он сделал для гугенотов, «он стал бы маршалом

Франции». Все тот же Брантом сообщает, что барон Адрет получил прозвище «Монлюка гугенотов», хотя в жестокости он во много раз превзошел Монлюка.

Разумеется, барон Адрет был выдающейся личностью. Оставляя в стороне его кровавые похождения, с полным правом можно сказать, что он являл собой типичный образец капитана первого периода гражданской войны, пришедшегося на 1562—1563 годы, и поведение католического капитана Монлюка — как бы положительно ни отзывался о нем Брантом — мало чем отличалось от поведения барона Адрета.

Одиссея католического убийцы

Монлюк также родился в провинции, а именно в Гаскони; он был старшим ребенком в семье, где помимо него было еще девять детей. С помощью соседа отцу удалось пристроить старшего сына пажом к герцогу Лотарингскому, содержавшему в Нанси свой собственный двор. На службе Монлюк получил образование, позволившее ему развить свои военные таланты. Он стал лучником в роте герцога, которой командовал «рыцарь без страха и упрека» Баяр. Когда начался Итальянский поход, Монлюк отправился в Италию, где служил под командованием брата знаменитого Лотрека, маршала де Фуа. До этой поры его жизненный путь мало чем отличается от пути, который обычно проходили тогдашние капитаны, и в том числе барон Адрет.

Но этим сходство и ограничивается. После смерти Франциска I Блез де Монлюк направляется в Орлеан, где добивается аудиенции у королевы Екатерины Медичи и приносит ей клятву верности. Он говорит ей: «Клянусь вам и даю слово, что всегда буду сражаться только на вашей стороне и стороне ваших детей, и по первому вашему зову сяду в седло и отправлюсь, куда вы велите».

Когда во время переговоров в Пуасси Екатерина Медичи тщетно пыталась достичь компромисса между двумя религиями, Монлюк отказался от весь-

ма заманчивых предложений, сделанных ему Конде. Его отказ был положительно встречен при дворе, и когда в декабре 1561 года он вновь прибыл ко двору, Екатерина Медичи и король Наварры Антуан де Бурбон поспешили принять его, чтобы узнать новости и расспросить, «как обстоят дела в Гаскони».

Монлюк выразил свою озабоченность относительно будущего. Текущие события, действительно, давали основания для беспокойства: все пять дней, что он провел при дворе в Сен-Жермен-ан-Лэ, где в то время пребывала королева, гонцы приносили дурные вести, свидетельствовавшие о воцарившемся в юго-западных провинциях политическом и религиозном упадке. В Марманде протестанты сожгли францисканский монастырь и убили тамошних монахов; католики вырезали протестантов в Каоре и в Гренаде (город в окрестностях Тулузы). Подвергся разграблению край Ажене. В хранящемся в Национальной библиотеке анонимном письме того времени говорится, что в Ажене священников и монахов «травили», «как травят кроликов в Босе».

Известия эти крайне огорчали королеву-мать. Два дня она искала средство «погасить огонь», перекинувшийся на Гасконь. Подозревая короля Наварры в симпатиях к протестантам, Екатерина Медичи тем не менее хотела, чтобы он сам навел у себя порядок. Король Наваррский, напротив, полагал, что королевский наместник де Бюри должен сам справиться с возникшей проблемой. А так как Блез де Монлюк ни на шаг «не отходил от королевы», король Наваррский обращался с ним «значительно менее любезно», чем прежде, иначе говоря, упрекал его за то, что, храня верность Екатерине Медичи, Монлюк готов предать его самого. Тем не менее он вынужден был согласиться с решением королевы-матери отправить Монлюка в Гиень с «патентами» (письменными приказами) и «дозволением поднять людей, и пеших, и конных, дабы послать их на усмирение той стороны, которая возьмется за оружие». Аналогичная задача была возложена и на де Крюссоля: вручив ему надлежащие грамоты, его отправили в Лангедок с приказами для

двух тамошних капитанов, дабы те, в случае угрозы мятежа, пришли на помощь Крюссолю.

Оба посланца отправились через Париж. В столице Монлюк пригласил поехать с ним двух высоких судейских чиновников: не доверяя местным судьям, ни католикам, ни протестантам, ибо те наверняка окажутся пристрастны, он хотел сам вести следствие и вершить правосудие.

Прибыв в Бордо, он обнаружил, что и жители города, и парламент поделились на два лагеря: приверженцы одного считали возможным разрешить протестантским проповедникам устраивать свои службы, другие же упорно этому противились. Целый день Монлюк и Бюри пытались примирить противоборствующие стороны. А вечером, к удивлению Монлюка, к нему явились два пастора и один из его собственных фермеров с предложением не устраивать гонения на сторонников реформированной церкви в обмен на тридцать тысяч экю. Монлюка не убеждали обратиться в реформатскую веру, а всего лишь предлагали закрыть глаза на активную деятельность сторонников новой религии. Однако он принял посланцев крайне холодно и даже пригрозил удавить их или заколоть кинжалом. Но на этом неприятности королевского посланца не кончились. Следом за протестантами к нему явился один из католических капитанов и предложил ему сорок тысяч экю в обмен на объявление войны протестантам. Капитан сказал, что деньги эти нельзя рассматривать как взятку, ибо, если понадобится, он готов одолжить их королю, лишь бы просьба его была исполнена. Монлюк был крайне изумлен подобными демаршами соперничающих партий.

Чем больше он ездил по краю, тем больше находил поводов для удивления. Так, например, он узнал, что местные пасторы наняли одного из капитанов, с которым он некогда вместе воевал в Пьемонте. Он заметил, что протестанты преследовали главным образом тех дворян-католиков, которые вставали на защиту церквей и аббатств, не допускали погромов храмовых помещений и разграбления церковной ут-

вари. Так, богатого дворянина Рульяка его собственные крестьяне продержали в осаде двадцать четыре часа. И только вмешательство соседей и вооруженного отряда, присланного братом Рульяка, вернуло дворянину свободу, а возможно, и спасло ему жизнь. В столь же опасные ситуации попадали многие дворяне-католики.

Желая во что бы то ни стало прекратить вооруженные столкновения противоборствующих сторон, Монлюк нанял двух палачей, которых прозвали его «лакеями», ибо они сопровождали его повсюду и были готовы в любой момент исполнить свои обязанности.

Доводы Монлюка

В своих мемуарах Монлюк неоднократно опровергает обвинения в жестокости и грабежах. Как и барон Адрет, он с возмущением говорит об этом, тем более что лично ему война нанесла немалый ущерб. Когда Монлюку было за семьдесят, во время осады Рабастенса, а именно 23 июля 1570 года, он был ранен в лицо: пуля, выпущенная из мушкета, снесла ему нос. С тех пор он вынужден был носить кожаную маску, скрывавшую его уродство. Он стал мишенью для гугенотов, прозвавших его «носачом» и сочинявших о нем язвительные куплеты.

Бороться с насмешниками было трудно: 1562 год давно миновал, и юго-западные провинции, некогда видевшие в нем защитника от протестантских армий, перестали в нем нуждаться. Екатерина Медичи с сожалением констатировала, что звезда Монлюка настолько потускнела, что король Карл IX перестал замечать ее. Стремясь освободиться от влияния королевы-матери, Карл предложил Колиньи стать членом Королевского совета. Желая доказать адмиралу свое искреннее расположение, король даже решил пожертвовать несколькими капитанами, известными своей жестокостью и непримиримым отношением к гугенотам. Исходя из этих соображений король

сместил Блеза де Монлюка с поста наместника провинции Гиень, а затем отправил в Гиень председателя счетной палаты, следователя и советника Большого совета, поручив им проверить, на что были израсходованы общественные деньги, полученные Монлюком за время последней военной кампании. Классический и эффективный способ выявить нарушения: в те времена большинство военачальников заботилось о том, как победить в сражении, а не о том, как правильно распорядиться доверенными им средствами. А систематические грабежи населения, проживавшего в тех местах, по которым проходила армия, всегда позволяли пополнить полковую казну.

Чиновники начали принимать жалобы всех, кто пострадал от военных кампаний Монлюка, и опрашивать свидетелей. Пострадавших было так много, что в одной только Гиени в ответ на жалобы было произведено две тысячи юридических действий. Монлюк чувствовал себя вдвойне оскорбленным. Во-первых, рана, полученная им, сделала его инвалидом до конца дней, а во-вторых, трое из четырех его сыновей погибли, сражаясь за короля. И он, разумеется, ожидал, что заслуги его и его семьи будут признаны и оценены государем. Постоянное стремление унижить его, принести в жертву ради примирения с протестантами, казалось ему верхом несправедливости.

Расследование его деятельности на посту наместника заставила Монлюка перейти к активной обороне. Желая оправдаться перед двором и открыто выразить свое возмущение неблагодарностью сильных мира сего по отношению к мелкому гасконскому дворянину, ставшему крупным военачальником исключительно благодаря собственным заслугам и мужеству, он написал «Комментарии». В них он неоднократно подчеркивал, что никогда не продавался за деньги, всегда был неподкупен и придерживался своей собственной системы ценностей, основанной на принципах чести. «Ради корысти никогда не утрачивал я ни чести своей, ни совести, и никогда не нарушал присяги, данной королю перед Богом, — писал

Монлюк, — ибо я обещал служить верно и честно и положить все мои силы для защиты жизни короля и его короны... Меня хотели обвинить... в том, что я разграбил и обложил поборами край ради собственного обогащения (...) Штаты Гиени (...) могут подтвердить вам, что ничего подобного я не совершал».

То ли растроганный его словами, то ли обеспокоенный вмешательством влиятельных католиков, выступивших в защиту Монлюка, Карл IX отправил 8 апреля 1572 года во владения опального капитана уведомление о прекращении расследования (что вполне может быть приравнено к помилованию или амнистии). Вскоре король назначил капитану пенсию. А за три года до смерти, 20 сентября 1574 года Монлюк стал маршалом Франции.

Во время расследования, проведенного чиновниками, многие католики дали показания в пользу Монлюка: они полностью одобряли его действия на юго-западе Франции. Протестанты, напротив, свидетельствовали против Монлюка. В целом же общественное мнение, большей частью представленное католическим населением, желавшим разделаться с «гугенотами», оправдывало действия Монлюка в Гиени и Гаскони.

Впрочем, оправдываясь, Монлюк мог не только ссылаться на полученные им приказы. Во время осады Кондома Франсуа Лефранк, наместник в сенешальстве Ажене, сообщил ему, что протестанты составили заговор с целью захватить его и предать жестокой смерти. Лефранк, «добрый слуга короля», поддавшийся искушению и перешедший на сторону гугенотов, был приглашен на совет, где присутствовали вожди гугенотов, имен которых он либо не знал, либо не открыл их Монлюку. Все собравшиеся на совет единодушно проголосовали за похищение и казнь Монлюка. Лефранк, судя по всему, побоялся пойти против большинства, но решил тайно встретиться с Монлюком и предупредить его о грозящей опасности. Встреча их состоялась на лугу во владениях Монлюка, расположенных между Кондомом и Сампуа; свидетелем ее был всего один лакей. По сло-

вам Монлюка, от рассказа Лефранка у него «волосы на голове встали дыбом», так он был напуган. Сторонники реформации готовились захватить его врасплох, чтобы покарать за то, что он не согласился взять деньги, которые они давали ему в обмен на бездействие. Монлюку была уготована участь господина де Фюмеля.

А вот что говорится о гибели господина де Фюмеля в отчете органов правосудия, датированном августом 1562 года: осаждающие схватили сеньора де Фюмеля «за ноги», «поволокли его», «швырнули на каменный пол, (...), затем раздели и долго избивали бычьими кишками, (...), потом много раз выстрелили в него из аркебуз и пистолетов, нанесли ему бесчисленное количество ударов кинжалами (...) и оставили тело зверски убитого и растерзанного де Фюмеля на каменном полу; и хотя он был уже мертв, (...), какой-то мясник подошел и перерезал горло этому сеньору». Замок Фюмеля был разграблен, а бумаги его сожжены.

Монлюк пообещал Лефранку сохранить втайне их встречу и поведать о его заслугах королеве-матери. Но в следующем, 1563 году бедный наместник скончался. Монлюк был убежден, что его отравили за то, что он с оружием в руках встал на защиту Кондома.

Вернувшись домой после тайного свидания, Монлюк решил «дорого продать свою шкуру», ибо, писал он, «я прекрасно знал, что если попаду к ним в руки, и они будут вольны сделать со мной, что захотят, то самый большой кусочек плоти, который от меня останется, будет размером не больше пальца на руке». Пока он размышлял о том, как решить проблему, и почему столь велико недовольство примиренческой политикой короля, к нему прибыла делегация мятежных гугенотов из Сен-Мезара, города, расположенного к северу от Кондома. Их сопровождали местные дворяне и городские консулы. Дворянин по имени де Лакорд сказал прибывшим, что, сея смуту, они идут против короля. На это прибывшие ответили ему: «Какого короля? Мы сами короли, а тот король, о котором вы говорите, всего лишь маленький

кусочек королевского дерьма! Мы отхлестаем его розгами и отдадим в подмастерья. Пусть его научат какому-нибудь ремеслу, чтобы он мог заработать себе на жизнь, как все другие!»

Как известно, похожие слова были произнесены во время революции 1789 года. Монлюк, верный подданный короля, был потрясен ими до глубины души. Вот что он об этом написал: «И не только тут они вели такие речи, они вели их повсюду. Я чуть не умер с досады, ибо прекрасно понимал, что все они призывали к измене нашему королю».

Монлюк вступает на трону войны

Прибыв в Сен-Мезар, Монлюк тотчас отдал приказ произвести аресты среди протестантов. Четверо гугенотов, и среди них один диакон, были схвачены на кладбище, другим удалось бежать. Против арестованных свидетельствовали консулы и дворянин де Лакорд. Разозленный изменническими настроениями, Монлюк бросился на одного из обвиняемых, швырнул его на землю и, крикнув «Бей негодяя!», велел палачу исполнить свои обязанности. Двое других были повешены на ясене. Диакона, которому было всего восемнадцать лет, Монлюк пожалел. Однако побои, которые тот получил во время ареста, оказались столь жестокими, что спустя две недели молодой человек скончался.

Это была первая казнь, совершенная «без вынесения приговора и без письменного постановления», и Монлюк без колебаний взял всю ответственность на себя. Впоследствии он написал: «Эта казнь закрыла рот многим мятежникам: они более не дерзали неуважительно отзываться о короле, хотя в тайне наверняка продолжали плести свои интриги».

Исполненный решимости восстановить порядок, Монлюк вскоре понял, что сделать это будет трудно. Во-первых, два специальных комиссара, присланных из Парижа правительством, стали выказывать свое расположение протестантам и предвзято отно-

ситься к католикам. Вдобавок нелегко было отыскать свидетелей, готовых давать показания: люди опасались за свою жизнь и за жизнь своих домочадцев. Отвергая обвинения в преднамеренной жестокости, Монлюк говорил, что ему ничего не оставалось делать, как велеть казнить изменников без суда и следствия, ибо провести следствие и собрать суд не было никакой возможности. В Вильневе, куда Монлюк прибыл в понедельник 2 марта 1562 года вместе с де Бюри, отряд лучников выдал ему капитана Морелле и еще шестерых пленников, захваченных в Сент-Ливраде. Монлюк приказал «повесить их незамедлительно», то есть во вторник. Этот приказ во многом способствовал распространению слухов о творимых им злодеяниях, так как вынесение смертного приговора «без суда» противоречило правовой системе Франции.

Решив отомстить за смерть сеньора де Фюмеля, Монлюк потребовал от магистратов из сенешальства Ажене найти виновных. Виновные были найдены, признали свою вину, а свидетели заявили, что убийцы кричали «да здравствует Евангелие!». В своих мемуарах Монлюк пишет, что он приказал повесить то ли тридцать, то ли сорок человек, однако в докладе, который он и де Бюри отослали королю, говорится всего о пятнадцати или шестнадцати приговоренных к смерти и казненных в день вынесения приговора. Местный пастор написал Кальвину, что казненных было двадцать пять. А некий итальянский прелат получил сведения о том, что Монлюк казнил пятьдесят человек.

Отомстив за Фюмеля, Монлюк решил разобраться с католиками, устроившими резню протестантов в Каоре. 13 марта Монлюк и Бюри прибыли в город. К тому времени парижские магистраты находились там уже целый месяц и вели следствие. После приезда Монлюка начались аресты католиков. Монлюк утверждает, что «город был полон дворян», покинувших свои замки, чтобы просить за сеньора Вьеля, каноника, архидиакона, канцлера Университета и знатного дворянина. Монлюк, полагавший, что ко-

ролевские комиссары обойдутся с католиками более сурово, чем с протестантами, вмешался в следствие и воспрепятствовал казни нотаблей-католиков, пригрозив парижским магистратам повешением. Те так испугались, что в конце концов сбежали из Каора.

В апреле Монлюк узнал о захвате Орлеана армией протестантов под предводительством Конде, а спустя некоторое время пришло известие о мятеже в Ажене, где местные протестанты взяли в плен магистратов и консулов-католиков. Затем пали Монтобан и Вильнев-д'Ажене. Монлюк уже был готов нанести ответный удар, но Карл IX прислал письмо, в котором просил его прийти к нему на помощь вместе со своими отрядами. Прежде следует «спасать ствол дерева, — писал король, — ибо если ствол спасен, ветви сами по себе покроются листвою».

Узнав о предстоящем отъезде своего покровителя, дворяне-католики из Ажене явились к Монлюку и попытались его удержать, сказав, что если он их покинет, «то наверняка погибнут и они, и их жены, и их дети, и их дома». А вскоре протестанты захватили Лектур, и дворяне Гаскони направили депутацию к Монлюку с просьбой их защитить. Монлюк собрал всех просителей и пообещал им отправить к королю гонца с сообщением о том, что вся Гиень, за исключением Тулузы и Бордо, охвачена мятежом; однако если этим большим городам не помочь, они тоже падут. Все одобрили такое решение.

Таким образом Монлюк на юго-западе Франции оказался в такой же ситуации, в какой очутился барон Адрет на юго-востоке, то есть был обречен проявлять свои полководческие таланты, дабы защитить тех, кто возлагал на него надежды. Снабдить продовольствием Бордо было для него такой же важной задачей, как для барона Адрета доставить продовольствие в Лион. Монлюку предстояло очистить дороги, ведущие в Бордо, от вооруженных отрядов противника и стать полноправным хозяином окрестностей города; для этого он должен был быть столь же беспощадным, каким был барон Адрет после резни в Оранже.

Узнав, что отряд гугенотов численностью то ли шестьдесят, то ли восемьдесят человек, укрылся в городке под названием Жиронда, Монлюк отправил туда своих солдат, и те взяли гугенотов в плен. Прибыв в Жиронду, Монлюк без промедления отдал приказ повесить всех пленников на балках крытого рынка.

Напуганные до полусмерти протестанты стали покидать свои жилища; селения, расположенные по течению Гаронны от Марманда до Тонненса, быстро пустели. Отряды сторонников реформированной церкви, возглавляемые Дюра, вынуждены были отступить к берегу Дордони. «Путь мой определить было легко, — писал Монлюк, — ибо произрастающие вдоль дорог деревья несли на своих ветвях доказательства моего там пребывания; я всегда был уверен, что один повешенный производит впечатления больше, чем сотня убитых».

В сражениях гражданской войны никто уже не вспоминал о кодексе рыцарской чести. Благородные капитаны времен итальянских кампаний, барон Адрет и Монлюк, превратились в жестоких карателей, руководствовавшихся принципом «цель оправдывает средства». Так, захватив Монсегюр и приказав повесить тамошних королевских чиновников и консулов, Монлюк стал решать, как поступить со взятым в плен командиром местного гарнизона капитаном Эро, который во время итальянской кампании служил у него в роте. В конце концов он отказался слушать заступников, — по его словам, «много людей хотели спасти капитана по причине его необычайной отваги», — и отдал приказ его повесить. Ведь если бы капитану удалось спастись, «он бы организовал сопротивление нашему войску в каждой деревне», — объяснил свой поступок Монлюк. С сильными противниками Монлюк поступал так же, как и барон Адрет, — он предавал их смерти.

По свидетельству Монлюка, во время взятия Монсегюра было убито семьсот человек, все улицы в крепости были усеяны трупами, а тех, кто, пытаясь спастись, прыгал со стен, добивали солдаты.

Доблестные капитаны, герои войны в Италии, отвечали террором на террор. Желая отомстить за священников, которым в Базасе вырвали языки, и за женщин из Ажене, которых Дюра приказал нафаршировать порохом, а потом взорвать, Монлюк повесил семьдесят протестантов под крышей рынка в Таргоне и еще сорок в Совтер-де-Гиени. Жестокость католиков не уступала жестокости протестантов, так было и в Гиени, и в Гаскони, и в Дофине, и в долине Роны, и в Форезе. Когда начинаешь исследовать события тех далеких лет, возникает ощущение поистине вселенского хаоса, постоянно усугублявшегося недалёковидными действиями военачальников, которые несли с собой террор. Люди содрогавшиеся при одном только упоминании их имен, в ужасе бежали или сдавались на милость победителей.

Анархия, воцарившаяся практически во всем королевстве, способствовала возвышению капитанов, заставлявших трепетать целые провинции.

Первая гражданская война (1562—1563): эпоха прославленных капитанов

Барон дез Адрет и Блез де Монлюк, безусловно, являются наиболее крупными фигурами Первой религиозной войны; однако весомые роли в городах и регионах играли не одни они. Царившие повсюду в королевстве мятежные настроения, особенно ярко проявившиеся в городах, объясняют феномен востребованности и возвышения капитанов.

Так, в крупных городах Лангедока — Монпелье, Ниме и Безье — жители поддержали Реформацию. Чтобы дать отпор протестантам, в эту провинцию был послан в качестве наместника (второе после губернатора лицо в начальственной иерархии) виконт де Жуазе. Жуазе осадил Монпелье, но вскоре вынужден был отступить, так как провансальские католики, решившие поддержать его, 27 сентября 1562 года были разбиты неподалеку от Сен-Жиля. Усилия Жуазе не увенчались успехом; тем не менее они вполне

наглядно характеризуют атмосферу конфликта: на всей территории Франции формировались вооруженные отряды, возникали многочисленные внутренние фронты.

В Бургундии капитан-католик Таванн вытеснил из региона капитана-гугенота Монбрена, захватившего там власть с помощью «бандитов из Дофине и Прованса» (31 мая 1562 года). Затем он взял Макон и прошел по долине Соны. Его собрат Жан де Марконнэ, прозванный «капитаном Монгаре», ординарный палатный дворянин французских королей Франциска I и Карла IX, захватив Мулен, приказал повесить двух ремесленников-протестантов «без суда» и изгнал из города всех, кто показался ему подозрительным. «Затем он спустил с узды своих солдат», и те начали убивать людей, грабить дома и окрестные фермы. Заслуги Марконнэ не были забыты: он был назначен губернатором Бурбоннэ.

В провинциальной глубинке дворяне тоже принимали участие в католической реконкисте. Франсуа де Гомбо, сеньор де ла Гомбардьер, захватил остров Олерон и стал его губернатором, а в качестве награды получил орден Святого Михаила.

9 августа 1562 года Карл IX поручил Жану де Буажурдану выступить с отрядом аркебузирова в район Сабле-сюр-Сарт, дабы усмирить мятежников и бунтовщиков, которые в городе Краоне разорили могилу Анна де Ла Тремулья и раскидали по улицам внутренности покойного. С целью прекратить грабежи люди Буажурдана брали в плен протестантов и «крошили в куски» всех, кто оказывал сопротивление. В 1567 году Буажурдан стал главой города Сабле.

Среди дворян было немало тех, кто вначале пытался проводить политику примирения. Так, например, католика Жана Инносана Трипье по прозвищу «Монтерю» обвиняли в том, что он, будучи наместником, поддерживал протестантов, хотя в действительности он всего лишь поручил охрану города и католикам, и протестантам. Когда войско протестантов под командованием Конде захватило Орлеан, Монтерю и другим католикам дали возможность свобод-

но покинуть город. Но Монтерю ожесточился и стал преследовать гугенотов, грабить их дома и разгонять их собрания. Как Монлюк и дез Адрет, он прежде служил в армии, под началом принца Ла Рош-сюр-Йон из дома Бурбонов, и в 1557 году сражался в Сен-Кантене.

В раздираемом конфликтами французском королевстве политика на местном уровне зависела исключительно от политических пристрастий военачальников.

Симфорьен де Дюрфор сеньор де Дюрас возглавлял отряд протестантов в Гиени; Антуан д'Ор сеньор де Грамон — в Беарне, граф де Ларошфуко — в Сентонже. Менее состоятельные дворяне, такие как Ламот Тибержо, сыгравший главную роль во взятии Ле-Мана, сами наделяли себя властными полномочиями.

Что уж говорить о знатных сеньорах. Так, Антуан де Крюссоль принял должность «начальника и хранителя края» по просьбе католиков Дофине. Произошло это как раз в то время, когда барон дез Адрет был арестован и посажен в тюрьму. Крюссоль контролировал большую часть Юга Франции. Один из его братьев был генералом протестантской армии, а другой правил Нимом. Заверяя Екатерину Медичи, доверившую ему миссию по замирению, что «он действует ради короля, ради восстановления правосудия и спокойствия подданных», он тем не менее снабжал продовольствием осажденный королевской армией Монтобан и разграбил Пон-Сент-Эсприт, где градоначальником был помощник барона Адрета. Более искушенный в политике, чем другие капитаны, более богатый и могущественный, чем они, он представлял серьезную опасность для короны, поскольку мог отторгнуть от Франции южные территории и провозгласить там независимое государство.

Итак, мы видим, что в период Первой религиозной войны (1562—1563), поведение капитанов было продиктовано сложными ситуациями на местах, когда народ «проявлял возмущение», а враждующие партии, постоянно прибегая к насилию, создавали

очаги неповиновения, которые необходимо было подавлять. Рассказы капитанов об организации террора и аргументы, которые они приводят в оправдание своих действий, безусловно, вызывают изумление, однако позволяют понять их логику; отважные, совершившие немало подвигов на полях сражений в Италии и увенчавшие себя лаврами победителей, эти капитаны не могли мириться с поражениями. Но чтобы одерживать победы на полях гражданской войны, надо было запугать врага, подавить его моральный дух, его волю, и одновременно воодушевить своих солдат, убедив, что единственный способ сохранить жизнь — это взять верх над противником.

Отбросив всякую щепетильность, капитаны вели себя как диктаторы и шли на любые преступления ради победы. Выступая защитниками той или иной части населения, они заслуживали его доверие, однако чрезвычайные меры, к которым они прибегали, казались сомнительными очередным пришедшим к власти политикам, руководствовавшимся исключительно конъюнктурой, особенно когда последняя побуждала взять курс на примирение враждующих сторон.

Неразбериха, характерная прежде всего для первого периода гражданской войны, была во многом спровоцирована местными инициативами. Стихийное насилие, учиненное народным массам, о котором в последнее время писали многие историки, станет темой третьей главы. Но прежде его следует поместить в соответствующий исторический контекст и поведать о тех событиях, которые привели к трем войнам и к ночи святого Варфоломея.

АНТРОПОЛОГИЯ СЛАБЕЮЩЕЙ ВЛАСТИ: ОТ ОГНЕННОЙ ПАЛАТЫ (1548) ДО ВАРФОЛОМЕЕВСКОЙ НОЧИ (1572)

Барон дез Адрет, Монлюк, Крюссоль и многие другие военачальники, последняя надежда запуганного населения, стали героями для тех, кого они спасали, но на политической сцене им были уготованы второстепенные роли: авансцену занимали знатные сеньоры из ближайшего окружения монархов. Их соперничество, их амбиции, их религиозные пристрастия нередко приводили к столкновению противоборствующих партий, порождали новые конфликты и в очередной раз отодвигали возможность покончить наконец с гражданской войной.

Могущество сеньоров возрастало прямо пропорционально ослаблению королевской власти. Долгое время историки считали, что трон, принадлежавший династии Валуа, зашатался после неожиданной смерти Генриха II, однако в последнее время они пришли к выводу, что королевская власть начала терять свои позиции уже в первые годы правления этого государя, уверенного, что он сумеет решить проблему протестантов во Франции путем жесточайшего их подавления. Существует определенная логическая связь между безрассудной политикой насилия, проводимой государством, и массовыми избиениями, зачинщиками которых становятся разъяренные толпы запуганного народа: и первая, и

вторые ведут к Варфоломеевской ночи, трагедии, ставшей поворотным пунктом в ходе Религиозных войн. Другой важной вехой, на которую, впрочем, обращают внимание далеко не все историки, является 1547 год, первый год правления Генриха II, год создания Огненной палаты. До этого все еще можно было изменить, и сторонники обеих партий имели все основания уповать на лучшее, так как скончавшийся годом раньше король Франциск I по отношению к реформатам умело чередовал политику подавления и поощрения. Борьба с протестантами, начатая при Генрихе II и продолженная при Франциске II и Гизах, вела прямой дорогой к гражданской войне. После преждевременной смерти юного монарха, Екатерина Медичи, ставшая регентшей при его приемнике, своем малолетнем сыне Карле, которому предстояло занять престол под именем Карла IX, попыталась вернуться к политике компромиссов, сделав ее рупором канцлера Мишеля де Лопиталья.

Почему Генрих II пошел по пути активного подавления сторонников новой церкви? Скорее всего, им руководил страх, ибо к тому времени, когда он взошел на престол, протестантское движение во Франции уже набрало такую силу, что создало собственную организацию, способную составить конкуренцию католической церкви.

Церковная организация протестантов

При Франциске I и Генрихе II число сторонников Реформации неуклонно росло. По приблизительным оценкам итальянских купцов, лютеран во Франции было более четырехсот тысяч, и это при том, что купцы принимали в расчет лишь крупные торговые города и не знали о состоянии дел в провинциях в целом. Ряд историков полагает, что к концу правления Генриха II число отказавшихся от римско-католической веры в той форме, в какой ее в то время исповедовали, достигало шести миллионов человек, что составляло почти треть населения королевства.

Разумеется, далеко не все эти люди были истинными адептами протестантизма: многие ограничивались простой критикой католицизма и хотели реформы только для того, чтобы вернуть церковь в ее изначальное евангельское русло. Люди, недовольные состоянием церкви, еще не стремились объединяться в группы единомышленников. Реформаты хотели сообща молиться, читать Библию, слушать, как проповедники толкуют какой-либо отрывок из Евангелия, и при этом быть уверенными, что они находятся хотя бы в относительной безопасности. Многие из них не полностью порвали с римской церковью: продолжали ходить к мессе и исполнять традиционные обряды. Пока все шло таким образом, у католической церкви, в сущности, не было серьезных поводов для беспокойства: во все времена в среде верующих возникали секты, адепты которых предвещали очередное обновление. Например, в XIV и XV веках в Нидерландах «братья общей жизни» проповедовали учение о необходимости неукоснительно соблюдать христианские заповеди и утверждали, что чтение Священного писания и внутренняя духовность гораздо важнее самой церковной доктрины и преданности клиру, поглощенному мирскими заботами.

В 1555 году Кальвин, решив структурно оформить протестантскую церковь во Франции, отправил туда двух пасторов, получивших в Женеве соответствующую подготовку. Посланцы Кальвина должны были объединить разрозненные общины протестантов. Однако члены этих общин, привыкшие пользоваться неограниченной свободой, встречали посланцев из Женевы без всякого энтузиазма; так, в частности, в Блуа, Анже и Пуатье им был оказан весьма холодный прием. В Туре после их прибытия местная община раскололась на две части. Но в конце концов организация восторжествовала: в 1561 году во Французском королевстве насчитывалось 670 «торжествующих церквей». Таким образом, численность протестантов, по приблизительным оценкам, равнялась двум миллионам человек, большая часть которых была

сосредоточена в крупных городах, таких, как Париж, Руан, Орлеан, Лион, а также в городах поменьше — в Туре, Блуа, Ниме, Бурже. Протестантская церковь имела довольно сильные позиции в провинциях, расположенных в бассейне Сены, на юго-востоке (Дофине, Прованс, Лангедок) и юго-западе (Пуату, Сентонж, Онис, Гиень).

Первый общезападный синод реформированных церквей собрался тайно в Париже 25 мая 1559 года. Он поддержал идеи Кальвина с небольшими оговорками. А за год до этого состоялась массовая манифестация, которая произвела огромное впечатление как на сторонников, так и на противников реформатской веры. 13 мая 1558 года в Париже, в Пре-о-Клер собрались протестанты, среди которых находился и король Наварры собственной персоной. Когда протестанты устроили шествие по улицам столицы, распевая псалмы, руководство теологического факультета Парижского университета расценило это как дерзость. 19 мая в праздник Вознесения протестанты вновь собрались в Пре-о-Клер. Тогда Парижский парламент, в ответ на возмущение теологов, грубо разогнал протестантов. А король Генрих II, усмотревший в этих шествиях угрозу своей власти, приказал запретить протестантам доступ в Пре-о-Клер и арестовать участников шествия.

Генрих II, монарх, скорый на расправу

2 мая 1548 года начала свою деятельность Огненная палата Парижского парламента: в ее обязанности входило судить религиозных диссидентов. Так как юрисдикция палаты простиралась почти на половину королевства, то расследования по ее приказам проводились и в Орлеане, и в Турени, и в Оверни, и в Шампани, и в Сентонже. Под особый контроль попали парижские монастыри, и прежде всего монастыри якобинцев и августинцев: чиновники подозревали, что монахи упомянутых орденов проявляют к новым идеям повышенный интерес. На парижской

площади Мобер запылали костры — на них сжигали священнослужителей и адептов новой религии: их объявляли еретиками и подвергали пыткам. Это было «время мучеников», когда протестанты, подобно первым христианам, мужественно встречали смерть, веря, что они отправляются к Христу.

Не все судьи Парижского парламента были убеждены в эффективности таких методов, а некоторые даже симпатизировали реформатам. Они считали, что казнь мучеников, погибающих на костре, вызовет возмущение жестокостью католической религии и породит новых адептов Реформации. И, как следствие, склонялись к милосердию. Так, судья Арман де Ферье заявил, что обычаи католической церкви стали нечестивыми, а служители ее подвержены коррупции. Он пришел к выводу, что гонения на сторонников новой веры нисколько не укрепляют шаткого положения католической церкви, а потому, в ожидании созыва Вселенского собора, посвященного проблемам реформированной церкви, следует обходиться с еретиками мягко. Свою речь он завершил под аплодисменты судей, которые, выражая свое одобрение, даже стучали ногами.

Однако король Генрих II был далек от подобных настроений. Он явился в Парижский парламент в сопровождении кардиналов, герцогов и пэров Франции, восстановив, таким образом, средневековый обычай *curia Regis*, и подробно растолковал положения мирного договора, заключенного в том же 1559 году в Като-Камбрези. Договор этот положил конец войнам с Испанией, продолжавшимся с перерывами почти целое столетие и проходившим на территории Италии. Выразив желание установить наконец христианский мир в собственном королевстве, монарх недвусмысленно дал понять, что теперь, когда внешняя война завершена, пора обратить оружие против еретиков. Затем, согласно обычаю, он предложил высказаться советникам парламента. Некоторые из них считали, что пока не следует предпринимать каких-либо шагов, а нужно дождаться решения Тридентского собора (начавшийся в 1545 году, Три-

дентский собор завершился только в 1563 году, ибо заседания его неоднократно прерывались из-за беспрерывных военных действий). Советник дю Бур даже осмелился заявить, что протестанты ни в чем не повинны, а коррупция среди клира, действительно, велика.

Вернувшись во дворец, Генрих II приказал арестовать дю Бура и еще нескольких магистратов. Этот поступок короля мог привести к тяжелым последствиям, так как Парижский парламент по традиции считался хранителем национальных законов и обычаев. Его члены именовались «отцами отечества» и играли важную роль в управлении государством. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в период пребывания короля Франциска I в Мадридской тюрьме, куда его заточили после битвы при Павии, во время которой он был захвачен в плен испанцами, Францией управляла мать короля, Луиза Савойская, и Парижский парламент. Однако Генрих II не пожелал считаться с мнением парламента, и договорился до того, что предложил восстановить во Франции Инквизицию. На что президент парламента Сегье возразил: такой поступок противоречил бы традициям французской галиканской церкви. И король не стал настаивать.

Но вскоре идея подавления движения реформатов вновь отошла на второй план. 30 июня 1559 года король, обожавший различные состязания, устроил рыцарский турнир, во время которого он получил смертельную рану в глаз. С тех пор вот уже несколько поколений летописцев и историков шутят, что этот удар изменил лицо истории Франции. 10 июля 1559 года Генрих II скончался.

Ослабевшая власть

Старший сын Генриха II, наследовавший трон согласно закону, был пятнадцатилетним подростком, абсолютно неопытным, хотя и совершеннолетним, ибо совершеннолетие для королей наступало в тринадцать лет. Женившись на шотландской принцессе

Марии Стюарт, он доверил бразды правления своим дядям, герцогу Гизу и его брату кардиналу Лотарингскому, которые продолжили начатую Генрихом II политику преследований гугенотов.

5 декабря 1560 года, после полутора лет правления, Франциск II умер, и власть перешла к его брату Карлу IX, чей юный возраст потребовал установления регентства. Согласно традиции, в роли регента не обязательно должна была выступать королева-мать, эту обязанность вполне мог взять на себя первый принц крови. Конкурентом Екатерины Медичи, супруги Генриха II и матери Франциска II, Карла IX и Генриха III на пути к власти стал Антуан де Бурбон, король Наварры, отец будущего Генриха IV, глава дома Бурбонов и супруг Жанны д'Альбре, активно поддерживавшей протестантское движение. Борьба за власть между матерью нового монарха Карла IX и королем Наварры, потенциальным лидером будущей протестантской партии, участником процессии гугенотов, состоявшейся в 1558 году в Пре-о-Клер, вполне могла оказаться решающей для судеб королевства. Принимая во внимание сложившуюся ситуацию, сторонники Реформы рассчитывали, что, получив власть, принц крови Антуан де Бурбон объявит свободу вероисповедания и, быть может, даже добьется того, чтобы вся Франция приняла протестантизм.

Тем временем Екатерина Медичи предпринимала шаги для отстранения Бурбона от реальной власти. 21 декабря 1560 года королевский совет вынес решение о разделении властей на период регентства, ограничив тем самым сферу деятельности короля Наварры. И хотя на долю Бурбона выпало управление войсками, находящимися в подчинении губернаторов провинций и капитанов «на местах», королева сделала все, чтобы превратить эту должность в номинальную. Право принятия решений по всем военным вопросам в целом она оставила за собой; на деле это означало, что Екатерина Медичи располагала всей полнотой власти, в то время как Антуан де Бурбон мог лишь передавать донесения, касающиеся армии, королеве-матери.

Но торжество королевы было призрачным, ибо ей постоянно приходилось оглядываться на могущественные дворянские кланы, использовавшие любую возможность для демонстрации силы. У руля власти, опередив Бурбонов, встали Гизы, фактически правившие страной на протяжении полутора лет царствования Франциска II, и Монморанси, глава дома которых был коннетаблем Франции и первым лицом в королевстве при Генрихе II.

Активизация протестантского движения также нарушила традиционные схемы. До сих пор во Франции все жили в лоне единой религии, все привыкли к тому, что дворяне поддерживают короля, служат ему. Теперь же, перед угрозой религиозной смуты, когда часть элиты перешла на сторону Реформации, перед угрозой насилия, необходимо было найти нечто такое, что могло бы сплотить французов на новой основе. Екатерина Медичи, для которой образцом политика служил ее свекор Франциск I, была убеждена в необходимости реформ, способных вывести страну из тупика, куда завел ее Генрих II. Однако какие бы замыслы ни пыталась она реализовать, ей всегда мешало во-первых, то, что она была женщиной, а во-вторых, оставалась иностранкой, а все в стране считали, что король должен быть мужчиной, полководцем, воплощать в себе лучшие черты нации и быть защитником французов. Положение регентши также не давало ей никаких преимуществ, так как оно никогда не имело четкого юридического статуса. И многие юристы были уверены, что носитель звания регента не может иметь те же прерогативы, что и помазанный монарх, то есть монарх, признанный Господом.

Хаос, царивший во французской политике во время Религиозных войн, во многом объясняется кризисом власти. За тридцать лет на французском престоле сменилось три короля, все трое отличались хрупким здоровьем и умерли молодыми. Являясь сыновьями Екатерины Медичи, они были вынуждены постоянно противостоять собственной матери, всегда стремившейся ограничить свободу их действий, и одновременно бороться с разгулом насилия и во-

оруженными конфликтами, спровоцированными рвущимися к власти знатными сеньорами. Власть, принадлежавшую королю, оспаривали как теоретически, на основании законов, так и фактически, поэтому все политические проекты, предложенные сменявшими друг друга политиками, исчезали так же быстро, как и их авторы.

Борьба кланов: Гизы и Монморанси

Фавориты, эти приближенные государя, более всех остальных пользующиеся его милостями, живут в непосредственной близости к своему господину, удостаиваются всевозможных отличий и в благодарности за свою преданность наделяются привилегиями, как символическими, так и вполне ощутимыми. Феномен фаворитов всегда поражал воображение историков. Некоторые даже усмотрели в фаворитах основную причину развязывания Религиозных войн. В последние годы работы Арлет Жуана и Никола Леру заставили историков по-новому взглянуть на функционирование двора и, в частности, на отношения между монархом и знатными сеньорами.

Так, Никола Леру подчеркивает, что в основе системы равновесия между влиятельными кланами лежит «человеческая экономика» фаворитизма, при которой двор является не только инструментом управления, но и своеобразным органом перераспределения милостей и привязанностей. При Генрихе II образцовым фаворитом был Анн де Монморанси. Близкий друг и советник Франциска I, он стал товарищем его сына и наследника Генриха II. Согласно платоновской философии, бывшей в моде на протяжении всего XVI столетия, князь, чтобы хорошо управлять, должен знать истину, а чтобы узнать истину, он должен посоветоваться с наиболее компетентными людьми королевства.

Реальность, разумеется, была далеко не всегда столь идиллической. Рассказывая о правлении Генриха II, де Ту пишет о страстях министров, о влиянии

Дианы де Пуатье, любовницы монарха, к мнению которой он очень прислушивался, о влиянии Гизов и маршала де Сент-Андре, друга детства короля. В истории частной жизни двора Генриха II, написанной, вероятнее всего, государственным секретарем Клодом де Лобепином, утверждается, что влияние на короля имели коннетабль Монморанси и Диана де Пуатье. В этой же истории можно прочесть, что эти двое обладали «в королевстве полной и абсолютной властью, ибо первый властвовал над королем-политиком, а вторая над королем-человеком».

Автор ведет читателя дальше и обвиняет Монморанси, Диану де Пуатье, Гизов и Сент-Андре в злоупотреблениях, утверждая, что, используя свое привилегированное положение для личного, поистине безграничного, обогащения, они оставили без постоянных пенсий тех, кто обычно пользовался милостями Франциска I. В течение последних шести лет правления Франциска I друзья Генриха II считали себя оппозиционером, враждебными двору старого монарха, и буквально сгорали от нетерпения попасть в коридоры власти. Поэтому восхождение на трон Генриха II сопровождалось не только сменой политики по отношению к протестантам, но и опалами и перераспределением богатств, должностей и бенефиций.

Коннетабль Франции Анна де Монморанси можно считать первым фаворитом в истории Франции. Принадлежа к старинному роду, он занимал одновременно несколько важных и почетных должностей в королевстве. Родился он в 1493 году, в двадцать три года стал капитаном роты в сотню копий и первым дворянином королевской опочивальни, а в двадцать девять лет он был уже маршалом Франции. В 1526 году он стал губернатором провинции Лангедок, в 1538 году — коннетаблем Франции, в 1551 году — герцогом и пэром. Этот человек был администратором, советником и военачальником, и монарх всегда мог на него положиться.

«Сей новый Нестор», как назвал его поэт Жоашен дю Белле, всегда был подле монарха: так, в замке Сен-

Жермен он занимал апартаменты на третьем этаже, рядом с апартаментами короля, королевы и сестры короля. Таким образом он символически закреплял свое духовное и душевное родство с Генрихом II. Его доходы были поистине колоссальны, он владел землями в Иль-де-Франсе, в Пикардии, в Нормандии, в Бретани и в Бургундии. Он регулярно демонстрировал свое могущество, выступая парадным маршем в окружении многочисленной свиты из верных ему дворян. Когда он возвращался из плена после поражения под Сен-Кантемом, ему навстречу выехали более тысячи дворян; этот выезд произвел огромное впечатление на публику.

Его сестра Луиза вышла замуж за Гаспара де Колиньи, маршала Франции, отца адмирала, который станет вождем протестантов и будет убит в Варфоломеевскую ночь. Брак сделал Монморанси главой могущественного клана, к тому же у него самого было пять сыновей, наделенных недюжинными полководческими талантами. Франсуа стал маршалом; Данвиль — «несменяемым» губернатором Лангедока при Генрихе III, который так и не сумел сместить его с этой должности; Мерю, Монброн и Торе также заставили говорить о себе на протяжении всего периода Религиозных войн. Однако могущество Монморанси было основано прежде всего на многочисленной клиентеле и королевском благорасположении, ибо происходил он хотя и из благородной, но провинциальной семьи, чьи владения находились в Иль-де-Франсе.

Со смертью Генриха II Монморанси утратил свое могущество. Проживая вместе с маршалом Сент-Андре в особняке Турнель, он нес караул у тела покойного короля. Когда же весь двор отбыл в Лувр, Монморанси «забыли» при распределении луврских апартаментов: его комнаты были отданы герцогу де Гизу, комнаты Дианы де Пуатье — кардиналу Лотарингскому, а комнаты Сент-Андре — д'Юмьеру.

Помимо символического лишения комнат в Лувре, смена короля повлекла за собой и перераспределение придворных должностей. Анн де Монморанси

лишился должности Великого Господина (*Grand Maître*), занимаемой им с 1526 года, — она была передана Франсуа де Гизу. Обнаружив, что его соратник маршал де Сент-Андре вообще очутился на вторых ролях, Монморанси решил удалиться в свой замок в Шантийи.

Всего за несколько дней нового царствования Гизы достигли высших ступеней власти: новый король Франциск II в торжественной обстановке назначил их управлять страной. Впрочем, оба брата не считали себя новичками в политике: в свое время они были довольно близки к Генриху II. Теперь своему стремительному возвышению они были обязаны родственным узам с новой королевой Марией Стюарт, шотландской принцессой, дочерью их сестры, Марии де Гиз. В вопросах управления оба брата также разбирались весьма неплохо. Старший, Франсуа де Гиз, глава дома, был доблестным генералом: в 1552 году он победил Карла V при осаде Меца, а в 1558 году одержал победу над англичанами и отвоевал у них Кале (город, навеки оставшийся в сердцах французов печальным напоминанием о Столетней войне). Благодаря этим победам Франсуа де Гиз снискал поистине колоссальную известность. Блестяще проведенная кампания, позволившая ему отвоевать Кале, спасла Генриха II от разгрома, грозившего ему после поражения коннетабля Монморанси при Сен-Кантене, где глава французской армии был взят в плен испанцами. Брат Франсуа де Гиза, кардинал Лотарингский, обладал талантами в иной области: князь церкви, архиепископ Реймский, искушенный литератор, знаток греческого, латыни и итальянского, друг Рабле и Эразма, способный вести и религиозные диспуты, и политические переговоры, он принял активное участие в подготовке мирного договора, заключенного в Като-Камбрези, и занимался финансами королевства. В своем клане братья были не единственными крупными фигурами на политическом и военном поприщах: два брата, Клод и Рене, основали соответственно ветви герцогов д'Омаль и маркизов д'Эльбеф. Сплоченный вокруг главы дома

клан чувствовал себя уверенно, а родство с правящими домами Европы — герцогами Лотарингскими, младшей ветвью которых являлись Гизы, и королем Шотландии Яковом V, который сочетался браком с Марией де Гиз и был отцом Марии Стюарт, добавляли семейству политического веса.

Видя перед собой столь могущественного соперника, клан Монморанси не решился в одиночку вступить в конфликт с новыми властью предержавшими и призвал на помощь короля Наварры Антуана де Бурбон. Наваррский король, которого в период правления Генриха II держали на расстоянии от двора, был удивлен неожиданной просьбой коннетабля. К тому же он был крайне разочарован договором, заключенным в Като-Камбрези, так как в нем даже не упоминалось о возвращении принадлежавших ему территорий Наварры, расположенных на юге Пиренеев и в 1513 году захваченных испанцами. Решив, что прежний фаворит Генриха II готовит ему ловушку, Антуан де Бурбон отказался прийти к нему на помощь. Его брат, принц Конде, вскоре ставший главой партии протестантов и командующим протестантскими войсками во время Первой религиозной войны, в то время слыл человеком легкомысленным, поглощенным исключительно галантными приключениями, а следовательно, малопригодным к политической сцене. Младшие ветви дома Бурбонов, семейства Монпансье и Ларош-сюр-Йон, не имели такого веса, как старшая ветвь. Пребывая на вторых ролях, они собирали земли и богатства и накопили их столько, что в начале XVII века одним из самых богатых людей Франции стал герцог де Монпансье.

При дворе не было никого, кто сумел бы преградить Гизам путь к власти. Более того, Гизы умели находить поддержку у людей значительных. В частности, они вернули ко двору канцлера Франции Оливье, отстраненного от дел при Генрихе II. Второй человек в государстве после короля, канцлер исполнял роль главного судьи, составлял акты, выражавшие монаршью волю, и ставил на них печать. Его уход в оппозицию препятствовал всей законодательной работе

монархии, где он возглавлял судебную и административную систему, а так как должность канцлера была пожизненной, то король не мог сместить его. Когда конфликт между двумя главными людьми королевства становился слишком острым, король приглашал канцлера к себе и предлагал ему удалиться в имение, а сам тем временем назначал хранителя печати, чтобы тот, не препятствуя волеизъявлению монарха, заверял бы его указы. Возвращение канцлера Оливье на политическую сцену позволило Гизам занять во главе административного и судебного аппарата верного человека.

Франсуа де Гиз снискал славу непобедимого полководца, в армии он пользовался необычайной популярностью. Маршал де Бриссак, по-прежнему близкий к Лотарингскому дому, аплодисментами встретил появление Гизов у кормила власти. Бриссак был уже очень стар, но все еще имел авторитет у дворянства. Монлюк, воспитанный при дворе в Нанси, благоговел перед ним. Сент-Андре и Вьельвиль без труда приспособились к новым хозяевам. Преданный Екатерине Медичи Таванн, в свое время выразивший готовность «отрезать нос у мадам Валантинуа» (Дианы де Пуатье), присоединился к Гизам по повелению королевы-матери.

Разумеется, королева-мать также приняла сторону Гизов, так как была уверена, что в управлении государством они не сумеют без нее обойтись. Однако она быстро разочаровалась. В королевском совете оба брата вели себя по отношению к ней как почти-тельные и покорные подданные, однако на самом деле они оставили ей лишь видимость власти: кардинал безапелляционным тоном отдавал распоряжения, а его привыкший командовать на поле боя брат поддерживал их столь решительно, что никто не осмеливался им возражать.

Согласно закону, королева-мать не могла ничего сделать без согласия Гизов, так как в Парижском парламенте, превращенном посредством присутствия принцев крови, герцогов и пэров Франции в *curia Regis*, совершеннолетний король назначил своих

дядей на должности управляющих государством. Согласно эдикту от 2 октября 1270 года и ордонансу от августа 1374 года король считался совершеннолетним в тринадцать лет; со временем это положение стало «основным законом» Французского королевства. Юридически у Гизов не было конкурентов, и оппозицию порождала только проводимая ими политика.

Гизы у власти

Враждебно настроенные к Гизам придворные призвали юристов, которые заявили, что королевское совершеннолетие состоит из двух периодов: первый период, когда над малолетним королем устанавливалось опекуновство, оканчивался в четырнадцать лет, а второй, когда короля опекал попечитель, продолжался до двадцати пяти лет. Это тонкое различие позволяло признать подпись короля под официальными актами действительной, но лишало юного монарха возможности привлекать к управлению государством лиц по своему выбору. Противники Гизов считали, что только Генеральные штаты вправе назначать членов правительства, а пока управлять государством могли только принцы крови, т.е. Антуан де Бурбон и его брат принц Конде. Так начался ожесточенный спор, продолжавшийся практически на протяжении всего периода Религиозных войн — спор о месте Генеральных штатов, национального представительного органа, и парламента, высшего судебного органа.

На эти аргументы юристы, стоявшие на стороне Гизов, отвечали, что король был совершеннолетним, и ни принцы крови, ни парламент не имели права сомневаться в законности принятых им после восшествия на престол решений. Очевидно, что противники Гизов искали способы нейтрализовать соперников. Заговор в Амбуазе вполне вписывался в контекст борьбы за власть. В «Истории государства Французского в период царствования Франциска II»,

опубликованной спустя несколько лет под именем Ренье де Лапланша, причинами заговора называются разногласия как религиозного, так и юридического характера. Одни были недовольны тем, что во Франции правят иностранные принцы (Гизы были родом из Лотарингии), ущемляя тем самым права принцев крови (Бурбонов); другие, и в частности, протестанты, брались за оружие, не в силах долее терпеть гонения.

Гизы безжалостно применяли постановления Генриха II против кальвинистов. Они устроили облаву в предместье Сен-Жермен, именуемом «маленькой Женевой», но проживавшие там дворяне-протестанты оказали вооруженное сопротивление. В различных кварталах столицы были произведены обыски и аресты. Демонстрируя всем приверженность политике покойного короля в отношении протестантов, Гизы приказали казнить дю Бура, советника парламента, арестованного при Генрихе II. Казнь эта вызвала многочисленные протесты, однако они не поколебали стремление Лотарингцев подавить протестантское движение. Согласно постановлению, принятому Парижским парламентом 23 декабря 1559 года, все дома, где проходили недозволенные религиозные собрания, должны были быть стерты с лица земли.

Эти карательные меры вызывали недовольство протестантской знати, возмущенной тем, что власть в государстве прибрал к рукам один политический клан. Американский историк Хардинг, изучивший записи государственных секретарей относительно текущих расходов, отметил, что если в 1553 году, во время правления Генриха II, выплаты из королевской казны, сделанные по просьбе Гизов, составили 23%, то в 1560 году, когда оба брата взяли в руки бразды правления, выплаты эти возросли до 74%, а в 1561 году, когда Гизы были вынуждены отойти от власти, процент выплат снизился до 0%. Выплаты, осуществленные в течение этого же времени по просьбам коннетабля Монморанси, составляли от 10% до 0%. После смерти Франциска II королевская казна оказалась во

власти Екатерины Медичи, и по ее просьбам из нее было осуществлено 68% выплат. Занимая самые высокие посты в государстве, Гизы распорядились казной и должностями, щедро черпая из первой и раздавая вторые, и таким образом поощряя друзей, приверженцев и клиентелу.

Большая часть дворян считала сложившееся положение несправедливым, и чувствовала себя обиженной. Гизов обвиняли в незаконном захвате власти, в том, что, воспользовавшись юным возрастом короля и его неопытностью, они обманом заставили его принять решение в их пользу. Поползли слухи о готовящемся государственном перевороте, многие говорили о необходимости избавить монарха от пагубного влияния Гизов. Дворяне-протестанты, давно готовые поднять мятеж, все больше надежд возлагали на принцев крови, и прежде всего на Конде, казавшегося всем естественным главой оппозиции. Сам Конде собирал свидетельства о бесчинствах Гизов, и говорил, что Генеральные штаты должны привлечь узурпаторов к суду.

Принц Конде вполне мог поплатиться жизнью за свои угрозы: Гизы усмотрели в них объявление войны всему их клану и стали готовить ответный удар. Однако несмотря на сделанные им заявления, Конде оставался в тени, поэтому историки и по сей день задаются вопросом, какую роль мог бы он сыграть в заговоре в Амбуазе. Конде всегда отрицал свое участие в этом заговоре, равно как и свое присутствие на тайном собрании заговорщиков в Нанте, состоявшемся 1 февраля 1560 года. Знал ли он о заговоре? Давал ли свое согласие на действия заговорщиков?

Свидетельства вождей протестантов не позволяют дать однозначный ответ. Естественно, они не поддерживали Конде, потому что он был младшим сыном, а оказывали предпочтение Антуану де Бурбону, королю Наваррскому, ибо тот, будучи старшим, являлся воплощением легитимности. В своем «Наставлении в христианской вере» Кальвин написал, что Генеральные штаты могли бы сыграть роль «опекунов» свободы народов. В октябре 1559 года в одной

из бесед с пастором Шандье Кальвин пошел еще дальше, заявив, что король Наварры мог на законных основаниях, как первый принц крови, созвать Генеральные штаты. Однако Антуан этого не сделал. Боялся, что его обвинят в узурпации власти короля? Разумеется, он понимал, какую опасность может представлять его персона непосредственно для Гизов. Когда он отправил своих эмиссаров за помощью в Германию, Гизы приказали арестовать их, и один из посланцев, Гаспар дю Э, был казнен.

Был ли Конде настроен столь же нерешительно, как и его старший брат? Или, напротив, он перешел Рубикон, поддерживая в тайне восстание дворянства? Ни одного заслуживающего доверия источника, способного дать ответ на этот вопрос, до сих пор не обнаружено. Заговор в Амубазе по-прежнему считается делом рук мелкого и среднего дворянства.

Заговор в Амубазе: мятеж провинциального дворянства

У истоков движения стоит перигорский дворянин Ла Реноди, имевший в прошлом большие проблемы с правосудием и обиженный на Гизов. Встретившись в Женеве с французскими беженцами-протестантами, нашел у них горячую поддержку своему плану. Около семьдесят дворян отбыли вместе с ним во Францию. Везде — в Лионе, Перигоре, Бретани, Провансе, Лангедоке, Гиени и Пуату — к ним присоединялись многочисленные сторонники. Дворяне, поддержавшие планы Ла Реноди, переодевались торговцами и отправлялись в Нант, где 1 февраля 1560 года должно было состояться собрание дворянства. Следует отметить, что провинции, откуда были родом присоединившиеся к заговорщикам дворяне, находились на периферии королевства.

Дворяне, прибывшие в Нант, считали, что их собрание могло взять на себя функции Генеральных штатов, а потому было вполне легитимным. Они полагали, что дворянское сословие в лице своих самых

отважных представителей, поднявшихся против тирании, обладало неотъемлемым правом протеста против несправедливости и обязано было приложить все усилия для восстановления согласия, поколебленного узурпаторами, каковыми они считали Гизов. Для начала заговорщики решили двинуться в долину Луары. Уверенные, что двор, постоянно переезжавший с места на место, находится в Блуа, они назначили выступление на 10 марта. Однако двор неожиданно отбыл в Амбуаз, расстроив тем самым планы заговорщиков.

Заговорщики хотели встретиться с королем, раскрыть ему глаза на «гнусности Гизов» и потребовать ареста лотарингских принцев и предания их суду Генеральных штатов. Но разведка Гизов не дремала. 12 февраля 1560 года один из немецких князей и парижский адвокат д'Авенель донесли, что против Гизов готовится заговор, и братья решили дать отпор, достойный их таланта стратегов. Чтобы избежать конфликта между Бурбонами и Монморанси, они попросили королеву-мать вызвать ко двору Колиньи, Дандело и кардинала де Шатийона, племянника коннетабля. Когда обратились к Колиньи, он изложил аргументы протестантской оппозиции, а также подчеркнул ее недовольство несправедливостью по отношению к коннетаблю Монморанси. Он выразил свое возмущение недооценкой тех поистине выдающихся заслуг, которые коннетабль некогда оказал Генриху II, и предложил королю подготовить эдикт о свободе совести, подчеркнув, что это единственное средство избежать гражданской войны. Королева-мать пригласила сына утвердить эдикт об амнистии для всех гугенотов, не участвовавших в заговорах против государства, но эти меры были предложены слишком поздно. Дворяне, как и планировалось, собрались в лесах долины Луары, и сердца их были исполнены ненависти к Гизам.

Франсуа де Гиз, назначенный королевским наместником, возглавил отряд из трех тысяч дворян и перешел в наступление. Ла Реноди поймали и казнили, а тело его, разорванное на части, выставили на

всеобщее обозрение. Его товарищей постигла та же участь. Герцог Немурский, перехвативший в деревне Нуазэ отряд, прибывший с юга, дал слово, что все, кто был в этом отряде, получат возможность увидеть короля и поговорить с ним. Тем не менее всех убили. Барон де Кастельно-Шалос, уроженец Гаскони, выслушав смертный приговор, воскликнул: «Если на троне у нас уже сидят Гизы, то, разумеется, мы повинны в оскорблении величеств!» Число жертв среди заговорщиков было велико, но их невозможно подсчитать, так как большинство схваченных с оружием в руках дворян были убиты или брошены в Луару без всякого суда.

Протестанты сумели воспользоваться разгромом дворянства. Одержав военную победу, Гизы потерпели поряжение в плане моральном. Жуткие сцены подавления мятежа, запечатленные на гравюрах Тортореля и Периссена, распространились по всей Франции, бродячие торговцы продавали их на каждом шагу, разжигая ненависть к правительству, представленному в образе кровавого тирана. На гравюрах были запечатлены переговоры де Немура с Кастельно и его товарищами и убедительно показано, что Немур нарушил свое слово. Мятежников вешали на балконах замка в Амбуазе, тела их раскачивались прямо перед глазами Франциска II и дам, собравшихся поглазеть на трупы.

Разгром «заговора в Амбуазе» не решил проблемы. На юге волнения продолжались, иконоборцы громили церкви. Все чаще задавался вопрос: кто же подлинный виновник мятежа? Большинство инициатором называло принца Конде. Но когда Конде призывали на королевский совет и прямо спросили его в присутствии герцогов, пэров и рыцарей ордена Святого Михаила, тот с легкостью доказал свою невиновность.

Тем временем перед Гизами встала другая проблема: принцы крови, олицетворявшие легитимность в глазах большинства дворян, являлись угрозой их власти. Оба Бурбона, символизировавшие надежды тех, кто хотел избавиться от Лотарингцев, являлись

вполне реальной политической альтернативой нынешним правителям. Вдобавок Гизы знали, что в их изгнание с удовольствием внесет свою лепту коннетабль Монморанси. Представляя отчет Парижскому парламенту о событиях, произошедших в Амбуазе, Монморанси попытался убедить присутствующих, что это простолюдины подняли мятеж против чиновников, подчеркнув, что единственной причиной «волнений в Амбуазе» была дурная политика Лотарингцев.

Тонкий психолог Франсуа де Гиз был уверен, что Конде не сможет долго сопротивляться уговорам протестантов и в конце концов возглавит их партию. Следовательно, необходимо готовиться к войне. Считая войну неизбежной, Гиз начал формировать отряды в Лотарингии, вербовать ландскнехтов и рейтаров в Германии, мобилизовать отряды гасконцев, расквартированные в его губернаторстве в Дофине. Он поставил под ружье гарнизоны в Гиени, Монтаржи и Орлеане, наградил орденом Святого Михаила семнадцать самых верных своих соратников. Но по опыту он хорошо знал, что одной победы на поле боя недостаточно, необходима четко продуманная политическая стратегия. Поэтому Франсуа де Гиз и его брат поддержали предложение протестантского лидера Колиньи собрать в Фонтенбло ассамблею нотаблей. Эта ассамблея отличалась от Генеральных штатов тем, что члены ее назначались королем, а не выбирались в бальяжах или сенешальствах.

Ассамблея нотаблей открылась 21 августа 1560 года. На нее прибыли Антуан де Бурбон и его брат Конде, а также коннетабль Монморанси в сопровождении тысячи вооруженных дворян — коннетабль, вероятно, хотел напомнить о своем могуществе. Новый канцлер Мишель де Лопиталь, занявший место покойного Оливье, произнес речь, в которой объяснил цели и задачи ассамблеи. Гизы представили отчет о состоянии финансов и армии, но, похоже, никто не обратил на него внимания. Всех интересовал только один вопрос: вопрос вероисповедания. Все ожидали

выступления Колиньи, требовавшего прекратить преследования протестантов.

Жан де Монлюк, епископ Валанса, брат Блеза де Монлюка, человек, близкий к Екатерине Медичи и поддерживавший ее политические демарши, сформулировал центристскую позицию: отделить проблему религиозную от проблемы политической, то есть предоставить свободу вероисповедания, но запретить собрания, нарушавшие общественный порядок. Ерхиепископ Вьеннский Шарль де Марийак посоветовал созвать Генеральные штаты и национальный собор, подчеркнув при этом главенствующую роль короля и его матери в управлении государством.

Верный своей жесткой политике по отношению к протестантам, кардинал Лотарингский несколько раз брал слово. Он заявил, что гугеноты могут подчиняться монарху только в том случае, если он исповедует одну с ними веру. Отвергнув требование о строительстве новых храмов и право на собрания, предоставления которого добивались сторонники реформированной церкви, кардинал признал необходимость терпимого отношения к рядовым верующим, чья деятельность ограничивалась посещением проповедей, и обвинил руководство партии в проведении враждебной правительству политики. Не высказав возражений против созыва Генеральных штатов, он осудил предложение собрать национальный собор, заявив, что прежде следует опросить епископов и кюре и узнать, считают ли они необходимым провести реформу католической церкви. Рыцари ордена Святого Михаила вняли его аргументам и проголосовали так, как пожелал кардинал.

31 августа 1560 года Франциск II приказал созвать Генеральные штаты в Мо, и назначил день — 10 декабря текущего года. Сейчас мы знаем, что заседать они будут в Орлеане. Бальи и сенешалям было предписано присутствовать на ассамблеях всех трех сословий своих округов. Эти ассамблеи должны были составить указы и выбрать депутатов, которым

предстояло отстаивать свои позиции перед королем. Гизы сумели повернуть ситуацию в свою пользу. Конде хотел, чтобы Лотарингцы предстали перед Генеральными штатами, но они переиграли его, и он угодил в расставленную им самим ловушку. Гизы решили устранить с политической арены принцев крови, на которых уповала значительная часть дворянства, прежде всего дворянства протестантского, и консолидировать силы своих сторонников.

Дворянское движение, зародившееся в глубокой провинции Французского королевства, было раздавлено силой оружия, но идея, ради которой дворяне сражались, а именно созыв Генеральных штатов, возторжествовала. «Заговор в Амбуазе» отразил настроения дворянства, не желавшего мириться с тиранией и сосредоточением государственной власти в руках одного клана. Дворяне требовали уважать решения монарха как единственного арбитра, стоящего над схваткой мятежных группировок, и почитали короля главным военачальником и гарантом единства нации.

В течение долгого времени историки изучали исключительно узы верности, связывавшие общество по вертикали: нить, один конец которой находился в руках монарха или знатного сеньора, вела вниз, к дворянству, горожанам и сельским жителям. Не отрицая этого исторически установленного факта, подтвержденного многочисленными примерами, нам тем не менее хочется показать, что вертикальные узы были не единственными узами, скреплявшими систему социальных и политических отношений. В XVI и XVII веках дворянство представляло собой ту социальную группу, в которой духовная свобода, свобода совести и поступков, чувство солидарности и дружбы могли привести как к спонтанному сплочению, так и к стихийному мятежу, без команды со стороны кого-либо из принцев.

В XVII веке Александр Кампион в «Беседах на различные темы истории и морали» выделил три пространства, где находила свое выражение дворянская свобода: первое — это сельская местность, дом высо-

кородного дворянина, где тот жил среди своих родичей и друзей; второе — город, сосредоточение связей, возможностей, богатства, универсум цивилизованный, но, в отличие от сельской местности, находящийся под пристальным наблюдением властей; третье — двор, местопребывание суверена и всех, кто хочет быть к нему ближе. Вот почему даже самые знатные сеньоры, такие, как Гизы, Монморанси или Бурбоны, грозя покинуть двор, понимали, что этот добровольный жест будет воспринят правительством как знак протеста или мятеж. У дворян-протестантов стремление к свободе было еще более развито благодаря приобщению к культуре Реформации, усиливавшей индивидуалистический настрой. Стремление к безграничной свободе и неконтролируемым поступкам проявится во время Фронды в 1651 году, на ассамблее дворянства, которая соберется в 1652 году в Париже, на собрании объединенных бальяжей в 1658—1659 годах, во время дворянского мятежа в Орлеане.

Ослабление Бурбонов и поражение Гизов

Движение дворян-протестантов, заставившее поблекнуть образ Гизов и напомнившее об их уязвимости, парадоксальным образом ослабило Бурбонов: в глазах католиков они стали выглядеть тайными руководителями заговора против короля. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, Франциск II под влиянием Гизов приказал Антуану де Бурбону и Конде прибыть в Орлеан, чтобы присутствовать на заседаниях Генеральных штатов. Зная, что им грозит, братья отказались. Только после настоятельного требования монарха, не подчиниться которому они не могли, иначе их тотчас обвинили бы в неповиновении, они пустились путь. Едва выехав за пределы Пиени, братья заметили, что за ними установлена слежка. До самого Орлеана их преследовали неприятности, чинимые властями по приказу Гизов. Так Гизы стремились сократить число сторонников прин-

цев, отбить у дворян охоту сопровождать их. Гизы боялись, как бы поездка братьев в Париж не превратилась бы — при активной поддержке масс — в торжественный марш Бурбонов к власти.

По случаю прибытия Бурбонов в Орлеан не стали устраивать ни специальных церемоний, ни торжественного приема, хотя ранг принцев крови требовал оказания братьям определенных почестей. Довольные ходом событий, Гизы поспешили обвинить Конде в пособничестве заговорщикам в Амбуазе. Конде взяли под домашний арест. Его брат, король Наваррский, оставался на свободе, однако за ним следили столь бдительно, что положение его мало чем отличалось от положения узника.

Суд над Конде прошел чрезвычайно быстро: вопросы ему задавал председатель де Ту, но принц отвечать отказался, сославшись, что его имеет право допрашивать только король или парламент, собравшийся на пленарное заседание. Антуан де Бурбон и жена Конде Элеонора де Руа, не считаясь с затратами, делали все, чтобы его спасти. Жанна д'Альбре, супруга короля Наваррского, которой также грозил арест, укрылась в крепости Наварренкс. Ходили слухи о подготовке восстания, подобного выступлению в Амбуазе, с целью освобождения принцев. Однако Гизы, закусив удила, усилили давление на судей, чтобы те как можно скорее вынесли Конде смертный приговор.

Но судьи не спешили закрывать дело и продолжали исполнять предписанные инструкциями формальности. Они знали, что Франциск II тяжело болен, и при тайной поддержке Екатерины Медичи как могли затягивали процедуру. Королева-мать понимала, что после устранения с политической арены Бурбонов она останется один на один с всемогущими Гизами.

Лотарингцы же прилагали все силы, чтобы ускорить дело. 26 ноября особый суд, специально созданный кардиналом и состоящий из магистратов, государственных советников и рыцарей ордена Святого Михаила, вынес Конде смертный приговор.

А вскоре было сообщено, что приговор будет приведен в исполнение 10 декабря, в первый день заседания Генеральных штатов. Такая поспешность возмутила дворян: граф де Сансер отказался подписать постановление, его примеру последовали другие. Оказавшись в столь запутанной ситуации, канцлер Лопиталь отложил принятие любых решений «на потом».

Состояние здоровья Франциска II с каждым днем ухудшалось, и кардинал распорядился устраивать процессии и молебны за здоровье светлейшего больного. Каждый знал, что кончина короля близка и готовился к столкновениям, которые действительно начались буквально через считанные часы после смерти монарха. Роковым днем стало 5 декабря 1560 года.

Гизы оказались в положении их давнего противника Монморанси после кончины Генриха II, то есть на обочине власти. Только на этот раз королева-мать сумела подготовиться к смене монарха. Был также и другой нюанс — неизбежность открытия Генеральных штатов. Различные заинтересованные стороны побуждали друг друга к осторожности, ибо собравшиеся в Орлеане депутаты, без сомнения, станут рассказывать у себя в провинциях обо всем, что им доведется увидеть и услышать, тем более что впервые в истории Генеральных штатов представители сословий собирались вместе в главных населенных пунктах бальяжей и сенешальств. А сельские общины теперь выдвигали своих депутатов на собственных собраниях, что придавало штатам этого созыва больший вес, нежели штатам созыва 1484 года, на которые депутаты избирались совместно от всех трех сословий.

Гизы хотели подчинить себе все три сословия, но оказать давление на Генеральные штаты не удалось, и выборы прошли на основе плюрализма: бальяжи Юга, Запада, Гиени и долины Луары заняли лояльную позицию по отношению к Реформации, и попытались ограничить влияние Гизов в пользу Бурбонов. Наказы, поступившие от избирателей, проживавших

в бассейне Сены, свидетельствовали о желании созывать штаты провинций каждые пять лет, а Генеральные штаты каждые десять лет, что, несомненно, внесло бы изменения в монархические институты — необходимость согласовывать действия центральной власти с представителями провинций. Депутаты Западной Франции и Шампани утверждали, что избиратели вручили им мандаты с условием добиваться выполнения избирательских требований, и смерть короля не вносила в эти требования никаких корректив.

Среди депутатов было немало тех, кто внимательно прислушивался к речам протестантов, тех, кто отвергал любые договоренности со сторонниками реформированной религии, равно как и тех, кто во всем стремился достичь и политических, и религиозных компромиссов. Потрясенный случившимся, Антуан де Бурбон отверг просьбы своих сторонников, желавших видеть его регентом королевства. Королева-мать заявила, что не намерена продолжать политику гонений, проводимую Гизами, ибо не считает ее правильной, а, напротив, начнет предпринимать шаги к примирению. Канцлер Мишель де Лопиталь в своей знаменитой речи на открытии Генеральных штатов 13 декабря 1560 года указал на необходимость преодолеть религиозную разобщенность и предложил созвать Вселенский собор.

Комплекс требований, выдвинутых тремя сословиями, получил свое отражение в Орлеанском ордонансе, составленном 31 января 1561 года. Генеральные штаты так и не вынесли определенного решения, касавшегося отношений между протестантами и католиками. К тому же они упорно настаивали на сохранении существующих налогов и противились их увеличению, исключив таким образом себя из обсуждения проблем как финансового, так и организационного и властного порядка. Заключительное заседание состоялось 31 января 1561 года. Борьба далеких от чаяний населения знатных дворянских кланов продолжилась.

Смерть Франциска II отстранила Гизов от власти, однако не убрала их с политической сцены. Они вновь появились на ней в качестве глав политической партии непримиримых, способной оказывать сильное давление на правительство регентши. Впрочем, регентша и не желала полного уничтожения сторонников Гизов: они были нужны ей для сдерживания протестантов. 5 февраля 1561 года в Фонтенбло Антуан де Бурбон потребовал для себя должность Великого Господина, занимаемую герцогом Гизом, но Екатерина Медичи отказала ему. Антуан пригрозил удалиться в Наварру, но королева не уступила. Он попытался увлечь за собой клан Монморанси, однако Екатерина сумела отговорить коннетабля, поверившего, что он вновь востребован как во времена Генриха II, не делать столь опрометчивого шага. Оставшись в одиночестве, Антуан не осмелился пойти против Екатерины.

Гизы не приняли политического компромисса, заключенного между королем Наварры и регентшей. Объявив, что они покидают двор, они исполнили свое обещание. Но никто даже пальцем не пошевелил, чтобы им помешать. После поста 1561 года они вернулись сами, опасаясь оставлять двор надолго.

Вдобавок их одолевало обоснованное беспокойство: Генеральные штаты потребовали, чтобы все, кто, как полагали, обогатился в ущерб государству во времена правления Генриха II, вернули награбленное. Монморанси, Гизы, Диана де Пуатье и маршал Сент-Андре, люди, занимавшие во времена Генриха II самые высокие посты, понимали, что все внимание устремлено на них, и боялись, что регентша своей властью решит исполнить это требование именно по отношению к ним. Несмотря на разделявшие их разногласия, в этом вопросе они были готовы проявить солидарность. Сент-Андре, сумевший со всеми остаться в хороших отношениях, попытался даже сблизить два враждебных клана — Гизов и Монморанси.

Сближению способствовал случай. 6 апреля 1561 года Екатерина Медичи поручила епископу Валанса Жану де Монлюку прочесть проповедь во время поста, хотя правоверные католики часто подвергали нападкам этого епископа. Брантом даже написал, что «его считали сначала лютеранином, а потом кальвинистом». Коннетабль Монморанси и его жена отказались пойти на проповедь прелата и отправились слушать монаха-якобинца, читавшего проповедь «для слуг». К своему великому изумлению Монморанси встретил там герцога де Гиза и маршала де Сент-Андре. Все трое были полководцами, людьми действия, не сведущими в теологических тонкостях, но зато твердыми в католической вере. И в тот же самый вечер они создали триумвират, поставив три цели: закрепить за собой право — как было во времена Генриха II — бороться с протестантской реформой; положить конец требованиям Генеральных штатов вернуть незаконно присвоенные во время пребывания у власти средства; активно бороться против политики примирения с протестантами, проводимой Екатериной Медичи.

Союз трех могущественных дворянских кланов, несогласных с политикой, напомнил королеве времена покойного мужа, когда она, не обладая никаким влиянием, могла всего лишь сблизиться с Бурбонами, чтобы создать противовес огромной политической силе, которую представлял собой союз Гизов и Монморанси. Маргарита де Валуа, будущая королева Марго, дочь Екатерины Медичи и Генриха II, описала в своих мемуарах странную атмосферу, царившую при дворе, фактически наполовину обратившемся в протестантство. Ее описания находят подтверждение в письмах Екатерины Медичи другой своей дочери, вышедшей замуж за герцога Савойского; эти письма Таванн перлюстрировал по просьбе Гизов. В них прослеживается готовность Екатерины оказывать поддержку протестантам, ибо она надеялась, что протестанты избавят ее от триумвирата.

Свобода маневра у Екатерины была крайне ограничена. Впрочем, она хотела всего лишь избежать

гражданской войны, призрак которой вновь вставал на горизонте, как во времена заговора в Амбуазе. Были утверждены два закона — от 19 апреля 1561 года и от 17 января 1562 года. Первый разрешал протестантам молиться за закрытыми дверями, второй предоставлял свободу отправления культа вне городских стен и в частных усадьбах, не покидая их пределов. Гизы, настроенные крайне враждебно к этим эдиктам, делали все для их отмены, в то время как Конде при поддержке королевы-матери пытался претворить их в жизнь.

Март 1562 года: резня в Васси, Первая религиозная война

Решив любой ценой избежать гражданской войны, королева вступила на путь примирения протестантов и католиков. В Фонтенбло она позволила дочери короля Людовика XII Рене Французской герцогине Феррарской и принцессе Конде превратить свои апартаменты в место собраний и молитв. В доме адмирала Колиньи проходили протестантские богослужения. Читал проповеди пастор Жан Раймон Мерлин, приглашенный адмиралом из Женевы. Колиньи звал к себе всех, кто желал присутствовать на этих проповедях, будь то дворянин или простолюдин. 29 августа 1561 года Жанна д'Альбре, жена Антуана де Бурбона, короля Наваррского, прибыла в Сен-Жермен-ан-Лэ, где приняла участие в большой религиозной процессии, насчитывавшей пятнадцать тысяч протестантов, собравшихся со всех уголков провинции Иль-де-Франс.

Между тем супруг ее колебался между двумя религиями: когда в 1558 году он участвовал в манифестации в Пре-о-Клер, он выступал на стороне Реформации, однако с 1561 года его уже обуревали иные чувства. В апреле он причастился по католическому обряду, в июне вернулся в лоно реформированной церкви, а в августе вновь — теперь уже окончательно — обратился в католичество. Все это время он вел

веселую жизнь, вызывая возмущение Кальвина. Отсутствие твердых убеждений и распущенность стоили ему престижа. И как следствие, все взоры устремились на его брата Конде.

События доказали правоту Екатерины Медичи, также обратившую взгляд на Конде. Но уже не за горами была Первая религиозная война. Событием, давшим толчок для развития военных действий, стала резня в Васси, произошедшая в первый день марта 1562 года; именно эту дату авторы учебников истории считают началом конфликта. Это было столкновение сугубо местного значения, каких в то смутное время случалось немало, однако силами пропаганды обоих лагерей оно приобрело поистине гигантские масштабы. В этот день, в двух десятках километров от Жуанвиля, вотчины Гизов в Шампани, солдаты из эскорта герцога решили разогнать проходившее в амбаре собрание протестантов и стали стрелять и оскорблять верующих. Протестанты оказали сопротивление. Аркебузиры герцога начали избивать протестантов и вышли из стычки победителями. На поле боя остались шестьдесят убитых и две сотни раненых. Эта резня, по утверждению протестантов, была устроена по наущению Франсуа де Гиза, тотчас прозванного «палачом Васси». Но так ли это было на самом деле? До самой смерти герцог отрицал свою причастность к этой резне, и заявлял, что гугеноты первыми напали на его солдат, а те только защищались.

Но кто бы ни был виновником столкновения, главная угроза заключалась в его последствиях. Многочисленные памфлеты протестантов обвиняли герцога в намеренных убийствах и возлагали на него ответственность за развязывание гражданской войны. Парадоксально, но католики склонялись к тому же самому мнению, а парижане даже вывесили флаги и устроили герцогу триумфальную встречу, словно он одержал великую победу. Коннетабль Монморанси и маршал Сент-Андре присоединились к отряду Гиза, и триумvirат в полном составе торжественно въехал в столицу, сопровождаемый тремя ты-

сячами дворян. В тот день Конде понял, что он никогда не сможет стать хозяином Парижа.

Сейчас трудно установить виновных в развязывании военных действий. Разумеется, большая часть населения была к ним готова. Известно также, что в то время, когда произошла резня в Васси, Гизы возвращались из Эльзаса, местечка Саверн, находившегося на территории, принадлежавшей Священной Римской империи, где они встречались с герцогом Вюртембергским, лютеранином, одним из наиболее могущественных князей Германии. Похоже, они приложили немало усилий, чтобы помешать созданию союза между германскими князьями и Конде. Возможно, они хотели сыграть на противоречиях между лютеранами и кальвинистами. А может, речь шла о стратегических интересах на европейском уровне? Или они думали, что лютеранское вероисповедание может стать для Франции промежуточным путем между католицизмом и кальвинизмом? Не следует забывать, что осенью 1561 года, организованный под эгидой Екатерины Медичи colloquium в Пуасси, собравший католиков во главе с кардиналом Лотарингским и кальвинистов во главе с Теодором де Безом с целью достичь согласия между двумя религиями, провалился, споткнувшись на проблеме причастия. Мы вряд ли когда-нибудь узнаем содержание соглашений, заключенных между Гизами и герцогом Вюртембергским, так как никаких документов на сохранилось. Однако можно утверждать, что в дипломатическом плане Лотарингцы явно готовились к конфликту.

Сознавая, что война, до крайности обострив разногласия между партиями, может сделать короля заложником триумвирата, Екатерина Медичи с 16 по 26 марта 1562 года направила Конде четыре письма, в которых поручала ему своих детей и королевство Францию. Перед лицом угрозы, исходившей от сильных воинственных дворянских кланов, она обратилась к принцу крови, который, по ее мнению, мог стать противовесом могущественному союзу Гизов и Монморанси.

Но герцог де Гиз опередил ее и буквально захватил короля. С двумя своими союзниками, коннетаблем и маршалом де Сент-Андре он 27 марта отправился в Фонтенбло и потребовал от королевы-матери немедленно вернуться в Париж. Жители столицы в большинстве своем были рьяными католиками, а следовательно, могли бы предотвратить государственный переворот, если бы протестанты решились его устроить. Екатерина Медичи отказалась возвращаться в столицу, понимая, что таким образом она окажется полностью во власти триумвиров. Но несмотря на оппозицию Антуана де Бурбона и королевы-матери, двор, столкнувшись с угрозой, исходившей от герцога де Гиза, вынужден был отправиться в Париж. Регентша плакала от ярости и бессилия, но, склоняясь перед военной силой, вынуждена была стерпеть это публичное оскорбление.

*Первая религиозная война
(март 1562 года — март 1563 года)*

Реакция Конде не заставила себя ждать. 2 апреля 1562 года он с несколькими сотнями дворян-протестантов захватил Орлеан, один из наиболее крупных городов того времени. В считанные дни Орлеан стал столицей протестантской Франции, а взятие его войском Конде — сигналом для мобилизации дворян-гугенотов. При поддержке протестантского населения отрядам Конде удалось завоевать долину средней Луары и в, частности, города Блуа, Тур и Анже. 8 апреля 1562 года Конде издал манифест о том, что он принимает на себя командование армией, цель которой освободить короля и королеву-мать и заставить противника уважать религиозный мир (объявленный январским эдиктом), грубо нарушенный герцогом де Гизом. Это заявление встретило многочисленные отклики за границей, прежде всего у германских князей, выказавших полное понимание политики Конде. Во Франции оно также было встречено с небывалым энтузиазмом: в до-

лине Роны барон Адрет 27 апреля взял Валанс, а через три дня вступил в Лион, второй по величине город королевства, оказавшийся в руках протестантов. Волнения нарастали, большая часть территории была охвачена огнем, юг во главе с бароном Адретом противостоял юго-западу во главе с Блезом де Монлюком, пожаром войны были охвачены долина Луары, Берри, Пуату, Нормандия и Бургундия.

Пока в провинциях шли локальные бои, главные армии готовились к решающим сражениям. Армия короля состояла из немецких ландскнехтов и рейтар, швейцарских рекрутов, набранных в католических кантонах, и французских отрядов герцога де Гиза, пополнившихся новыми рекрутами. Все эти люди находились под командованием королевского наместника Антуана де Бурбона; под его началом числились также и триумвиры. Армия протестантов была малочисленней, но превосходила армию католиков по качеству: большинство старых солдат, уволенных при Франциске II, присоединилось к Конде. Гасконцы, беарнцы, уроженцы Лангедока, дворяне, участвовавшие в боях с испанцами, прибывали в Орлеан, где Конде и Колиньи распределяли их по ротам. Пасторы и офицеры ввели строгую дисциплину, заставляя всех блюсти евангельский образ жизни, так что пение псалмов чередовалось с военными учениями. Игра и грабежи были запрещены. Вначале эти принципы истово соблюдались, однако очень скоро нехватка денег заставила протестантов вести себя так, как вели себя армии тех времен, то есть жить за счет грабежа гражданского населения.

Первая большая битва состоялась во время осады Руана, продолжавшейся с 28 сентября по 26 октября 1562 года, в ходе которой от полученной раны скончался Антуан де Бурбон. Королевская армия, одержав победу, разграбила город. Второе сражение, состоявшееся 19 декабря 1562 года при Дре, стало решающим. Вначале преимущество было на стороне Конде, так как раненый Монморанси попал в плен, а его сын

Монброн был убит. Герцог де Гиз со свежими отрядами находился в укрытии, не вступал в сражение и таким образом способствовал поражению коннетабля. Но в тот момент, когда люди Конде рассредоточились, Гиз неожиданно ринулся на них из укрытия. Только стратег Колиньи, не покинувший поле битвы, предположил, что Франсуа де Гиз готовит врагу ловушку, ибо он не увидел Гиза на поле боя. Как только Колиньи убедился, что все потеряно, он организовал отступление и, собрав остатки армии протестантов, увел их в безопасное место.

Последствия битвы были плачевны: два брата герцога де Гиза остались лежать на поле боя; один из них, Омаль, был ранен, другой, великий приор, мертв; смерть настигла маршала де Сент-Андре и Конде, попавшего в плен к Франсуа де Гизу. Гиз оказался единственным оставшимся в живых вождем знати и вполне мог претендовать на роль победителя. Однако триумф его был недолгим: 24 февраля 1563 года во время осады Орлеана он был убит протестантом Польтро де Мере.

В результате военных действий политический пейзаж резко изменился: Екатерина Медичи вновь стала главной в игре. Из триумвиров в живых остался только коннетабль, но он постарел и вдобавок попал в плен. Вожди протестантов были разгромлены, но не раздавлены полностью. Пробыл час политических перемен. Королева заключила мир в Амбуазе, за ним последовал эдикт, подписанный 19 марта 1563 года в том же городе. Амбуазский эдикт стал предтечей Нантского эдикта, который примут через тридцать пять лет. Сейчас же эдикт предоставлял сторонникам реформированной веры свободу совести, свободу отправления культа (но только в одном городе на каждый бальяж и во владениях сеньоров с правом высшего суда, если эти сеньоры не имеют на то возражений), а также разрешение строить храмы в городских предместьях. Какой, однако, путь прошло политическое сознание с 13 июля 1562 года, когда Парижский парламент объявил протестантов вне закона!

Довольная своей победой над знатными дворянскими кланами, при том, что ни один из противников полностью не уничтожил другого, Екатерина Медичи начала проводить в жизнь новую политику — политику примирения и *согласия*, которая, по ее мнению, должна была стать частью нового мирового порядка, установленного Господом, как написал об этом в 1562 году поэт Ронсар в стихотворении к регентше. Соотнесенность с учением Платона, слова «милосердие и правосудие» (*pietas et justitia*), вписанные в девиз Карла IX, в то время свидетельствовали о принятии как монархами, так и большей частью элиты идеалов флорентийского гуманизма конца XV века. Марсилио Фичино, философ итальянского Возрождения из Тосканы, считал, что истинный князь, добродетельный, искренний и праведный, должен стать для народа проводником, ведущим его вперед по тропам добронравия, в страхе перед Господом и в любви к нему. Королю не следует прибегать к насилию, ибо насилие эквивалентно тирании, король же должен руководствоваться правилами божественной мудрости, основанной на милосердии.

Справедливость, одна из основ девиза Карла IX, это справедливость мудрости, и, по утверждению Платона, включает в себе скромность, умеренность, смирение и любовь к добродетели. Справедливость гарантирует мир, вознаграждает достойных и наказывает злых. Вкупе с милосердием, вторым столпом политической жизни королевства, посредством которого поддерживается связь с Богом, является королевское правосудие, наделенное правом ведения войны ради поддержания всеобщего порядка. Оно способствует созданию в обществе нового равновесия, достичь которого хотели руководители правительства периода регентства.

Екатерина Медичи вдвойне почитала философию неоплатоников, ибо, во-первых, была родом из Флоренции, а во-вторых, восторженной поклонницей своего свекра Франциска I, короля-неоплатоника,

яркий образ которого предстает перед нами в работах Анн Мари Лекок. Жак Амио*, написавший ряд книг, предназначенных для воспитания королевских детей, учил короля Карла IX «сапиенции» (*sapientia*), включавшей в себя, по его представлениям, благоговение перед Господом и поддержание августейшего величия. «Сапиенция» должна была дать Карлу IX возможность стать для своих подданных образцом короля-философа, описанного в диалоге Платона «Республика». В системе образования царственных отпрысков центральное место занимала история образцовых событий, которые должны были научить будущего монарха избегать случайностей в деле управления государством.

Платоновская философия власти противостояла образу тирании, олицетворением которой в период царствования Франциска II многие считали фактических правителей Гизов. Торжественный союз власти и философии был запечатлен художниками. Историк Дени Крузе описал картину работы Антуана Карона, где в центре изображен Карл IX, уступающий дорогу матери. За ним расположилась группа мужчин, представляющих божественные науки. Слева вперед выступает старик, вручающий монарху книгу, символизирующую знания, которыми обладает только божественный избранник. Знания эти приобретаются в процессе воспитания. Эта картина, хранящаяся в музее города Бове и получившая название «Вручение книги и меча», свидетельствует, что традиционная функция короля-полководца, защитника народа, теперь уступает первенство функции «великого знатока» всех наук.

Монарх не мог более довольствоваться единственным умением — умением вести войну, он должен был придумывать политические ходы, обеспечивающие сохранение мира и порядка, заставлять подданных поддерживать согласие и гармонию в королевстве. Изучая политику, проводимую Екатериной Медичи и Карлом IX с 1563 по 1567 год, можно только удив-

* Жак Амио (1513—1591), гуманист, воспитатель детей Генриха II.

латься их горячему желанию следовать этим философским постулатам. Педагогические принципы Жака Амио воплощались на практике: король-философ насаждал среди своих подданных науку гармонии и добродетели. Несправедливость становилась врагом власти и короля, чья душа была открыта на встречу идеям, несущим в себе Добро.

Во время путешествия Карла IX и его матери по Франции были устроены празднества, подобные майскому празднеству 1564 года в Бар-ле-Дюк, когда на сцену были выведены аллегорические фигуры, олицетворявшие философские идеи, а четыре стихийных элемента вступили в единоборство с четырьмя планетами: Солнцем, Меркурием, Сатурном и Марсом. В конце турнира Юпитер провозгласил короля Карла IX носителем высших добродетелей и символом национального примирения.

Королевский вояж Карла IX по Франции (1564—1566)

Празднества, подобные торжествам в Дре, устраивались повсюду, и всюду, благодаря умело организованной пропаганде, короля и его мать встречали как миротворцев, в которых так нуждалась Франция. Путешествие с миротворческими целями было предприятием огромной важности: французы получили возможность увидеть вблизи своего монарха, могли поговорить с ним и даже его потрогать — во время парадного въезда в город, во время организованных в его честь празднеств, во время литургии, где также славили королевскую власть. Приближение короля к народу изменило политический расклад, ни у кого больше не возникало подозрений, что верховную власть захватил какой-либо клан, как это было во времена Франциска II и Гизов. Народ видел, что монарх готов выслушать его просьбы и жалобы.

Посещение столиц каждой из провинций было организовано по определенной схеме. Прежде всего

король и канцлер Франции отправлялись в парламент. Местные парламенты нередко простирали свои полномочия столь далеко, что возлагали на себя часть функций центральной власти — разумеется, в ущерб последней — и проводили политику, идущую вразрез с политикой короля. Так, парламент Экса присвоил себе функции настоящего католического правительства Прованса и отказался ратифицировать Амбуазский эдикт от 19 марта 1563 года, положивший конец Первой религиозной войне. Король применил санкции и в марте 1564 года отстранил всех членов парламента от должности, а на их место назначил временный совет, состоящий из членов Парижского парламента и двух советников Большого совета.

Король не намерен был принимать крайние меры. Его визит, подготовленный губернатором и канцлером, планировался как начало диалога, а в случае необходимости — и переговоров с членами парламента относительно восстановления прежнего порядка. В парламенте прошла церемония, именовавшаяся ложем правосудия, с присутствием короля и соблюдением всех необходимых формальностей. Трибуна, где, облаченный в парадную мантию, с парадной цепью ордена Святого Михаила на шее, располагался король, символически возвышалась над креслом первого президента парламента. Место короля, находившееся на самом верху в центре, служило своего рода точкой отсчета, книзу от которой, строго соблюдая иерархию, располагались все остальные: справа от монарха сидела королева-мать, на некотором расстоянии от нее принцы крови, коннетабль и губернатор провинции. У подножия возвышения находилось место канцлера, сидевшего лицом к депутатскому корпусу. Когда король брал слово, канцлер вставал и обнажал голову; его примеру следовали все присутствующие. Во время краткой приветственной речи канцлера стояли только советники суда, правда, с покрытыми головами, а председатели, подобно принцам крови, имели право сидеть. Адвокатам же все время приходилось стоять с непокрытыми головами.

Во всех выступлениях канцлера подчеркивалась роль короля как законодателя и верховного судьи, наделявшего парламенты соответствующими полномочиями. В Бордо, где среди магистратов не было единства, а также слишком мало внимания уделялось королевским директивам, король повел себя властно и напомнил о принципах, на которых зиждилась монархия. Желая призвать парламенты к исполнению их непосредственных обязанностей, король одновременно хотел им дать больше прерогатив, что позволило бы уменьшить давление на них со стороны Парижского парламента, который, по его мнению, имел ярко выраженную тенденцию выступать в качестве опекуна монархии. Впрочем, несмотря на протесты разгневанного парламента Парижа, в августе 1563 года в Руане было объявлено о совершеннолети Карла IX.

Но король желал не только убедиться в правильной работе парламентов, он проявлял интерес к функционированию других институтов, к поведению чиновников в округах. Он наводил порядок в городах, управляемых ненадежными олигархиями, которые во время Первой религиозной войны сдавали города протестантам, даже не попытавшись оказать сопротивление. Эдикт Кремье (1564), действие которого распространялось на все населенные пункты, где находились резиденции архиепископов, епископов, парламентов и президиальных судов, позволял властям осуществлять контроль над деятельностью магистратов. Монарх вмешивался в дела многих городов, в частности таких, как Труа, Вьенн, Гренобль, Экс, Марсель, Ним, Монпелье, Тулуза, Ош, Бордо, Байонна, Нерак, Ла-Рошель, Нант; он укреплял свою власть и стремился исполнить пожелания подданных. Например, в Провансе пожелание сохранить только консулов-католиков было исполнено, но в Шалоне-на-Марне монарх отказался выполнить пожелание совета запретить протестантам исполнять публичные должности. Таким образом он пытался установить согласие посредством мер, казавшихся ему наиболее подходящими для каждой конкретной

ситуации в отдельности. В Нераке, вотчине сторонников Реформации и столице королевы Наваррской Жанны д'Альбре, он установил паритет между католиками и протестантами, занимавшими должности консулов и чиновников городского правления.

Король выступал защитником городских вольностей, оказывал максимальную поддержку независимым муниципалитетам — например, в Лимузене. Во время поездки король, повсюду завязывая личные отношения с городской буржуазией, не гнушался приехать на обед в поместье или особняк влиятельного нотабля.

Такую же политику проводил он и в отношении провинциальных дворян, ибо всего лишь 15% этих дворян регулярно приезжали ко двору и служили в армии. Для дворян, проживавших в провинции, равно как и для чиновничьей и городской элиты, визит короля был удачной возможностью поговорить с монархом. И дворяне охотно использовали ее: снимались с насиженных мест и отправлялись на встречу с королем. Государь внимательно выслушивал их просьбы, стараясь не уступать давлению со стороны местных властей, нередко убеждавших его отказаться от проводимой им политики примирения. Наглядный пример тому дает визит короля в Тулузу, где монарх наотрез отказался идти на уступки местным властям. В Каркасоне король узнал, что около тысячи дворян из Гиени и Гаскони съехались в Тулузу, чтобы просить его отменить Амбуазский эдикт и изгнать протестантов из королевства. После продолжительного обмена грамотами, монарх в конце концов согласился вступить в столицу Лангедока, не дожидаясь, пока негодные ему дворяне покинут ее. Он даже позволил этим дворянам присутствовать на церемонии торжественной встречи его персоны при въезде в город, однако категорически запретил им критиковать его политику. Инцидент завершился компромиссом: Карл IX не намеревался сжигать мосты в отношениях с антагонистическими группировками королевства, а, напротив, стремился выступать в роли арбитра и миротворца.

Так, шаг за шагом, монарх и его мать объезжали разоренную Первой религиозной войной страну, и все восемьсот двадцать девять дней, которые длился этот вояж, иначе говоря, с 24 января 1564 года по 1 мая 1566 года, терпеливо восстанавливали отношения со своими подданными, проживавшими в удаленных от столицы провинциях. Нигде долго не задерживаясь, монарх, а следом за ним и весь его двор, начали путешествие с посещения Бар-ле-Дюка, затем король проехал по берегам рек Соны и Роны, пересек Прованс, Лангедок, побывал в Байонне, в Бордо, а оттуда вернулся в долину Луары.

Это путешествие позволило двору избежать давления со стороны знатных кланов, прервать затяжной конфликт между Монморанси и Гизами, и, наконец, убедить провинции принять Амбуазский эдикт, ставший символом проводимой королем политики.

Политика примирения

После окончания Первой религиозной войны перед Екатериной Медичи встала нелегкая задача ликвидировать все задолженности и урегулировать отношения с Англией. В Хэмптон Корт протестанты подписали с Елизаветой I соглашение о том, что в обмен на поддержку передадут ей порт Гавр. Когда война окончилась, англичане заявили, что готовы отдать порт Гавр в обмен на порт Кале, который во время царствования Генриха II герцог Гиз отвоевал у англичан. Возвращать Кале никто не собирался, снарядили военную экспедицию под предводительством коннетабля Монморанси, и при поддержке Конде 30 июля 1563 года порт вновь перешел к французам.

Труднее было решать внутренние проблемы: католики плохо приняли Амбуазский эдикт, а папа назвал его «позорным миром». Протестанты также не выражали особых восторгов по его поводу, а многие даже обвиняли Конде в предательстве, ибо он согласился на неудовлетворявший их компромиссный мир.

Вновь возникла угроза со стороны Гизов, уверен-

ных, что гугенот Польтро де Мере убил Франсуа де Гиза по наущению адмирала Колиньи. Щепетильный адмирал торжественно отверг обвинение в организации убийства, однако, обладая характером цельным и открытым, не считал нужным сдерживать свою радость по поводу отбытия в мир иной главы дома де Гизов, укрепляя тем самым клан Гизов в мысли о его причастности к этому убийству. Гизы настойчиво требовали у Екатерины Медичи отщения. Вопрос даже был поднят на королевском совете, однако монарх осмотрительно отложил решение его на три года, запретив обеим партиям в этот период искать правосудия в суде или же решать вопрос силой оружия. Как известно, эта вендетта завершилась в ночь святого Варфоломея убийством Колиньи, которым руководил лично герцог Генрих Гиз, ворвавшийся в дом адмирала с отрядом отборных солдат.

Несмотря на все трудности, Карл IX и его мать при помощи конкретных мер и третейских судей, умело дозирувавших приговоры, проводили политику, обеспечивавшую сосуществование двух религиозных общин и двух крупных знатных кланов. В этом же направлении трудился не покладая рук и канцлер де Лопиталь, опубликовавший в феврале 1566 года знаменитый Муленский ордонанс, где были изложены основные положения реформы правосудия. Так, в частности, были уточнены функции парламентов, вводился контроль над судами, куда теперь регулярно направляли судебных чиновников (тех, кто в XVII веке станет называться интендантами), приезды которых тотчас прозвали «набегами», был изменен порядок проведения судебных сессий в провинциях, назначены высокие юридические чины. Парижский парламент попытался протестовать против реформ, ущемлявших его прерогативы, но в конце концов смирился.

По окончании войны остро вставала проблема праздности дворян, находившихся при дворе; не имея возможности снискать славу на поле боя, дворяне с азартом вступали в схватки друг с другом, и зачастую эти поединки заканчивались трагически.

Чтобы занять, а главное, развлечь дворян, Екатерина Медичи возобновила традиции времен Франциска I и стала устраивать грандиозные празднества в Фонтенбло: пиры, турниры, театральные представления, прогулки верхом. Знатные сеньоры, в том числе и протестанты, с удовольствием участвовали в королевских развлечениях, не обращая внимания на едкие замечания пасторов и предупреждения Кальвина.

Усилия Екатерины Медичи и Карла IX позволили Франции вкусить плоды четырехлетнего мира. За эти годы страна залечила раны и отстроилась после гражданской войны. Но умы не пришли в состояние умиротворения, стычки между католиками и протестантами продолжались: достаточно было одной искры, чтобы широкомасштабный конфликт запылал вновь. В Нидерландах мятеж, поднятый против Филиппа II Испанского, стал началом восстания политического, направленного на защиту традиционных свобод северной страны, против жесткой централизаторской политики и непреклонного католицизма испанского монарха.

Возобновление конфликта

Французские сторонники реформированной церкви тяжело переживали жестокие меры, предпринимаемые испанцами против их единоверцев на севере, и упрекали французский двор в нежелании поддержать борьбу Нидерландов против Испании. Протестанты подозревали, что Екатерина Медичи ведет двойную игру и втайне поддерживает переписку с Филиппом II с целью как можно скорее раздавить протестантское движение в Европе.

Скорее всего, французское правительство действительно не намеревалось предпринимать какие-либо действия в связи с испано-нидерландским конфликтом. Но несмотря на политику нейтралитета, правительство, опасаясь бесчинств испанских солдат на французской территории, все же рекрутировало швейцарцев. Испанские армии дошли до Мила-

на и теперь направлялись в Нидерланды, а путь их лежал через Савойю, Франш-Конте и дальше вдоль границ Дофине, Бургундии и Шампани.

Протестанты с тревогой наблюдали за рекрутированием швейцарцев, понимая, что эта сила в любую минуту может быть использована против них. Они задавались вопросом, не заключили ли Филипп II и Екатерина Медичи, встречавшиеся в Байонне во время большого путешествия Карла IX по Франции, тайный католический альянс.

Собравшись на совещание в замке Валери (современный департамент Йонна), вожди протестантов решили перейти в наступление. Полагая, что Карл IX попал под дурное влияние матери и двора, они по примеру герцога де Гиза, который в 1562 году превратил и короля, и его мать, и двор в настоящих узников, решили похитить короля.

Планы Колиньи и Конде провалились. Находившийся в Монсо король в сопровождении швейцарцев и коннетабля Монморанси спешно вернулся в Париж. Маленькая армия швейцарцев сумела предотвратить нападение Конде, стремившегося дать решающее сражение. Две армии шли вместе до самого Буржа. Оттуда Карл IX направился в столицу, где ему ничто не угрожало.

Несмотря на удачно проведенную военную операцию, для юного семнадцатилетнего монарха и Екатерины Медичи возобновление военных действий, инициаторами которых были протестанты, стало провалом политики примирения. В королевстве разгорался мятеж гугенотов. Накануне праздника Святого Михаила в Монтеро, Орлеане и Ниме сторонники реформированной церкви выступили против нотаблей, священников и монахов. В результате погромов погибли восемьдесят человек.

В Сен-Дени начались переговоры. Протестанты, похоже, не имели серьезных претензий к правительству Карла IX, однако их сильно беспокоили расползавшиеся повсюду слухи о честолюбивых планах Гизов, о формировании наемных отрядов швейцарцев, об обещании истреблять еретиков, данном Карлом IX

Филиппу II. К требованию помешать распространению слухов протестанты присоединили требование полной свободы отправления культа, созыв Генеральных штатов с целью — как это уже было в 1560 году — уменьшить налоговое бремя и реформировать государственный аппарат.

Сигналом к возобновлению военных действий стали осада Парижа и сражение при Сен-Дени, состоявшееся 10 ноября 1567 года. В этом сражении погиб старый коннетабль Монморанси. Командование королевскими армиями было передано герцогу Анжуйскому, юному брату Карла IX и будущему королю Генриху III. Опекать неопытного полководца было поручено испытанным воинам, таким как герцог Немурский, герцог Монпансье и маршал де Коссе.

23 марта 1568 года в Лонжюмо был подписан мир, но это оказалось лишь временное затишье. Екатерина обвинила канцлера Мишеля де Лопиталья в излишне мягком обхождении с гугенотами. 24 марта 1568 года у канцлера отобрали печати и предложили ему удалиться к себе в поместье, расположенное вдали от Парижа. Час примирения, символом которого являлся Лопиталь, миновал. Екатерина Медичи сменила политику и ясно дала понять: теперь она берет в союзники исключительно католическую партию.

В провинциях, расположенных в центре и на западе Франции, в окрестностях Ла-Рошели, куда прибыли Жанна д'Альбре со своим сыном (будущим королем Генрихом IV), конфликт разгорелся вновь. Наставник герцога Анжуйского, маршал де Таванн, королевский наместник и главнокомандующий королевских армий дал протестантам сражение неподалеку от Жарнака. 13 марта 1569 года Конде был ранен, взят в плен, и Монтескью, капитан гвардии герцога Анжуйского, добил его. Другие вожди протестантов также были предательски убиты. И все поняли, что в этой войне, в отличие от войны 1562 года, принципы уступили место разгулу насилия.

Жестокие бои разгорелись при осаде Пуатье, где отличился молодой герцог Генрих Гиз, прославившийся также в битвах при Монконтуре, Ниоре и Сен-

Жан-д'Ажели. Военные действия завершились восстановлением порядка, о чем 8 августа 1570 года в Сен-Жермене был издан соответствующий эдикт. В нем повторялся ряд положений Амбуазского эдикта, признавалось право на свободу совести и отправления культа во всех тех местах, где дозволялось и до войны, то есть в предместьях двух городов в каждой провинции и в жилищах сеньоров с правом высшего суда. Появлялись также дополнительные гарантии: протестантам передавалось четыре укрепленных города: Ла-Рошель, Монтобан, Ла-Шарите и Коньяк, куда они могли отвести свои войска.

Варфоломеевская ночь: неразрешимая проблема

После войны Екатерина Медичи и Карл IX продолжили свою миротворческую политику, символами которой стали два примечательных решения: включение в состав королевского совета адмирала Колиньи, ставшего главнокомандующим протестантских армий, и брак Генриха Наваррского, наследника старшей ветви Бурбонов, сына Ангуана и Жанны д'Альбре, со старшей сестрой короля Маргаритой Валуа (королевой Марго), дочерью Генриха II и Екатерины Медичи. Как известно, последствием этой свадьбы, на которую в Париж прибыл весь цвет дворян-протестантов, стала резня, устроенная в ночь святого Варфоломея.

Мы не станем пересказывать эти печально известные события: о них написано множество работ и сделано немало докладов и сообщений. В последние годы события Варфоломеевской ночи часто являлись предметом полемики во время научных дискуссий. Мы только перечислим темы, вызывающие особенно острые споры, а также приведем диаметрально противоположные мнения историков.

Покушение на Колиньи, случившееся 22 августа 1572 года, стало своеобразным детонатором будущего взрыва. Никто не сомневался, что это покушение дело рук Гизов, ибо все члены клана были убеждены, что именно Колиньи приказал убить Франсуа де Ги-

за, а смерть его, разумеется, требовала отпущения. Но какая роль в этом покушении была отведена Екатерине Медичи и Карлу IX? Неужели папа и Филипп II сумели оказать давление на французскую монархию?

Следующий после покушения день вызывает сплошные недоумения, и дела его, поистине, являются тайной. Какое решение принял королевский совет? Какие вопросы обсуждались на этом совете? Как велика была степень свободы, которой располагал молодой Карл IX по отношению к главам протестантской и католической партий, по отношению к папе, к королю Испании, к королевскому семейству, и в частности, к собственной матери, к общественному мнению?

Резня, начавшаяся в ночь с 23 на 24 августа, практически не поддается пониманию. Была ли она организована властью, или же, действительно, явилась стихийным выступлением населения Парижа, измученного нестерпимой жарой и враждебно настроенного к протестантам? А может, это был мятеж недовольных экономической, налоговой и религиозной политикой короля?

В 1972 году историк Анри Дюбьеф пессимистически сообщил, что источники, бывшие в распоряжении исследователей, недостойны доверия, лживы или же сфабрикованы после того, как событие свершилось, а потому узнать истину практически невозможно. Он подчеркивал, что авторы всех источников стремились защитить тот или иной тезис и сообщали только то, что было необходимо для защиты именно данного тезиса.

В 1992 году Марк Венар, настроенный более оптимистично, опубликовал статью, основанную на донесениях, написанных по горячим следам событий агентами дипломатических служб, прекрасно осведомленных о проблемах французского королевства той эпохи, а потому, на взгляд исследователя, заслуживающих доверия. Агенты полагали, что Екатерина Медичи и члены королевского совета несомненно разделяли ответственность за покушение на Колиньи, а провал покушения ускорил принятие реше-

ния, ибо угрозы со стороны протестантов становились все более ощутимыми. Похоже, король тоже был уверен в необходимости подавления гугенотского движения, однако принять меры предполагал только против нескольких десятков лиц, возглавлявших партию гугенотов: их должны были выслать за пределы королевства. Для такого шага необходимо было привлечь на свою сторону городской муниципалитет и парижскую милицию. Но парижане поняли королевское желание по-иному, а Карл не сумел остановить вспыхнувшую резню.

В своей статье Марк Венар также попытался утихомирить страсти, разбушевавшиеся в связи с полемическими публикациями Жана Луи Буржона, подвергшегося яростным нападкам большинства историков, когда-либо писавших о Религиозных войнах.

В 1968 году Жанин Гаррисон опубликовала работу под названием «Набат призывает к резне», где, подвергнув антропологическому анализу поведение разъяренной толпы, подчеркнула решающую роль плебейских масс столицы в организации резни, беспорядков и насилиях. Автор высказала предположение, что Екатерина Медичи хотела ослабить влияние Колиньи на Карла IX и, зная, что герцог Гиз хочет отомстить за отца, подталкивала его к убийству адмирала. Автор показала, что Варфоломеевская ночь была устроена не только в Париже, но и во многих провинциальных городах, таких как Орлеан, Мо, Труа, Бурж, Сомюр, Руан, Ла-Шарите, Лион, Бордо, Тулуза, Гайак.

Выводы Жана Луи Буржона основаны на работе историка Н. М. Сютерланд, выступившей с опровержением всей историографии Варфоломеевской ночи. По ее мнению, инициатором Варфоломеевской ночи был Филипп II, величайший организатор, обладавший поистине макиавеллиевской хитростью; устроив резню в Париже, Филипп II избавил Нидерланды от французской интервенции и нанес удар Франции, от которого та не могла оправиться целых полвека. Карла IX исследовательница считает несчастным молодым человеком, ни к чему не пригодным

и не сумевшим подняться до уровня тех событий, которые история уготовила его правлению.

Совершенно иной портрет Карла дает историк Дени Крузе в работе «Ночь святого Варфоломея: утраченная мечта о возрождении». Для него Карл IX — это молодой человек, воспитанный в духе своего времени, исповедующий философию неоплатоников, верящий в космическую гармонию, добродетель и согласие. Опираясь на анализ придворных празднеств, тексты Ронсара, Франческо Патрици, Луи Леруа и картины Антуана Карона, автор предлагает новую систему интерпретации событий, дающую ключи к пониманию политики Карла IX и его матери. Суверен и его мать привязали «королевскую власть к мечте постепенно привести французское общество к всеобщей гармонии». Военные действия, возобновленные протестантами в 1567 году, нанесли политике, направленной на достижение гармонии, серьезный удар.

После неудачного покушения на Колиньи, вызвавшего угрозы со стороны дворян-протестантов, в воздухе вновь запахло гражданской войной: политика примирения очевидно провалилась. Желая избежать катастрофы, власть решила устранить или изгнать несколько десятков главарей партии гугенотов. Формулируя свою позицию, Дени Крузе высказывается красиво, но провокационно: он говорит о «преступлении во имя любви». Подобная интерпретация, без сомнения, породила острую полемическую дискуссию.

В заключение следует напомнить, что ночь святого Варфоломея нанесла неисцелимую травму не только протестантам, но и католикам, королю и политическим деятелям, стоявшим у руля власти. Кровь безвинных мучеников, погибших как в Париже, так и в провинциях, растеклась широкой рекой, ставшей роковым рубежом, разделившим долгий период гражданских войн на две части. После Варфоломеевской ночи ситуация в стране коренным образом изменилась. Позднее протестант, гуманист и писатель Дюплесси-Морнэ скажет: «После дня святого Варфо-

ломея государственное здание пошло трещинами и зашаталось».

В действительности монархическое государство уже давно было ослаблено. Первым, кто начал расшатывать его фундамент, стал Генрих II, не внявший чаяниям протестантов и ставший на сторону католиков. Генрих II не понял, что роль короля предполагает одновременно роль арбитра, находящегося посредине противоречивых тенденций, готовых разодрать страну на части и тем самым уничтожить ее. Продолжившие его политику Франциск II и Гизы стали причиной первых межконфессиональных столкновений, породивших гражданскую войну.

После Первой религиозной войны Карл IX и Екатерина Медичи с трудом восстановили единство королевства. Но обновленная структура была крайне хрупкой, ибо население Франции по-прежнему было расколото на два лагеря, о чем свидетельствуют массовые убийства и мятежи, характерные для жарких лет, предшествующих Варфоломеевской ночи. Период с 1560 по 1572 год, для которого характерны беспрестанные стихийные беспорядки, стал черной годиной гражданской войны, затронувшей как крупные города, так и поселки и деревни. Гражданская война проникла буквально во все уголки Франции, и власти были не в силах справиться с ней.

В следующей главе мы попытаемся показать, как погромы, не прекращавшиеся в городах с самого начала Первой религиозной войны, повлияли на формирование пускового механизма Варфоломеевской ночи.

РАЗГУЛ НАСИЛИЯ В ГОРОДАХ И ГНЕВ ГОСПОДЕНЬ (1560—1562)

Во время Первой религиозной войны (1562—1563) сражения организованных армий происходили крайне редко. Это была настоящая гражданская война, со всеми ее ужасами и массовым истреблением населения. В каждой провинции, в каждом городе враждующие кланы старались привлечь на свою сторону сильных полководцев, способных наводить ужас на противника. Запуганное население жаждало защиты. Малейшие подозрения и слухи побуждали людей собираться на улицах, где всегда находился кто-нибудь, кто начинал обвинять власти в сговоре с религиозным противником, и толпа, презрев правовые нормы и позабыв о правосудии, немедленно переходила к действию. Скорые суды, которые творили барон Адрет и Блез де Монлюк, полностью отвечали чаяниям толпы.

Неконтролируемое поведение людей того времени описано во многих источниках. Причины его долго оставались в тени, так как после 1789 года с легкой руки писателей-романтиков любые действия толпы стали считать революционными и направленными на освобождение народа. В настоящее время проблема насилия, чинимого толпой, подверглась переоценке, и большая заслуга в этом при-

надлежит историку Дени Крузе. Благодаря его работам мы теперь лучше понимаем, как разворачивались события гражданской войны во Франции в XVI столетии.

Жестокости, творимые католиками

12 апреля 1562 года в Сансе местные католики решили устроить религиозное шествие. Подобные манифестации, очень популярные среди населения, вызывали большое недовольство протестантов, а потому зачастую выступали ставкой как в религиозной борьбе, так и в политических играх. В моменты наивысшего религиозного рвения, даже «паники», по выражению историка Альфонса Дюпрона, эти процессии собирали массы людей, которые просили Господа, Христа, Святую Деву и других святых о выздоровлении или заступничестве. Эти шествия становились своеобразной демонстрацией приверженности определенным ценностям, от которых зависели жизнь, здоровье, недуги и даже сама смерть.

Во время шествия монах-якобинец по имени Бегетти привел толпу в такое состояние экзальтации, что та устремилась к протестантскому храму и начала его крушить. Но этого показалось мало, и люди стали рваться в дома сторонников новой веры, вытаскивать их на улицу, избивать, убивать и бросать их тела в воды Йонны. Клод Атон, кюре из Провена, рассказывал, что толпа, объявив священников и монахов из аббатства Сен-Жан гугенотами, перебила их всех, а трупы сбросила в реку. Декан кафедрального собора, наместник архиепископа мэтр Матье де Шарлемезон избежал смерти только потому, что в это время его не оказалось в храме. Если бы его нашли, то, как пишет Клод Атон, «он бы вслед за другими отправился кормить рыб в воды реки Йонны». «Убитых было множество», — пишет провенский кюре. Парижский парламент, исполнявший функции верховного апелляционного суда, в чьей юрисдик-

ции находился Санс, начал расследование, но оно закончилось безрезультатно.

С особой яростью католическое население управлялось со священниками и монахами, вставшими на сторону Реформации, а также с теми, кто был уличен в симпатиях к реформированной церкви, словно смена религии была не результатом личного выбора, а предательством общего дела и традиций прошлого, хранить которые следовало свято.

Долина Йонны была всего лишь одной из сцен, где разыгрывались кровавые события. В июле в Туре двести гугенотов были связаны попарно, выведены на берег Луары, убиты и сброшены в реку; перед казнью их трое суток продержали без еды и питья в церкви Ла Риш. В апреле следующего года город захватили протестанты и в отместку разгромили все католические храмы. 11 июля город снова перешел в руки королевской армии, и жители тотчас ринулись мстить своим соседям-протестантам, опрометчиво не покинувшим город вместе с солдатами. В городе разыгрывались поистине душераздирающие сцены, жестокость толпы с трудом поддается описанию. Агриппа д'Обинье рассказывает, что «президента турского парламента Жана Буржо привязали к ветвям ивы (...) и, заживо вскрыв ему живот, принялись искать у него в кишках золото, полагая, что найдут его там».

В «Истории мучеников» Крепена описаны сцены, исполненные подлинного трагизма: некий католик предложил красавице-протестантке пятнадцатилетней дочери выйти за него замуж и отречься от реформатской веры. Мать девушки посоветовала дочери отвергнуть его предложение. Тогда обеих женщин бросили в воды Луары. Во время мятежа супруга нотабля Акаса д'Альбиака вместе с другими женщинами отказалась обратиться в католичество, и их всех бросили в реку; но тонули женщины медленно, ибо уровень воды в Луаре в этом месте был невелик, поэтому их добились веслами.

По словам Агриппы д'Обинье, в 1562 году массовые избиения протестантов прошли в тридцать од-

ном городе. Это — Васси, Каор, Санс, Тур, Оксер, Орийак, Немур, Гренад, Каркассонн, Вильнев-д'Авиньон, Марсийарг, Санлис, Амьен, Абвиль, Мо, Шалон, Труа, Бар-сюр-Сен, Эпернэ, Невер, Шатийон-сюр-Луар, Жьен, Мулен, Иссуден, Ле-Ман, Анже, Краон, Блуа, Мер, Пуатье, Руан.

На основании мартиролога Крепена и трудов по истории церкви историк Давид Эль Кенц составил карту, на которой отметил места, где с 1559 по 1571 год происходили массовые истребления протестантов. Согласно его карте, сильнее всего эпидемия истребления протестантов свирепствовала в Провансе (62,7% всех погромов), следом с большим отрывом шли города долины Луары (8,5%), Лангедока (5,2%), Шампани (4,6%), Гиени и Пуату (4,6%).

Историк подчеркивает, что во время массовых беспорядков убитых было не так уж много (в 46% случаев число их не превышало 10), однако, на наш взгляд, цифры, приводимые Франсуа де Лану (3 тысячи протестантов, убитых за период с 1563 по 1565 год), явно преуменьшены, ибо доказано, что городская знать и дворянство понесли значительные потери, среди них были женщины и дети, которых мучили и убивали с особой жестокостью.

Когда читаешь описания событий тех лет, комок подкатывает к горлу. По словам Дени Крузе, католики верили, что грех обладает вполне материальной субстанцией и помещается во чреве еретика. Поэтому мятежники вспарывали животы своим жертвам, вытаскивали кишки, таскали их по городским улицам, а затем бросали в ямы, где и сжигали, как, например, сожгли внутренности пастора Жискара в Кастельнодари. В Туаре желание католиков уничтожить дьявола выразилось в том, что у еще живого Антуана Жюльена убийцы вырвали кишки, дабы показать, что Бог еретиков побежден. Они кричали умирающему: «Взывай к своему Богу, пусть он тебя спасет!»

В организации погромов отчетливо прослеживалось стремление приравнять еретиков к служителям дьявола и лишить их человеческого облика. Считалось, что распутство, чревоугодие и пьянство, прису-

щие сторонникам реформированной церкви, сконцентрированы внизу живота и в половых органах. Поэтому в начале Религиозных войн убийства носили довольно специфический характер; есть основания полагать, что в то время фантазматические представления преобладали над всеми остальными. Как отмечает Дени Рише, во время Войны Алой и Белой розы в Англии (вторая половина XV века) и во время Французской революции 1789 года было принято разгуливать по улицам с пикой, на которой была насажена голова поверженного противника. В период Религиозных войн, наоборот, народ стремился завладеть внутренностями и половыми органами врагов. Таково было воздействие полемических листовок, направленных против Кальвина и его последователей, и проповедей католических священников, обвинявших всех еретиков в грехе сладострастия. Так, в Руане, накануне Рождества 1561 года некий яacobинский монах утверждал, что во время «выступления пасторов все женщины без различия отдавались всякому, кто хотел ими попользоваться», а в часы гугенотских бдений, едва только тушили свечи, мужчины именем Бога приказывали женщинам задира́ть юбки. Еще «мужчины, исповедующие ложную лютерову веру, отдавали и обменивали своих жен, чтобы получить больше плотских удовольствий». Приходской священник Клод Атон с удовольствием описывает воображаемый блуд протестантов: чтобы привлечь новых сторонников, пишет он, «сатанинская секта» отдает в распоряжение новых адептов не только свое имущество, но и тела своих женщин.

Передача «в пользование» женщин превращала пастора, по выражению Дени Крузе, в «великого жреца похоти». Желая защитить себя от наветов молвы, протестанты Кастра организовали в 1560 году публичную проповедь среди бела дня, чтобы тем самым доказать народу, что слухи о разврате являются исключительно плодом воображения противников Реформации.

Поступки погромщиков зачастую носили ритуальный характер. Так, у убитых пасторов отрезали

детородный орган, вставляли его им в рот, а затем таскали изуродованные тела по улицам. Когда население города охватывала жажда крови, люди совершали надругательства над женщинами, пытаясь обнаружить тайные отметины распутства. В 1562 году в городке Сен-Мартен-де-Кастийон жену Андре Рено провели по городу «совершенно голой, без всяких одежд», а когда она оказала сопротивление насильникам, ее забили до смерти кнутом, а затем увенчали ее голову терновым венцом. В Монпелье женщин-гугеноток подвергли пыткам, которым обычно подвергали проституток: их били крапивой, а потом отрезали уши. После взятия Оранжа в 1562 году обнаженные трупы женщин выставили на всеобщее обозрение «после того, как в места, называть которые стыдливость не позволяет, им воткнули бычьи рога или рогатины». Обнаженным трупам мужчин и женщин придавали непристойные позы, дабы зрители могли видеть различные способы похотливого соития. В 1562 году в Оранже трупы мужчин, женщин и свиней сваливали вперемежку, желая подчеркнуть звериный, сатанинский облик адептов новой веры.

Проповедники убеждали своих прихожан, что они таким образом борются с Сатаной, и простолюдины-католики, доведенные до состояния невменяемости, олицетворяли себя с десницей Господней, карающей во имя чистоты, невинности и добра. Поэтому к еретикам применяли такой вид казни, как побивание камнями. В 1562 году в Абвиле толпа схватила сына градоначальника, сорвала с него одежды, провела перед дверями дома, где он искал убежища, а затем забила камнями и палками. Когда приговоренный к изгнанию гугенот покидал город Санлис через городские ворота, толпа во главе со священниками забила его насмерть. В Сансе лучник из отряда кузнечного старшины был выволочен из тюрьмы, брошен на паперть пред собором и «жестoko забит камнями». А вот рассказ Жака Гаша, который приводит Дени Крузе. В Гайяке, в аббатстве Сен-Мишель, расположенном на скалистом берегу реки

Тарн, трибунал, названный, словно в насмешку, «консисторией», осудил восемьдесят гугенотов. Трибунал, состоявший из заседателя и адвоката, возглавлял местный винодел, облаченный по такому случаю в судейскую мантию. Гугенотов обвиняли в том, что во время постов они ели не только рыбу, но и мясо. Их приговорили к смерти — сбросили в Тарн, «чтобы они могли вдоволь поесть постной пищи». По словам Дени Крузе, эта казнь имела символическое значение: судьи, сбрасывая грешников в пропасть, выступали в роли судей Господних, ибо сказано, что, когда настанет судный день, тех, кого «лишат созерцания агнца», низвергнут в бездну.

Еретиков сбрасывали в реки согласно установленному ритуалу; правоверные католики считали, что таким образом они очищают христианскую землю посредством одного из четырех стихийных элементов, а именно воды. Что касается ритуальных избиений протестантов, то здесь особенно изощренной фантазией отличались парижские простолюдины.

В предместье Сен-Жермен-де-Пре схватили художника, подозреваемого в приверженности протестантской вере, но судьи оправдали его и отпустили из-за отсутствия доказательств. Горожане же жаждали казнить еретика, и для этого им не нужны были никакие доказательства. Они схватили несчастного и бросили его в Сену. Художник умел плавать и попытался доплыть до противоположного берега, однако горожане, сговорившись с лодочниками, не позволяли ему приближаться к берегу. Зрители наблюдали, как он постепенно терял силы, пока наконец не утонул. Божественная кара осуществилась, ритуал очищения водой, землей, воздухом, огнем был совершен.

2 мая 1562 года Пьер де Креон по прозвищу «Серебряный нос» был приговорен к повешению, однако толпе приговор показался слишком мягким. Дети стали швырять в гугенота камнями и забрасывать его грязью. Роковая роль детей в конфессиональных конфликтах часто ставит исследователей в тупик. Дени Крузе объясняет, что дети считались невинными

ми существами, а значит, способными очистить общество, оскверненное ересью.

Толпа приходила в возбуждение практически по любому поводу, будь то религиозная процессия, казнь, переход города, захваченного протестантами, в руки католиков, намек или слово, расцененное как провокация. В Бовэ 7 апреля 1561 года, в пасхальный понедельник, священник Адриен Фуре, подозреваемый в ереси, поднял на смех процессию, возглавляемую Эсташем Пастуром, священником прихода Святой Маргариты. Высунувшись из окна, Фуре громко произнес, обращаясь к собравшимся у него друзьям: «Вот, глядите, как шествуют дьяволы!» После полудня, когда процессия завершилась, Эсташ Пастур в сопровождении двух клириков вернулся на то место, где он услышал оскорбительные слова, приравненные им к оскорблению Господа и к богохульству, и заявил, что подобного рода мерзости заслуживают божественной кары. Вломившись во двор дома Адриена Фуре в сопровождении двух своих людей, он отыскал хозяина, погнался за ним и убил его на пороге соседнего дома, где проживал епископ. Вечером тело Фуре было сожжено на Рыночной площади. Так как труп был сожжен без соблюдения необходимых с точки зрения правосудия формальностей, суд приговорил к смерти кузнеца, слесаря и городского палача, виновных в незаконном сожжении.

Рассматривая религиозные шествия, историк Дени Крузе употребляет определение «демонстрация сакрализации пространства». Оно означает, что своим участием в процессиях горожане не только выражают коллективное кредо, но и как бы освящают территорию города, делают ее сакральной. Поэтому все, что каким-либо образом, пусть даже самым безобидным, задевало чувства католиков на территории, рассматривавшейся как пространство, находящееся под особым покровительством Господа, приобретало характер святотатства и беспримерного богохульства. Толпа в Бовэ не удовлетворилась принесением в жертву священника и весь вечер продолжала работу, начатую кюре. Озверевшие люди искали друзей

Фуре, бросали в них камни, осаждали дома. Мэр и муниципальные чиновники попытались успокоить людей, но это им не удалось. Более того, они стали свидетелями весьма характерной для тех времен сцены: несколько человек яростно избивали женщину, крича при этом, что она «не праздновала Пасху» и «плохо понимает веру». Чиновники опознали в несчастной жену Пьера Траншана, городского нотабля. На следующий день толпа набросилась на какого-то торговца и художника и обвинила их в том, что на Пасху они не ходили в церковь. После того как серия погромов прокатилась по городу, настал черед предместий; когда, наконец, участники процессии «очистили» кровью и огнем все возможные уголки, где могло затаиться религиозное нечестие, волнения прекратились.

В Каркасоне 15 декабря 1561 года тоже начались погромы. Причиной кровопролития послужило свержение статуи Святой Девы, стоявшей близ храма Святого Михаила. Статую обнаружили в грязи возле дома горожанина, подозреваемого в принадлежности к сторонникам новой веры. Власти и духовенство организовали искупительную процессию, и участники ее с большой помпой водрузили статую на прежнее место, дабы помешать возникновению в городе беспорядков. Но этой демонстрации оказалось недостаточно для восстановления справедливости: молитвенный дом гугенотов подвергся нападению и был разграблен. За ним пришел черед других домов. Сигналом к началу погромов послужил колокольный набат. В тот день было убито восемь человек.

Во многих случаях поводом для насилия и погромов становился праздник Тела Господня, собиравший толпы людей. В день праздника каждый добрый католик должен был украсить свой дом. Выйдя на улицу в этот день, нетрудно было определить, в каких домах проживали гугеноты, отказавшиеся следовать обычаю. За это, по мнению большинства простолюдинов, их следовало покарать как еретиков. В 1560 году в Руане, в 1564 году в Туре и в 1566 году в Лионе этот праздник обернулся жестокими столкно-

Кровавая месса.

Портрет Франциска I.
Художник Жан Клуэ.
Ок. 1530 г.

Портрет Генриха II.
Художник Франсуа Клуэ.
1559 г.

Портрет Франциска II.
Художник Франсуа Клуэ.
Ок. 1553 г.

Принц-гугенот
Анри Конде
и его супруга,
католичка
Мария Клевская.

Портрет Карла де Бурбона,
герцога Вандомского.
Художник Корнель де Лион.
Ок. 1550 г.

Портрет Карла IX. Художник Франсуа Клуэ. 1556 г.

Елизавета Австрийская, супруга Карла IX.
Художник Франсуа Клуэ. 1571(?) г.

Екатерина Медичи.

Антуан де Бурбон,
король Наваррский.

Маргарита Валуа.

Генрих Анжуйский,
впоследствии
король Генрих III.

Варфоломеевская ночь.

Гаспар де Колиньи.
Гравюра В. Я. Дельфа.

На гравюре запечатлены два эпизода, связанные с Варфоломеевской ночью. Слева — покушение на адмирала Колиньи, справа — убийство адмирала в Отеле де Бетизи.

Генрих Гиз.

Екатерина Медичи наутро после Варфоломеевской ночи.

Памятная медаль, отчеканенная в честь событий Варфоломеевской ночи по повелению папы Григория XIII.

Антиклерикальные гравюры, выпускавшиеся гугенотами.

Агриппа Теодор
д'Обинье.

Бал при дворе
Генриха III.

Генрих IV.

Блуа.
Зал, где в 1576
и 1588 годах заседали
Генеральные штаты.

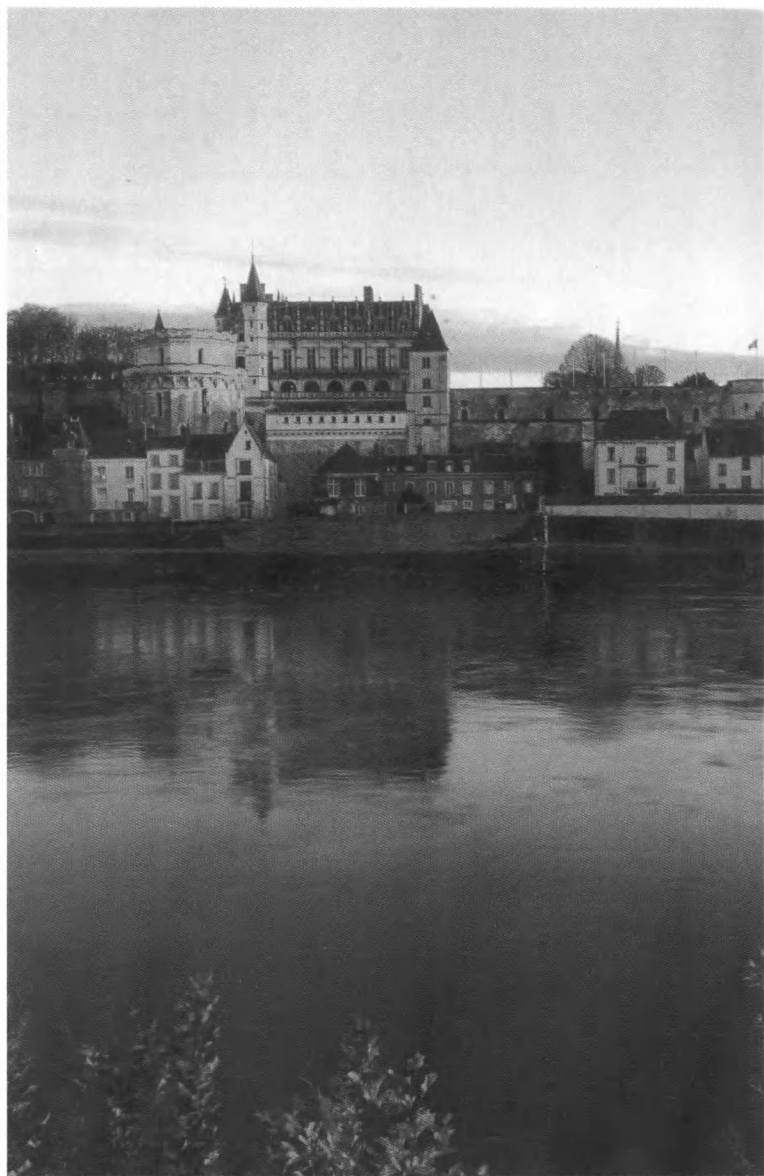
Процессия, организованная Лигой на Гревской площади в Париже (1591 или 1593 год). *Фрагмент картины неизвестного художника XVI в.*

Спальня
Екатерины Медичи
в замке Шенонсо.

Блуа. Так называемый
Кабинет ядов,
личный кабинет
Екатерины Медичи
с потайными шкафами.

Замок Амбуаз.

вениями гугенотов и католиков. Возбужденная религиозными песнопениями, толпа, следовавшая за *corpus christi*, духовенством, несущим реликвии и хоругви, сочла себя избранным народом, на которого Господь возложил бремя отмщения за оскорбление и извращение истинной веры. То же произошло и в Париже, когда процессия католиков сопровождала раку с мощами святой Женевиевы. Мужчины, несшие статую, по традиции шли босиком, в шапках, украшенных цветами. Когда статуя святой проплывала над толпой, люди протягивали к ней четки, головные уборы, пояса, словно желая причаститься. Любую попытку отступить от ритуала или высмеять сакральное шествие, что позволяли себе протестанты, простолюдины воспринимали как оскорбление, более того, они боялись, что, оставшись безнаказанным, это оскорбление навлечет на них гнев Господень. Так насаждалась экзистенциальная и коллективная тревога, а на ее почве пышным цветом произрастало насилие. Люди внимательно вглядывались в небо и анализировали все, что могло трактоваться как знамение, послание Господа грешникам, готовым к любым покаяниям и любым жертвам. Это состояние тревожного, почти мессианского ожидания Дени Крузе называет «астрологическим страхом».

Страх и астрология

Начиная с 1524 года астрологи насаждали великий эсхатологический страх, который за несколько десятков лет, предшествовавших Религиозным войнам, охватил все слои населения. Конец Средневековья был отмечен навязчивым присутствием смерти и острым чувством вины. Только греховностью можно было объяснить несчастья людские: эпидемии чумы, неурожай, войны (Столетняя война, Война Алой и Белой розы, Гуситские войны), турецкую угрозу, безумие короля Франции Карла VI, трагическую смерть Карла Смелого, одного из великих государей

Западной Европы, чей обглоданный волками труп был найден в снегу под стенами Нанси, а также великую схизму, продолжавшуюся тридцать девять лет (1378—1417) и нанесшую поистине неизлечимую травму психике населения, запуганного тем, что отныне никому больше не удастся попасть в рай.

В то время малейшее изменение рассматривалось как покушение на существующий порядок вещей, напоминало о неспособности христианского сообщества создать условия для спасения. Теолог Жерсон предвещал конец света, проповедники — бедствия, разрушение Рима и приход Антихриста. В XIV веке появляется слово «макабр», а «пляски смерти» популяризируют тему равенства перед смертью. В конце XV века и в первой половине XVI века многократно переиздаются собрания астрологических текстов, например «Великий Календарь и пастырский сборник, содержащий астрологические предсказания и многое другое». В этих изданиях содержатся сведения о влиянии светил и планет, определяющих судьбу каждого индивида, а также всех католиков. В таких изданиях можно было найти картинки, нарисованные явно с целью запугать население, например, изображение адских мук или древа пороков, рядом с которым, конечно же, помещалось древо добродетелей. Такие календари, сопровождавшиеся комментариями к Символу веры (*Credo*), выполняли также воспитательные функции. По словам Дени Крузе, это было время, когда астрология и личная набожность переплелись так тесно, словно с помощью астрологии Господь хотел приоткрыть людям тайны небес, позволить проникнуть взором в потусторонний мир и познать его, равно как и свое будущее.

Однако в области астрологических прогнозов Франция отставала от Германии и Фландрии. Наибольшей популярностью пользовались фламандские астрологи, чьи прогнозы в большинстве своем и распространялись во французском культурном пространстве. В конце XV и в начале XVI века астрологи перестали давать благоприятные предсказания

и начали подвергать своих читателей психологическому давлению, держа их в постоянном страхе за свое будущее.

В 1507 году Иосиф Грюнпек, секретарь императора Священной Римской империи Максимилиана, опубликовал некий текст, где были подробно описаны знамения, чудеса и чудовища, увиденные в последнее время. В период с 1500 по 1520 год пятьдесят шесть авторов напомнили читателям о грядущем потопе. Например, один из них утверждал, что огромная рыба, на коже которой изображены все планеты, вызовет ужасную грозу, и эта гроза приведет к новому вселенскому потопу, посредством которого Господь покарает всех грешников. Свой анализ профетических сочинений Дени Крузе дополняет напоминанием о картинах Иеронимуса Босха «Сад земных наслаждений» и Дюрера «Сон» (1525). Дюрер, действительно, видел сон, который описал следующим образом: «Ночью, когда я спал, было мне видение, как яростно обрушились многие воды и поглотили всю страну».

Страх перед потопом был поистине неистребим. Президент парламента Тулузы даже вознамерился построить ковчег на вершине одной из близлежащих гор в надежде, что там, уподобившись Ною, он сумеет спастись. Пьер Дриар, певчий парижского аббатства Сен-Виктор, в хронике 1524 года рассказывает о грядущих «великих водах» и сообщает, что на улицах столицы только и разговоров, что о предсказанном астрологами потопе. А когда через два года в марте прошли снежные бури, грозы, ливни и град, Пьер Дриар был так потрясен, что стал даже опасаться «за будущие времена». Некий Губервиль из провинциального городка Котантен покупал альма-нахи и слепо следовал напечатанным в них советам: сеял только в те дни, которые были там указаны, то есть, согласно Нострадамусу, в дни счастливые, а в несчастливые дни не выходил из дома.

Проанализировав многочисленные письменные источники, Дени Крузе пришел к выводу, что «эсхатологическое видение мира» было характерным для

людей той эпохи и порожденный им страх поколебал традиционные коллективные верования. По его мнению, не совпадающему с мнением ряда авторитетных историков, культура эпохи Возрождения по сути своей глубоко пессимистична и мрачна, в ней нет надежды на будущее, она проникнута паническими настроениями и убежденностью во всемогуществе зла, присутствие которого, похоже, ощущалось повсюду и всеми слоями населения. Так, в альманахе 1542 года говорилось, что из-за влияния Сатурна над всем миром скопились тучи Зла и единственное средство защиты — это приносить щедрые жертвоприношения Творцу, дабы утихомирить его гнев.

Связь между светилами, возвещавшими бедствия, и необходимостью искупать свои грехи позволяет понять, отчего толпы католиков устраивали массовые убийства протестантов: католики обвиняли протестантов в том, что те являются приспешниками Сатаны и навлекают на людей гнев Господень.

Тем не менее, несмотря на всевозможные угрозы, реформаторское учение Кальвина продолжало свое победоносное шествие, ибо, по словам Дени Крузе, учение реформаторов было «своеобразной защитой против царившего в то время страха».

Кальвинизм — лекарство против страха

В 1550—1560-е годы многие христиане, ожидавшие конца света, разуверившись в возможности спасения, находили в учении Кальвина теологическую опору, помогавшую им превозмочь царящий повсюду страх. Совершив подлинный культурный переворот, а именно устранив коллективный страх, кальвинизм привлек к себе множество адептов. Последователь учения Кальвина знал: он оправдан самой своей верой, именно его вера обеспечивает ему статус божьего избранника и спасение. Идея предопределения, впервые высказанная Кальвином в 1539—1541 годы в труде под названием «Наставле-

ние в христианской вере», утверждала божественный выбор. Кальвин в еще большей степени, чем Лютер, содействовал успокоению христиан. Как утверждает историк Жан Буассе, предопределение вносило спокойствие в душу верующего: наконец-то он мог быть уверен, что получит спасение, так как Господь избрал его и позволил ему нести в себе свою веру. Отныне человек был ничто, а Господь все. Эта всеобъемлющая ответственность Господа ободряла верующих. Порочный круг всеобщей виновности был разорван, цикл слухов и апокалиптических предсказаний был прерван.

В самом деле, уже в первом издании своего труда Кальвин не комментировал Апокалипсис, а просто советовал ждать явления Спасителя. Христианин не мог познать Господа, потому что природа человека была испорчена и делала его неспособным к божественному познанию.

Как пишет Дени Крузе, у Кальвина имелось мощное противоядие от «страшилок», публиковавшихся в альманахах: он освобождал человека от навязчивой заботы о собственном спасении и от сомнения. И как следствие, на основе новых принципов была сконструирована новая рациональная система, не нуждавшаяся в ритуалах, за которые столь яростно цеплялось католическое население; эти ритуалы были отброшены кальвинистами как идолопоклонничество и суеверие. Так, Адриен Фуре, бывший в 1561 году священником в Бове и считавшийся жителями города протестантом, смотрел на католические процессии как на дьявольские шествия и смеялся над ними. Исполненные страхом католики убили его, дав, таким образом, понять, что они не признают новой идеи спасения.

Избиения и разрушения воспринимались как деяния символические. В июле 1525 года парижский чесальщик шерсти Жан Леклерк разбил статую Святой Девы. Начался период иконоборчества, развившийся в разрушениях статуй, поджогах реликвариев и разбивании распятий. До 1560 года выступления иконоборцев приходились в основном

на литургические праздники и часто воспринимались как провокационные. Борцы с идолами действовали в основном небольшими группами, состоявшими из наиболее яростных сторонников нового учения, хотевших заставить говорить о себе. Так, 4 июля 1560 года в Лиможе голову от статуи Святой Девы водрузили на позорный столб. Подобного рода символические казни производились довольно часто. Например, 18 августа в Труа во время душной жаркой ночи неизвестные забросали статую Святой Девы помоями, а на шею ей повесили дохлую кошку.

Некоторые устраивали акции среди бела дня; например, члены компаньонажа печатников города Лиона в июне 1551 года прошли по улицам города, распевая псалмы и осыпая оскорблениями духовенство. Лионские гугеноты зашли в своих оскорблениях конфессиональных противников так далеко, что тамошний пастор и даже сам Кальвин призвали их умерить пыл. В Абвиле в 1559 году солдаты Колиньи расхаживали по улицам в балахонах участников процессий. Возмущение католиков достигло такого накала, что Колиньи приказал солдатам прекратить насмешки над жителями города. 28 января 1560 (или 1561) года в Руане приговоренный к смерти еретик был освобожден группой гугенотов. Они ограбили оружейную лавку и напали на стражей порядка. Всю ночь напролет сторонники новой веры творили бесчинства, уничтожая изображения святых, кресты и церковную утварь.

В городах обстановка была настолько напряженной, что малейшее недоразумение могло повлечь за собой мятеж. В Пуатье в пасхальный понедельник 1559 года местный проповедник из якобинского монастыря, заметив вооруженного дворянина, стоя слушавшего его проповедь, решил, что тот намерен на него напасть, и натравил на него толпу. Прихожане набросились на дворянина и убили его. После этого в городе распространился слух, что в монастыре якобинцев убивают тех, «кто стоит за истинную веру». Тогда протестанты ворвались в монастырь, вы-

гнали оттуда католиков, а потом стали осквернять изображения святых и крушить алтари.

Как отмечает Дени Крузе, во второй половине 1560 года акты насилия стали более жестокими и лучше организованными: на юго-западе, в Мюссида-не и в Лектуре, собрания протестантов проходили под охраной вооруженных людей, и власти не решались им препятствовать. Члены парламента города Бордо жаловались королю, что не могут справиться с гугенотами. Те часто нападали на конвои и отбивали у стражников своих единоверцев, осужденных на казнь или тюремное заключение. В Бержераке народ освободил протестанта-ювелира, а в Левиньяке и Марманде реформаты систематически поджигали церкви и монастыри. Все эти выступления предвещали великий взрыв иконоборчества.

Самая яростная борьба развернулась на юге Аквитании: так, в Монтиньяке, городке, расположенном на реке Везере, в начале 1561 года протестантские пасторы публично читали свои проповеди, а население без колебаний убивало католических священников и грабило церкви.

Первый этап иконоборчества сменился вторым, отмеченным наступательной политикой протестантов, выразившейся в оккупации приходов и насильственном введении протестантизма. В 1561 году в Монтобане они против воли муниципалитета организовали «без всяких суеверных обрядов» публичные похороны одного из своих братьев. В марте 1561 года в Монпелье нимские сторонники Реформации заставили штаты Лангедока выслушать городского адвоката, выступавшего от их имени. Обличая современные нравы и католическую доктрину, адвокат обратился с просьбой к королю предоставить протестантам свободу совести и передать в распоряжение общины храмы для публичного отправления протестантского культа.

Как пишет Дени Крузе, в публичных выступлениях протестанты призывали население «соблюдать евангельскую простоту и разбить золотого тельца» в каждом храме, иначе говоря, добровольно уничтожить

«отталкивающие» изображения той Церкви, которую часто именовали «Вавилонской блудницей» и которая погрязла в грехах и коррупции. Во время казни реформат Жан Леклерк декламировал строку из псалма СХІІІ: «А их идолы — серебро и золото, дело рук человеческих».

Наступление иконоборцев

По словам историка Оливье Кристена, вначале кальвинисты с недоверием относились к подобным методам борьбы, и только в середине XVI века протестантские общины во Франции стали открыто выражать свою солидарность с осквернителями храмов. Однако первые столкновения были спровоцированы католиками. Желая вывести еретиков на чистую воду, католики начали вести слежку за прохожими: они брали на заметку, например, тех, кто не выказал уважения к Святой Деве — не снял шляпу перед ее статуей на фасаде дома. Так было в Париже, в Тулузе, в Руане.

И, как следствие, чем больше католики превращали поклонение образам в идентификационный символ, чем больше устраивали процессий с хоругвями и крестами, тем большую ненависть они вызывали у протестантов. С развитием типографии стали появляться многочисленные агитационные картинки, возмущавшие тех, кто усматривал в культе святых покушение на дух Библии. Некоторые не очень щепетильные католики не гнушались фальсификацией чудес; в пример можно привести псевдоисцеления в Бурже в 1540 году, появление на лице статуи святого крови, оказавшейся кровью голубя. Но прежде чем прибывший на место «чуда» представитель правосудия разоблачал обман, народ самостоятельно устраивался в процессию и шел штурмовать дома гугенотов.

Оливье Кристена, изучавшего природу иконоборческого движения, удивляла умеренность требований реформатов в вопросе почитания изображений.

Лютер считал возможным использовать изображения святых для педагогических целей, а Кальвин и Цвингли, похоже, намеревались постепенно разоблачать культ этих изображений. Правда, уже в ранних трудах оба выступили с критикой распятия как предмета поклонения, ибо, считали они, изображение распятого Христа не дает ничего поучительного для верующих. Протестантские радикалы постоянно напоминали о второй заповеди и запретах Писания. Они критиковали изображения святых в роскошных одеждах, считая, что это потворствует чувственному восприятию и извращает учение Церкви.

Известно, что на II Никейском соборе (787 год) в результате ожесточенных дебатов было решено почитать иконы святых, но поклоняться одному только Господу. Тогда католические теологи критически отнеслись к принятому решению, ибо из-за неточности перевода формулировку записали как «поклонение образам». Эта аргументация времен Карла Великого была использована в 1559 году Кальвином в его «Наставлении в христианской вере». Жан дю Тийе в своем трактате «*Libri carolini*» пишет, что II Никейский собор допустил излишества в почитании святых, а потому постановления этого собора весьма спорны. Он считал, что борьба с суевериями и идолопоклонничеством должна быть возложена на светские власти.

Политические иконоборцы даже составили своеобразный кодекс, в котором привели весьма веские аргументы в защиту своей позиции, и активно его пропагандировали. В стихах, песнях, памфлетах, теоретических трудах, полемических сочинениях, воззваниях к королю они напоминали, что культ изображений извращает христианское учение. Оливье Кристен приводит стихотворение, посвященное вступлению на французский престол Карла IX:

Итак, помолимся же Господу, чтобы он мудростью своей
Поддержал нашего короля, дабы следующие поколения,
Которым суждено жить в этом королевстве,
Смогли бы сказать:
«О, это был великодушный король, изгнавший идолов!»

В начале 1562 года Екатерина Медичи организовала в Сен-Жермен-ан-Лэ диспут. Конфессиональные противники заняли настолько непримиримые позиции, что сторонники взвешенных решений даже при поддержке регентши не сумели добиться от них компромисса. Оба враждующих лагеря неуклонно провоцировали друг друга. Хотя, если верить «Церковной истории», написанной протестантами, иконоборчество было официальным, публичным, регулируемым и поставленным на рациональную основу. Организаторы иконоборческих акций гарантировали соблюдение порядка, ибо, по утверждению протестантских руководителей, акции эти проводились исключительно с назидательной целью.

В результате слаженных действий протестантов летом 1561 года церкви и монастыри Монтобана всего за одну неделю лишились своего убранства и статуй. Все церковные реликвии были публично сожжены, причем собравшиеся вокруг костров дети распевали псалмы. Потом дошла очередь до агитации среди простых католиков. Протестанты стучались в их дома, и когда им открывали двери, они, стоя на пороге и не пытаясь зайти в дом, зачитывали строки из Библии, где говорилось о недопустимости поклоняться идолам, а потом уговаривали хозяев выбросить всех идолов и связанные с ними предметы культа. Согласно «Церковной истории», протестанты трактовали иконоборчество исключительно как поступок во имя веры, в поддержку новой реформированной церкви, отменившей, в частности, мессу, признанную суеверием. Поэтому когда церковные здания попадали в руки протестантов, из них тотчас исчезали предметы культа: чаши, дароносицы, канделябры, кадила, медали.

На самом деле постулат о евангельской простоте был всего лишь ширмой. Весной 1560 года Поль Муван собрал небольшую армию и, потерпев поражение под Эксом, направился в глубь Верхнего Прованса, где стал грабить церкви и крушить статуи святых. Массовые акции иконоборчества вовсе не исключали военных действий. Как мы уже говорили, войско

барона Адрета, захватив город, тотчас начинало грабить церкви.

Зная об этом, католики прятали свои святыни в погребах. Став хозяевами города, протестанты силой заставляли католиков показывать места, где были спрятаны церковные сокровища. В источниках авторов-католиков описаны пытки, с помощью которых протестанты выбивали из жителей, и прежде всего из священников и церковных старост сведения о местонахождении спрятанных реликвий и утвари. Уже в 1562 году, во время первой гражданской войны, вся территория Франции была охвачена иконоборчеством. Так, в мае 1562 года в городах, расположенных на берегах Луары, прошел целый ряд выступлений иконоборцев. 27 мая Монтгомери захватил Бурж, его солдаты изуродовали статуи в соборе, разбили алтарь и изрезали гобелены. Такая же судьба постигла церкви Раморантена и аббатства Нурлак. Иконоборцы не пропустили ни одного города: больше всего пострадали города Жьен, Монтаржи, Шатийон, Вандом, Сен-Бенуа, Клеры, Орлеан, Божанси, Блуа, Тур, Сомюр, Анже. В это же время иконоборческие погромы начались в Нормандии и в долине Роны. Они то разгорались, то затухали, в зависимости от темпов продвижения войска барона Адрета и массовых выступлений в городах, подобных тем, что произошли в Лионе.

Материалы судебных расследований и протоколы допросов обвиняемых позволяют проследить ход этих событий. В Обтере судебный процесс начался 22 ноября 1562 года, спустя семь месяцев после событий; в Ле-Мане — 5 августа 1562 года, спустя три месяца; в Сомюре — 15 января 1563 года.

В Сомюре выступления иконоборцев были приурочены к Пасхе. Взяв власть в городе, протестанты — в частности нотабли, верховный судья апелляционного суда, адвокат короля, сборщик тальи (старший казначей) и многие высокопоставленные чиновники и откупщики, — приняли решение разграбить аббатство Сен-Флоран. Чтобы выглядеть законопослушными, магистраты, отдав приказ о разрушении

аббатства и захвате всех его богатств, приказали викарию епископа составить список унесенного из аббатства имущества, а затем без колебаний приняли участие в погроме. Статуи и алтари были разбиты, раку святого Флорана, кресты и чаши вывезли, золотое и серебряное шитье с главного алтаря содрали. Когда чиновники удалились, настал черед солдат. Они сбросили с колокольни колокола, разбили орган и витражи и выломали все металлические части конструкций. Затем в аббатство ворвалась толпа местных гугенотов, которая довершила разгром церкви и разграбила кухню и спальни монахов. Затем на развалинах храма толпа устроила импровизированное торжество — надев на себя церковные одежды и величая друг друга «кюре» и «приор», протестанты церемонно ели и пили, как это было принято во время больших пиршеств. Вернувшись в город, нотабли приказали золотых дел мастерам расплавить золотые и серебряные изделия, чтобы послать драгоценные слитки армии протестантов, которой командовал принц Конде.

По словам Оливье Кристена, если нотабли как представители власти отрицали католицизм с профессиональных позиций, то народ, участвуя в грабежах церковей, брал своего рода реванш над властями религиозными, отбирая у них то, что было отобрано у него самого в виде десятины или иных поборов.

Судя по показаниям двух жителей Ле-Мана, разграбивших собор Святого Юлиана, уничтожение идолов не всегда носило религиозный характер. Один из обвиняемых, чулочник Жан Масео, признался, что забрался в собор, чтобы уничтожить архивные документы, касавшиеся покойных каноников, принадлежавших к его семье. Личные интересы и разногласия с католической церковью окончательно перемешались в голове несчастного ремесленника, равно как и в голове золотых дел мастера Гийома Лувинье. Гийом принял активное участие в разграблении собора. Однако из других источников мы узнаем, что протестантская консистория сама уполно-

мочила его на эти действия, так как ранее он по поручению католических властей изготовил для собора позолоченный крест из серебра. Ремесленник решил, что, уничтожив этот крест, он искупит свой проступок, являвшийся великим грехом в глазах новой церкви.

Иконоборчество стало выражением приверженности новой вере. Разрушая «идолов», верующие и решали свои собственные проблемы, и выполняли требования общества. Подчеркнем, что иконоборческие выступления в Сомюре и Ле-Мане были организованы нотаблями, занимавшими важные официальные должности еще до взятия этих городов гугенотами. В столице Мена сборщик податей королевского домена и писец, состоявший при кузнечном старшине, разрушили главный алтарь собора. Некий Виньоль, гражданский судья президиального суда, новый глава Ле-Мана, потребовал от нотариуса составить опись церковных сокровищ. Явившись в собор в сопровождении судьи по уголовным делам* по имени Бужю (принадлежавшего к одному из старейших семейств Ле-Мана), кузнечного старшины, адвоката короля, нескольких золотых дел мастеров и двух каноников, он стал убеждать местный католический клир, что хочет сберечь сокровища церкви, спрятав их от солдат. Но речь его никого не вдохновила.

После того как город вновь перешел в руки католиков, президиальный суд начал расследование и привлек к суду участников церковных погромов. По сведениям Оливье Кристена, половину борцов с католическими идолами составляла городская элита, четверть — богатые горожане и четверть — бедняки.

Изучение архивов Ле-Мана позволяет выявить любопытные закономерности. Например, 31% иконоборцев отправлялись громить церкви всей семьей.

* В провинции судья по уголовным делам и судья по гражданским делам президиального суда относились к числу высших магистратов, они являлись помощниками генерального лейтенанта провинции, отвечавшего за отправление правосудия, за управление и за поддержание порядка; в эпоху Ришелье генеральных лейтенантов сменили королевские интенданты. (Прим. авт.)

События в Сомюре и Обтере (на границе департаментов Шаранты и Перигора) подтверждают, что пример Ле-Мана не единичен, а напротив, представляет собой стандартную модель действий иконоборцев. Следует отметить, что нотабли быстро взяли на вооружение идею борьбы с идолопоклонничеством: в январе 1561 года консистория Ле-Мана осудила двух золотых дел мастеров за изготовление церковных сосудов. Нотабли первыми, не дожидаясь стихийных волнений, начинали смуту, чтобы *потом* взять город под свой контроль. Согласованность действий протестантской элиты и простонародья вполне соответствовала политическим принципам Кальвина, учившего магистратов надзирать за тем, чтобы Господу не наносили оскорблений, а также следить за соблюдением заповедей, и в частности заповеди «не сотвори себе кумира».

Иконоборческие акции осуществлялись с видимым соблюдением законности. В Лионе барон Адрет конфисковал имущество, принадлежавшее якобинскому монастырю, и поручил книготорговцу Гийому Газо составить опись конфискованных вещей. Благодаря таким описям протестантские вожди всегда могли узнать, откуда происходят реквизируемые предметы, и проследить, куда они затем подевались. Реликварии часто переплавляли в слитки, которые затем посылали армии Конде или в городской Арсенал. Когда после войны католики на суде пытались узнать у протестантов, куда пропало церковное имущество, те предъявили доказательства того, что имущество это было использовано исключительно на общественные нужды. Привлеченных к суду посредников чаще всего оправдывали.

2 мая 1562 года в Лионе солдаты, захватившие коллегиал святого Юста, дочиста ограбили его, и, смеясь ради облачившись в одежды священников, разгуливали в них по улицам, а потом отправились грабить жилища каноников. Однако заметим, что в данном случае речь идет о привыкших к грабежам вояках, а не о нотаблях.

Официальный характер иконоборческого движе-

ния проявился также в Монпелье и во владениях Жанны д'Альбре, где власти, располагая необходимым временем, действовали методично и не допускали импровизаций. Но бывали досадные случайности. Согласно источникам, 20 октября 1561 года в Монпелье капитан городской стражи и его люди, получив приказ охранять утварь, конфискованную в соборе Святого Петра, продали ее с целью личного обогащения, и магистратам, прибывшим ранним утром составить опись церковного имущества, осталось только констатировать отсутствие такового. 22 октября толпа протестантов ворвалась в церковь Августинцев, разграбила ее, осквернила и растащила всю церковную утварь.

В Ниме и Монтобане были отмечены столкновения между яростными борцами с идолопоклонничеством и борцами умеренными. 16 мая 1562 года Кальвин лично выразил свое неудовольствие барону Адрету по поводу грабежей, которыми занимались его солдаты. Еще большее возмущение Кальвина вызвало участие в несанкционированных властями грабежах протестантских пасторов. Здесь следует сказать также и о противостоянии между теми верующими, кто отвергал идолов и церковное убранство во имя Реформы, и теми, кто видел в разграблении церкви перераспределение богатств духовенства и считал себя вправе использовать эти богатства для личного обогащения. Примеров тому множество, но, разумеется, суть борьбы с культом святых заключается в решительном размежевании двух конфессий. Когда город захватывали сторонники Реформации, они прежде всего принимались уничтожать все, что было связано с обрядовой стороной католической веры, не оставляя ни у кого сомнений в том, что мир обратился к новой вере и возврата к старому уже не будет. Для протестантов уничтожение статуй в церквях и отмена мессы являлись акциями символическими.

В Отене протестанты решили не собираться в зданиях римской церкви, потому что стены их «осквернены идолами и суеверием», а проводить собрания в

амбарах. В Романе, в провинции Дофине, пастор читал проповеди в монастыре кордельеров под охраной солдат. В Вильфранш-де-Руэрг проповеди читались в помещении школы. Борцы с идолопоклонничеством не раз отказывались использовать для своих богослужений места отправления католического культа, мотивируя отказ тем, что эти места «источали заразу». Так было в Ажене, где протестанты разорили церковь Легроль и убили тамошнего ректора.

Протестанты убивали значительно меньше, чем католики, ибо, как утверждает Дени Крузе, были убеждены, что свет евангельских истин позволяет сопротивляться злу, «которое не может совладать с силой божественного провидения». И, как пишет далее историк, «напротив, насилие, творимое католиками, принимало особенно широкие масштабы именно потому, что охвативший всех эсхатологический страх заставлял людей постоянно думать о конце света и убеждать себя, что после смерти Господь признает своих».

Но хотя на счету протестантов меньше человеческих жертв, есть основания говорить о целенаправленном истреблении протестантами католических священников. Об этом свидетельствуют события, произошедшие в 1561 году в Лионе, Гиени и в аббатстве Святого Медара в Суассоне. В июле 1563 года в Орлеане был убит кюре церкви Сен-Патерн. В ноябре 1562 года в Питивье солдаты Конде пощадили солдат-католиков, но перебили всех католических священников за то, что те призывали горожан не сдаваться на милость победителя. В Келюсе глашатаи ходили по городу и громко возвещали о том, что запрещено убивать «всех, кроме священников». В Вире все священники, монахи и церковники были повешены.

Священников часто подвергали позорной казни через повешение, протестанты считали такую казнь справедливой карой. Однако нередко над священниками учиняли расправы, отличавшиеся изощренной жестокостью. Например, в Лаворе двух священников

повесили на колокольне, четырех монахов-кордельеров убили, а церковного сторожа подвергли пыткам: сначала отрезали нос, потом половой член, который вложили в правую руку, и только потом убили. В сентябре 1562 года в Маконе приор якобинского монастыря был задушен, а привратника монастыря кордельеров смеха ради заставили проделать поистине крестный путь, во время которого его подвергали варварским пыткам: у ворот Сент-Антуан ему отрезали одно ухо, у следующих ворот — другое ухо, затем ему поочередно отрезали кончики пальцев и наконец отрезали нос. На Рыночной площади ему подпалили ступни и кастрировали его. На мосту через Сону «его постыдные части» были брошены в реку.

Протестанты, похоже, испытывали животную ненависть к священникам, монахам и вообще всем церковникам. Они приписывали им все смертные грехи и обвиняли их в подстрекательстве: дескать, они отговаривают католиков переходить в новую, правильную веру. Подобные чувства толкали протестантов на кровавые расправы над церковниками.

Сами солдаты практически никогда не становились зачинщиками массовых кровопролитий, хотя их командиры, такие как барон Адрет или Блез де Монлюк, повсюду сеяли панику среди населения. Но это же самое население в большинстве случаев само учиняло жестокие расправы над своими идеологическими противниками.

Насилие, творимое католической чернью, — это поистине мистическая ярость, «сакральное» деяние, совершаемое по воле самого Господа, пожелавшего истребить сторонников новой религии, приравненных к еретикам и поклоняющимся Сатане. Католики так жаждали покарать протестантов, что без малейшего сожаления калечили их, терзали, швыряли собакам, бросали в воду, сжигали, причиняя им на земле муки, ожидавшие их в загробном мире. Таким образом в ожидании, когда Господь снизойдет к ним и подаст свой знак, они очищали христианский мир от скверны. Важную роль в восстановлении изна-

чальной чистоты играли дети: они олицетворяли невинность тех, кто выступал в роли судей.

Насилие, чинимое кальвинистами, имело совершенно иную природу. Оно было рационально обосновано, тщательно просчитано, запрограммировано и осуществлялось под контролем новой элиты реформированной церкви. Оно заключалось в систематическом истреблении церковных символов, изображений святых, икон, статуй, дорогих вещей, которые хранились в храмах, в физическом разрушении этих вещей или в переплавке их (чтобы использовать для других целей) для возвращения им изначальной евангельской чистоты. Не довольствуясь уничтожением идолов, протестанты преследовали лиц духовного звания, «тех, кто с тонзурой» (*razes*), так как, по их мнению, именно они препятствовали народу обратить свои взоры к истинной вере.

Религиозные новшества, новый стиль поведения сторонников реформированной церкви позволяют утверждать, что протестанты явились носителями новой культуры, как религиозной, так и политической. Следовательно, пора поставить вопрос о содержании протестантской культуры и о масштабах ее распространения.

ПРОТЕСТАНТЫ И ПОЛИТИКА: ЖИЗНЬ БЕРЕТ СВОЕ

В настоящей главе мы будем говорить о том, как становление протестантизма повлекло за собой коренные изменения в общественно-политических воззрениях эпохи. На общественную сцену вышла новая организованная сила, отвергавшая все, что было связано с католической церковью. Отдавая приоритет совести индивида, новая сила отводила коллективу и коллективному поведению второй план, что не могло не оказать глубокого влияния на традиционные формы общественных отношений. Организацией, в рамках которой можно было попытаться реализовать новые формы общежития, явилась «консистерия», структура, повторяющаяся, по мнению сторонников реформы, раннюю апостольскую церковь.

Консистерия

Консистерия была создана самим Кальвином, описавшим ее в церковных установлениях 1539 года и прокомментировавшим в «Наставлении в христианской вере». Во главе организации Кальвин полагал нужным ставить министров (то есть пасторов), докторов, а затем старейшин (пресвитеров) и диаконов.

Однако во Франции не было деления на старейшин и диаконов, обе эти должности входили в состав своего рода «церковного сената». Старейшинам надлежало надзирать за паствой, гасить скандалы, решать проблемы и вершить суд, но главное, управлять церковью, и, разумеется, в согласии с пастором. Должность пастора была выборной, его можно было низложить. Французские протестанты обязаны были подчиняться воле синодов, провинциальных конгрессов и конгресса государственного, где заседали делегаты от консисторий. Консистории и синоды формировались на выборной основе.

Выборная структура, возникшая не только в иерархической системе католической церкви, но и гражданского общества, явилась настоящим открытием. До этого считалось, что общество строится по принципу пирамиды: на самом вершине находится Господь, а его заместители, папа и король, обладают властью по определению, исключительно в силу занимаемого ими положения. И хотя выборы рассматривались как выражение божественной воли, их вторжение в самое сердце жизни консисторий повлекло за собой такие небывалые прежде действия, что последствия их не замедлили сказаться на политической жизни общин. Разумеется, тогдашние выборы несколько не походили на те, к которым привыкли мы сегодня, а, скорее, напоминали кооптацию, но тем не менее они затрагивали все население, в том числе и сельское. Так, например, в 1576 году 28% наказов из деревень бальяжа Шартр содержали требование выборности приходских священников. По мнению прихожан, подобные выборы были делом «святым и похвальным» и соответствовали божественному праву.

Протестантские собрания были многолюдными, иногда в них участвовало до ста человек; социальный состав собраний был самый что ни на есть пестрый, непременно присутствовали нотабли, как городские, так и сельские. Собрания посещал и местный сеньор — разумеется, если был протестантом. Сеньор мог возглавлять собрание, на него возлагалась обязанность защищать общину от нападков властей и

отражать нападения католиков. Он имел право представлять консисторию на синоде, как, например, практиковали в Босе. А в Пуату, напротив, консистории посылали на синод земледельцев. Но чаще всего делегатов на синод выбирали из чиновников и судейских.

В городах Ним и Монтобан большую часть делегатов долгое время составляли ремесленники, затем, по словам историка Жанин Гаррисон, возросло число делегатов из низшего судейского сословия. Таким образом, на Юге «старейшинами» практически всюду становились протестанты, занимавшие канцелярские должности, нотабли из малых городов и члены цеховых корпораций. Представляли ли эти нотабли интересы коммун, члены которых перешли на сторону Реформации? Похоже, что да. Протестантизм был воспринят в большей степени городским населением и в меньшей — сельским, и жители маленьких городов, зачастую поголовно грамотные, предпочитали религиозные структуры, позволявшие им исповедовать религию более личностную. По данным «Книги жителей Женева», опубликованной в 1957 году Гайзендорфом, большинство французских протестантов-изгнанников составляли ремесленники (68%), затем с большим отрывом следовали лица свободных профессий (12%) и коммерсанты (8%). На Юге Франции гугенотская элита состояла в основном из нотаблей, чиновников юстиции и финансистов, а также книгопечатников, бывших священников и монахов.

Кто становится протестантом?

Обращение пастыря часто являлось причиной обращения членов его паствы. Обращение таких знатных сеньоров, как Колиньи, герцог Бульонский, Бурбоны старшей ветви, стало примером для многих дворян и позволило организовать новые церкви. Примечательный во всех отношениях случай, произошедший в Шартре, городе, куда издавна стека-

лись паломники поклониться Святой Деве, проливает свет на тогдашние конфессиональные демарши. Дочь короля Людовика XII Рене Французская — герцогиня Феррарская и Шартрская специально прибыла в столицу своего герцогства, население которого никогда не было склонно к протестантизму, чтобы поддержать призвавших ее на помощь сторонников Реформации. Во время проповеди приглашенного общиной пастора какой-то крестьянин из Мезьеран-Дуэ перебил оратора, выкрикнув: «Ты солгал, все, что ты говоришь, — ложь!» Удивленная герцогиня вызвала к себе виновника происшествия и спросила, почему он обвинил во лжи человека, который говорил правду. Крестьянин ответил, что когда нынешний проповедник был католиком и местным кюре, он говорил прямо противоположное тому, что сказал сегодня. Значит, либо тогда, либо сегодня он лгал, а потому он лжец. Искренность крестьянина позабыла герцогиню. Поступок этот является ярким примером того, как простолюдины реагировали на обращение в протестантизм их собственных приходских священников и знатных сеньоров.

В том же Шартре епископ Шарль Гийард был заподозрен папой в ереси, и в 1563 году папа внес его в список французских прелатов, приравненных к еретикам. Городской летописец каноник Суше сообщает, что, когда епископ пригласил из монастыря Воде-Серней, где он был настоятелем, монаха прочесть проповедь в соборе на День Всех Святых, «народ» встретил приезжего враждебно, не дал ему закончить проповедь, а епископа вынудил отказаться от занимаемого им поста и удалиться в свои земли. По словам каноника-летописца, население Шартра обладало «чувствительным ухом», и, видимо, поэтому протестантизм в этом городе был развит слабо.

Поведение населения провинциальных городов являлось своеобразным барометром, стрелка которого склонялась в ту или иную сторону в зависимости от специфики каждого города. Так, в провинции Руэрг, в городах Мийо и Вильфранш жители перешли на сторону Реформации, в то время как Родез,

где находилась резиденция епископа, остался католическим. Проживание здесь епископа было не единственной причиной верности жителей римско-католической церкви, в этом городе проповедники были поддержаны доминиканцами, в то время как в двух выше упомянутых городах приверженцев новой веры поддерживали кордельеры и августинцы, что, похоже, и повлияло на умонастроение населения. Монахов орденов кордельеров и августинцев часто — и не всегда безосновательно — обвиняли в приверженности новым веяниям.

В Лимузене сохранению католической религии способствовал общинный феномен. В этой провинции было множество мелких коммун, состоявших из нескольких дюжин человек. Они устраивали шествия, молились, выстаивали торжественные мессы, заказывали заупокойные молитвы, трудились во спасение души и сокращение срока пребывания в чистилище, словом, исполняли все, что обычно исполняют священники, только не раздавали Святые Дары и не исповедовали. Чтобы стать своим среди этих людей, надо было родиться и креститься в этом приходе. Элитой маленьких мирков обычно были младшие отпрыски знатных семейств, не имевшие ни шансов на выгодную женитьбу, ни материальной независимости, а потому продолжавшие жить в большой семье. В городе общинный феномен затрагивал прежде всего сыновей ремесленников, торговцев, низших судейских чинов, которые повышали свой социальный статус благодаря своему благочестию. В обмен на оказанные услуги общины наделяли этих людей рентами, и те могли вести вполне сносную жизнь.

Важной составной частью в системе воззрений на загробный мир было чистилище. Отрицание чистилища, проповедуемое протестантами, могло привести к поистине катастрофическим социальным последствиям, потрясти устои множества семей. Но когда под влиянием реформ, принятых на Тридентском соборе, в XVII и XVIII веках католическая церковь начала делать акцент на личное спасение и по-

степенно расставаться с моделью, отдававшей предпочтение коллективным структурам, общинное движение стало затухать. На смену ему пришел новый феномен социальной истории Лимузена и Руэрга: эмиграция младших сыновей.

В западной части Центрального региона Франции сторонники Реформации столкнулись с препятствиями как религиозного, так и общественного характера. Между тем в других местах, в Мийо и Вильфранше, все городское население во главе с нотаблями перешло на сторону протестантов. В Мийо кальвинисты заняли дипломатические и стратегические посты. Изгнанные в 1563 году из храмов, они проповедовали под открытым небом, на площадях и сумели убедить людей в истинности своей веры. Так как именно протестанты следили за поддержанием порядка в городе, им удалось добиться благожелательного нейтралитета меньшинства населения, сохранившего приверженность католической вере. Начиная с 1563 года протестантские институты, консистория и консулат (муниципалитет, пребывавший в руках протестантов) функционировали как нормальные городские власти. Слияние муниципальных властей нашло отражение в декларации от 3 июня 1563 года, в которой консулы, советники и еще восемьсот человек просили короля предоставить им помещение, необходимое для проведения собраний. Они утверждали, что с 18 марта в городе их нет ни одного человека, кто бы не перешел на сторону Евангельской церкви. Тридцать два нотабля и одиннадцать бывших священников утверждали, что никто в городе не требовал продолжать служить мессы. Четвертая часть населения покинула Мийо и, как следствие, оставшиеся в городе малочисленные католики стали необычайно покладистыми. Впрочем, по отношению к государству городские власти всегда вели себя лояльно, постоянно выражая свои верноподданнические чувства и утверждая, что речь идет прежде всего о религии, а не о политике. Более того, местные дворяне практически ни во что не вмешивались, в то время как в других городах Руэрга, по сло-

вам Николая Леметра, «переход дворян на сторону кальвинистов стал решающим фактором в насаждении кальвинизма».

Действительно, союз дворянства с нотаблями часто являлся главной причиной захвата власти в городе кальвинистами.

Роль дворян-протестантов в период Религиозных войн

Дворяне, поддержавшие реформатов, никогда не были предметом всестороннего исследования. Историки упоминают о них исключительно в контексте событий, их роль оценивается с позиций поднятой исследователями проблематики. Изученный ранее автором косвенный источник, а именно регистры ордена Святого Михаила, выявил разницу между дворянами-роялистами и дворянами-лигистами; аналогичных документов, позволяющих произвести дифференциальный анализ протестантского дворянства, на сегодняшний день нет. Как следствие, приходится опираться на редкие источники, дающие сведения в основном о провинциях. Согласно данным Жанин Гаррисон, среди дворян Керси примерно 36% склонялись к учению реформатов, хотя, как указывает та же исследовательница, значительно больший процент дворян-протестантов отмечен в Сентонже, Гаскони, Жеводане, Лангедоке и Верхнем Провансе. В Нижней Нормандии среди дворян также немало протестантов: в избирательном округе Бай они оставляли 40%. Высокий процент сторонников реформированной церкви среди дворян характерен не для всей Франции. Из дворянских домов Лимузена только двадцать один поддержали Реформацию, что составляет всего 13%. Примерно такой же процент дают бальяжи и сенешальства Вандома, Шато-дю-Луар и Этампа. Во многом показатели зависят от местности (городской или сельской), где проводились подсчеты. В Босе 26% дворян, считая тех, что жили в деревнях, перешли на сторону

протестантов, что весьма существенно. Но если взять всех владельцев фьефов (в том числе живущих в городе и постоянно проживающих за пределами провинции), процент протестантов опустится до 12, то есть уменьшится вдвое.

В провинции, в Лимузене, к примеру, среди титулованного дворянства протестантов было значительно больше (один виконт из двух, четыре барона из семи). Более всего дворян, ставших на сторону реформатов, оказалось сконцентрировано в шестнадцати общинах виконтства Лиможского и в четырнадцати пограничных с ним общинах.

Можно привести еще ряд примеров, подтверждающих создание своеобразных заповедных территорий, где полностью воцарилась новая религия. В Босе большая часть протестантских семейств проживала в двух регионах, в частности, по обеим сторонам дороги Париж-Орлеан и в Дюнуа (округ Шатоден), где процент дворян-протестантов приближался к 40%.

В Мене, провинции, практически не затронутой новыми религиозными веяниями, можно было наблюдать аналогичные явления: 35% дворян-протестантов проживали по берегам Соны и на примыкающих к ним землях. Сильное влияние протестантов было в области, расположенной к юго-востоку от Алансона, 8% дворян-протестантов насчитывал округ Верхнего Мена. Мы располагаем данными опроса значительной части Ле-Манского диоцеза, проведенного в 1577 году местным епископом. В каждой общине прелат просил переписать имена дворян и указать их вероисповедание. И хотя результаты нельзя считать полностью достоверными, так как некоторые священники не сочли нужным ответить, а некоторые, опасаясь лишних хлопот, перечислили только дворян-католиков, они тем не менее вполне показательны: в деканстве Линьер-ла-Карель (к югу от Алансона) дворян-протестантов было 23,52%, а в деканствах Лаваль, Эрне, Лассэ и дю Пассэ, расположенных на севере современного департамента Майенн, всего 0,96%.

Теперь попытаемся ответить на вопрос: могла ли элита, будь то нотабли или дворяне, увлечь за собой массы населения? В ряде случаев, если речь идет например о Мийо или о Ла-Рошели, ответ будет положительный, однако оснований для обобщений пока нет. Историк Марк Венар показал, что в провинции Авиньон не было четкого разделения на два лагеря: в Бом-де-Вениз, Робьоне, Горде сеньоры стали протестантами, а население осталось в лоне католической церкви. Такие влиятельные протестантские коммуны, как Камаре, Севиньян, Мерендоль, Нион и Венсобр, развивались самостоятельно, не прибегая ни к помощи, ни к покровительству сеньоров. Во многих городах юга Франции нотабли не обладали сколько-нибудь значительной властью, единственное, что они могли — это предоставлять приют проповедникам или оказывать мелкие услуги протестантскому населению, как, например, делали нотариусы в Куртезоне (округ Оранж). В этом краю протестанты были в меньшинстве (скорее всего, они составляли не более 20% населения), однако среди членов протестантской общины были и знатные дворяне, и магистраты, и состоятельные ремесленники. Солидарность гугенотских семейств была поистине образцовой, распространялась на всех единоверцев, независимо от их социального положения, и в этом была сила сторонников нового учения.

Во многих городах эта солидарность, союз, сплотивший разные социальные группы, позволил гугенотам одержать победы на поле боя в 1562 году, в начале Первой религиозной войны.

Союз дворянства и буржуазии в 1562 году

1 апреля 1562 года протестанты захватили город Ле-Ман. Современники рассказывают, что накануне заговорщики собрались в особняке мэра Жана де Виньоля, конюшего сеньора де Ла Рошера из Мюльсана, и что благодаря мэру, возглавившему заговор, город был захвачен довольно быстро. Жан де Виньоля был

дворянином, так как отец его был нотариусом и секретарем короля, королевского дома и короны Франции, то есть исполнял должность, за которую он заплатил баснословную цену и которая давала своему обладателю дворянство, причем дворянство, приравнивавшее его к тем дворянам, у кого за плечами было четыре поколения знатных предков. Также он занимал должность судьи по гражданским делам, одну из важнейших судебных должностей в президиальном суде Ле-Мана.

Другой лидер протестантов, Тибо де Бужю, сеньор де Вердиньи, принадлежал к старинной буржуазной семье, известной уже в XIII столетии. При Филиппе Смелом один из членов этой семьи был капитаном городского замка. Сам Тибо де Бужю занимал должность судьи по уголовным делам. Так, из трех высших административных чиновников сенешальства Ле-Ман двое оказались руководителями протестантского движения.

Среди других участвовавших в восстании протестантов были маршальский старшина (маршальство эквивалентно современной жандармерии) Ришан и его заместитель дю Брейль, сеньор де Ла Фонтен и д'Утийе, адвокат короля Тарон, и братья Буссар, принадлежавшие к одному из старинных родов Ле-Мана: они исполняли ряд обязанностей в президиальном суде и отвечали за проведение выборов.

Городские нотабли, занимавшие высокие должности в структурах городского управления, сотрудничали с дворянами, имевшими большой военный опыт. Так, Ламот-Тибержо, исполнявший обязанности военного коменданта города, в 1568 году будет сражаться вместе с д'Андело, а в 1590 году примет участие в осаде Парижа и будет воевать под командованием Генриха IV, который удостоит его чина полковника. Рядом с Ламот-Тибержо сражался Никола де Шампань, будущий граф де Ласюз (в Мене), владелец одиннадцати сеньорий и палатный дворянин короля, предводитель отряда из пятидесяти человек, соратник Генриха II, участвовавший в осаде Меца и в битве при Сен-Кантене. Дворяне Гийом д'Аржансон,

Исаак де Жерменвиль, барон де Кардьер и де Туш, и Жан де Буажурдан, сеньор де Буэр, считались знатоками военного дела.

Протестантская буржуазия и дворяне организовали охрану мостов через реку Сарт. За охрану Нового моста отвечал Жан де Фу барон де Пирмил и де Нуаен, а мост Иссуар охранял Жан Гийон сеньор Монтебера и Мортье, предки которого издавна занимали важные чиновничьи посты. Охраной моста Перрен командовал знатный дворянин де Мони де Било.

Как можно убедиться, в Ле-Мане родовитая городская буржуазия, сельское дворянство и дворянство шпаги образовали вполне устойчивый союз. Имея в руках стратегические рычаги власти, городские нотабли, многие из которых получили дворянские титулы или состояли с дворянами в родстве, объединились ради торжества общего дела с дворянами-гугенотами, проживавшими в деревнях.

Это объединение, имевшее как религиозное, так и военное значение, стало новым, стихийно изобретенным в протестантском обществе способом самозащиты, с помощью которого в 1562 году во многих городах Франции протестанты пришли к власти. Из работ американского историка Анны Гугенхейм мы знаем, что объединение дворянства и буржуазии произошло в Ниме. Согласно мемуарам магистрата Паскье, множество городов было захвачено протестантами без единого выстрела. Это города Ле-Ман, Тур, Блуа, Анже, Сомюр, Бурж, Мо, Руан, Макон, Гавр, Монтобан, Валанс. Жанин Гаррисон пишет, что города переходили в руки протестантов либо мирным путем, с помощью ловких нотаблей, либо военным с помощью имевшихся в городе союзников, как это было в Орлеане.

Необычный для того времени протестантский союз между городскими нотаблями и сельскими дворянами стал прямым следствием военной стратегии XVI века, направленной в первую очередь на захват городов и крепостей (регулярные сражения происходили достаточно редко). Этот же союз лег в основу новых политических институтов, которые в ско-

ром времени утвердились как у протестантов, так и у лигистов.

Из среды городских нотаблей выделились так называемые городские дворяне, в то время еще не оформившиеся в особую социальную группу. В XVII—XVIII веках ее именовали дворянством мантии. Тем не менее есть все основания говорить о городском дворянстве, состоявшем из нотариусов и секретарей короля, советников парламента и должностных лиц в бальяжах. По моему мнению, поведение этих буржуа из старинных родов, обладателей сеньориальных вотчин, ничем не отличалось от поведения дворянской элиты.

Между тем далеко не все дворяне стремились получить посты в городской администрации. А часть дворян, ставших на сторону Реформации, не собиралась братья за оружие вовсе и продолжала вести привычный образ жизни в своих сельских имениях. Так, кюре деревни Монтинье писал о дворянине Луи де Пилуа, что тот «живет мирно и благородно, хотя и говорят, что он перешел на сторону так называемой реформированной церкви, равно как и его сыновья Жан и Ришар».

Большинство дворян-протестантов Боса не связывали свою судьбу с городами Орлеаном или Шартром. Например, Галло де Бугланваль, оказав в 1562 году поддержку протестантам Орлеана, вернулся к себе в деревню, где, встав во главе местных гугенотов, отражал атаки католиков, которыми предводительствовал кюре. Его сосед, Франсуа де Гравель, сеньор Эрмерэ, возглавил местную общину и более пятидесяти лет препятствовал отправлению католического культа, превратив часовню в амбар, а чашу для святой воды в кормушку для свиней.

Возможно, некоторые удивятся тому, сколько внимания уделяется дворянству, вставшему на сторону Реформации. Это обусловлено тем, что дворянство сыграло главную роль в выживании протестантизма, именно дворяне обеспечивали протестантам вооруженную защиту во время Религиозных войн. Так, в период между 1560 и 1570 годами среди дворян-

протестантов в Босе преобладали военные (51%), 37% составляли сельские жители, и только 12% были представителями городской администрации. Однако за время правления Людовика XIII и Людовика XIV приверженцы реформированной церкви, образно говоря, потеряли руку, способную держать оружие, а этой рукой, как известно, были дворяне. Связь между дворянами и нотаблями заметно ослабела, поэтому протестанты не могли должным образом сопротивляться репрессиям, предшествовавшим отмене Нантского эдикта, хотя столетием раньше они сумели выдержать такой страшный удар, как Варфоломеевская ночь.

Именно благодаря прочным позициям в среде городской и дворянской элиты протестанты смогли донести до населения свои взгляды и сделать их привлекательными, а во время выборов в Генеральные штаты даже провести в жизнь ряд своих идей.

Выборы в Генеральные штаты 1576 года

Историк Манфред Орлеа рассказывает о том, как в 1576 году проходили выборы в Генеральные штаты в разных городах Франции.

В Санлисе всего один депутат от дворянства оказался протестантом. Это был Франсуа Понс, сеньор Мирамбо. Второй кандидат-протестант, знаменитый Дюплесси-Морне, отклонил оказанную ему честь стать депутатом одновременно и от католиков, и от протестантов.

В Вандоме и Этампе, где сторонники реформированной церкви составляли меньшинство, в депутаты все же прошел один протестант, но результаты выборов были признаны недействительными, так как много голосов было отдано за него по доверенности, и эти голоса посчитали сомнительными. В конце концов договорились учитывать только голоса, поданные лично.

В бальяже Блуа, где сторонники Реформации составляли 48% избирателей, было решено не обсуждать

религиозную принадлежность кандидатов, а рассматривать гугенотов как добрых друзей и родственников. В этом избирательном округе депутатами стали умеренные католики, которым доверяли гугеноты.

В Невере, где выборщики отказались от вражды и поддержали примиряющий эдикт, результат был таким же. А в Провене, где протестантов насчитывалось всего 9%, выборщики-католики едва не превратили собрание в кровопролитие.

В области Ко протестанты отдали свои голоса католику, выступавшему за политическое урегулирование конфликта двух религий. Однако результаты голосования были аннулированы, потому что председатель собрания посчитал речи депутата слишком вольными.

В Париже протестантов вообще никто не приглашал участвовать в выборах, а тех, кто все же являлся, не пускали в зал, под предлогом, что у них не было приглашений.

И все же сложно делать какие-либо обобщающие выводы, ибо в каждой провинции выборы происходили согласно своим собственным традициям. В ряде провинций депутатов выбирали местные штаты, они же составляли наказания, не собирая для этого даже дворянского собрания. В провинции Мен депутатов интересовали сугубо местные проблемы, а потому между католиками и протестантами не возникало никаких дискуссий, и никто не упоминал ни об эдикте о национальном примирении, по-прежнему оставшемся предметом всеобщих споров, ни о взятии Ле-Мана в 1562 году. Во время избрания депутатов все были предельно вежливы, заседания проходили согласно издавна сложившимся традициям, и все рассматривали созыв Генеральных штатов как возможность извлечь максимальную пользу для своей провинции. Более того, даже давнее соперничество, разъедавшее третье сословие, и в частности, затяжная ссора между магистратами Ле-Мана и Шато-дю-Луар, а также спорные вопросы, касавшиеся представительства горожан и деревенских жителей, отступили на второй план.

Несмотря на различия в ситуациях на местах, протестанты, представленные в дворянских собраниях, выражали требования, которые вполне можно расценивать как «демократические». Они хотели сделать обязательным для всех участие в выборных ассамблеях и публичных дебатах, так как в то время решения чаще всего принимались высшей знатью или теми, кто был наделен особыми королевскими полномочиями. Протестанты также считали необходимым сделать выборы тайными, чтобы устранить давление на избирателей. Всем известно, что добиться этого удалось много позже: отдельная кабинка для голосования появилась во Франции только в начале XX столетия. Подобного рода требования свидетельствуют, что движение протестантизма в XVI веке произвело переворот не только в конфессиональной сфере, но и в сфере культуры и политики.

Как дворяне становились протестантами?

Одной из причин, приводивших дворян в лагерь протестантов, называют обнищание дворянского сословия, связанное с упадком экономики и ростом цен. Однако некоторые историки пытаются доказать, что дворяне в XVI веке не беднели, а, напротив, богатели благодаря росту цен, так как основную часть доходов они получали от своих земель: земельная рента зачастую росла быстрее, чем цены, — как, например, было в Беарне. В целом ряде работ, опубликованных с начала 1980 года, отстаивается именно эта точка зрения, а прежний подход признается оправданным только в отдельных случаях.

Многие дворяне впервые узнали о Реформации в армии или на службе у принцев-протестантов. Так произошло с неким д'Осси из Боса, бывшим командиром отряда ландскнехтов в Германии, с представителями младшей ветви рода Прюнеле, с Монсо из Тионвиля.

Часть дворян познакомилась с идеями реформаторов во время учебы в университете Орлеана, одном

из очагов распространения протестантского вероучения. «Господь заставил услышать свой голос в Орлеане, — писал Теодор де Без, — и город сей вместе с городом Буржем стал тем источником, воды которого разлились по всему королевству». Орлеанские проповедники собирали толпы слушателей. Шартрский каноник Жан Батист Суше отмечает, что в 1532 году ересь проникла в Шатоден через города Блуа и Вандом, которые часто посещали проповедники.

Историки проследили матримониальные связи дворянских семей из Боса, которые впоследствии перешли на сторону протестантов. Так, в роду Ла Тай из двенадцати браков, заключенных в первой половине XVI века, пять было заключено с членами семей, принявших учение Кальвина. Такое же соотношение, то есть примерно 40%, характерно и для семей д'Осси и Моссе. 60% семей, принадлежавших к многочисленному шартрскому роду Конне, стали протестантами в 1506—1536 годы. Историк Мишель Кассан отмечает подобный феномен в Лимузене — в семьях Бюиссьер и Понс. Наряду с американским историком Нэнси Релькер он обращает внимание на влияние женщин. Религиозный прозелитизм, защита семейного достояния, заключение браков — во всех этих делах главная роль в протестантских семьях отводилась женщинам, для которых образцом служила Жанна д'Альбре, королева Наваррская, мать Генриха IV, подвижница и оплот Реформации во Франции.

Женщины довольно активно поддерживали реформированную церковь. Новое религиозное чувство словно даровало им свободу. Жан де Мерже, мелкий дворянин из Шампани, принадлежавший к свите Ларошфуко, в своих воспоминаниях пишет об обращении своего господина. Смерть жены так повлияла на Ларошфуко, что он удалился в парижское аббатство Сен-Виктор, откуда друзья его безуспешно пытались забрать. Однако через несколько месяцев Ларошфуко женился на Шарлотте де Руа, протестантке, сестре принцессы Конде. Как утверждают, именно она более всего способствовала его обращению. Тем не ме-

нее следует подчеркнуть, что сам факт уединения в монастыре свидетельствует о том, что Ларошфуко изначально имел склонность к принятию серьезных религиозных обетов. Встреча с женщиной, обладающей сходными наклонностями, способствовала заключению второго брака. Ларошфуко — Шарлотта де Руа — пара, с культурной точки зрения отличающаяся от многих брачных пар, сведения о которых обнаружены в архивах.

Следует еще раз подчеркнуть значение индивидуального выбора, духовный и интеллектуальный путь каждого индивида. Примечателен пример семейства Шампань из Мена. Старшая ветвь семьи была католической и даже прославилась тем, что утопила большое количество протестантов из Пешесея в водах Сарты. Младшая ветвь, отделившаяся в XV веке и носившая имя де Ласюз, перешла в стан протестантов. Никола де Ласюз воевал под командованием Генриха II, принимал участие во взятии Ле-Мана в 1562 году. В 1567 году он будет убит в сражении при Сен-Дени. Его жена, Франсуаза де Лаваль, принадлежала к католической церкви и двух своих детей, Луи и Бранделис, воспитала католиками. Они навсегда остались верными своей религии, а вот их сестра Петронилла, дама де Базош, перешла в протестантскую веру и вышла замуж за протестанта Жака де Монтгомери, графа де Лоржа. Луи де Ласюз в 1572 году женился на протестантке Мадлен де Мелен де Норманвиль. У него было четверо детей, воспитанных матерью в вере Кальвина. Луи стал генералом армии республики Берн, затем служил в армиях Швеции и Франции и, наконец, во время Тридцатилетней войны, вновь в армии Швейцарии. Как мы видим, в этой семье с уважением относились к личному выбору, однако нельзя не заметить, что основную роль в принятии вероисповедания играло воспитание.

В XVI веке мужчины и женщины получили возможность лично, руководствуясь только собственной совестью, выбрать себе религию; дискуссии протестантов на темы веры влекли за собой дискуссии и на другие актуальные темы, и в частности о политике.

В 1562 году в стратегические планы протестантов входил захват городов с целью превращения их в свои опорные пункты. Они полагали, что там смогут защитить себя от опасности. В то же время завоевание позиций в органах местного самоуправления создавало иллюзию контроля над событиями и возможности повлиять на них — например, вступить с противником в переговоры об условиях сдачи, чтобы избежать грабежа, насилий и убийств.

До ночи святого Варфоломея протестантская партия считала себя достаточно сильной, чтобы оказывать влияние на политику короля. В 1562 году, во время Первой религиозной войны, многие сторонники Реформации были уверены, что победа не за горами, а потому восприняли заключение (в Амбуазе) мирного компромиссного соглашения с великим разочарованием и принялись обвинять Конде в измене. Они хотели сражаться до полной победы и сами диктовать политику в сфере религии.

Различия в оценках ситуации проистекали из разногласий внутри самой протестантской партии: Конде и часть дворянства не хотели окончательно порывать с бывшими единоверцами и пытались достичь компромисса, приемлемого для обоих лагерей. Именно к такому компромиссу стремился Жан де Ла Тай, опубликовавший в 1562 году «Поучение», призывавшее короля Карла IX прибегать больше к просьбам, нежели к приказам. Ла Тай принадлежал к неоплатоникам и верил в возможность согласия. Представляя нацию в образе человеческого тела, члены которого взбунтовались, он цитировал римского поэта Агриппу. Дворянство, сильная и совершенно необходимая часть тела, в конце концов наверняка бы утомило все тело, если бы оно не прекратило распри среди своих членов. По мнению поэта, гражданские войны пагубно влияли на благородное общество. Свою тревогу де Ла Тай выразил в прочувствованных стихах:

О, как горько, как ужасно, взирать,
Как люди воюют друг с другом, как клокочет их ярость,
Как с обеих сторон льется кровь, как сын выступает против
отца,
Жена против мужа, брат против брата,
Друг против друга, сосед против соседа!

Он подчеркивает, что Франция, победив язычников, германцев, англичан, бургундцев, фламандцев и испанцев, оказалась на грани развала из-за тех, кому выгодна гражданская война. В его поэме слово предоставлено Людовику XI, Франциску I, Генриху II, королям, сделавшим Францию великой и могущественной державой, воздаются почести королеве-матери, стараниями которой «мятеж бежал» в «Преисподнюю». Сын своего времени, Ла Тай напоминал, что Господь посылал Екатерине Медичи свои знамения: чудеса, затмение, ураган, уродливых детей, родившихся в окрестностях Парижа. Поэт считал, что Религиозные войны начались из-за его заключенного в Като-Камбрези мира, когда распущенные по домам дворяне оказались не у дел. В качестве панацеи от праздности он предлагал на три года увести дворян в Венгрию сражаться с неверными.

Будучи протестантом, но весьма умеренным, он прославлял мир и призывал французов сплотиться вокруг молодого короля и его матери. Известно также, что Конде и Колиньи долго колебались, прежде чем развязать Первую религиозную войну, прекрасно понимая, что такая война может расколоть нацию.

В 1567 году во время Второй религиозной войны протестанты, считая, что монарха окружают плохие советчики, попытались похитить его. Они были уверены, что если избавить суверена от их влияния, то можно убедить его пересмотреть религиозную политику. В то время у них не было намерения изменить монархические институты. Не было их и накануне Варфоломеевской ночи. Глава протестантской партии Колиньи заседал в королевском совете, и Карл IX высоко ценил мнение вождя гугенотов. Более того, брак Маргариты Валуа и Генриха Наваррского вполне мог бы привести к национальному примирению и

дать протестантам необходимые гарантии, прописанные в эдиктах.

После Варфоломеевской ночи отношение протестантов к королю изменилось. Теперь они считали его тираном, способным истребить половину населения страны. Чтобы обезопасить народ от нового предательства со стороны короля, необходимо связать короля и народ особым договором, предусматривающим ряд противовесов абсолютной власти монарха. Люди, выдвинувшие эту идею, получили название «монархомахи» (тираноборцы). Наиболее известными из опубликованных монархомахами сочинений являются «Франко-Галлия», написанная профессором права Франсуа Отманом (это в большей степени памфлет, нежели теоретический трактат), анонимное произведение «Будильник французов», труд Теодора де Беза «О магистратах» и трактат «Иск к тиранам», приписываемый Филиппу дю Плесси-Морне и Юберу Ланге.

Во всех этих сочинениях осуждается абсолютизм и проводится идея о том, что королевская власть всегда находилась в подчинении у Генеральных штатов, а вопросы, решение которых входило в компетенцию Генеральных штатов, постепенно переходили в ведение местных парламентов, которые наряду с отправлением правосудия взяли на себя также контроль за исполнением королевских указов. Авторы этих сочинений напоминали, что должности, занимаемые магистратами, были созданы для народа, а не народ для магистратов, и что были времена, когда королями становились с согласия народа.

Теория общественного договора (договора между властью и народом) вновь, как и в конце Средневековья, становилась актуальной. В самом деле, в диспуте под названием «Сон в саду» (XIV век) можно прочесть, что «каждый народ, который не является подданным какого-либо короля или императора, может на основании человеческого права выбирать и ставить государя». В XV веке Жан де Тер-Руж, рассуждая об основных законах Французского королевства, говорил, что королю, согласно обычаю, надо «полу-

чить одобрение и согласие трех сословий». Проблеме верховной власти обсуждали также Фома Аквинский и многие другие теологи.

Отстаивая эту культурно-политическую традицию, автор «Иска к тиранам» напоминал, что «не было еще человека, который бы родился с короной на голове и скипетром в руке», и, ссылаясь на Ветхий Завет, подчеркивал, что власть покоится на двух союзах, один из которых соединяет «Господа, Короля и Народ», а другой «Короля и Народ». Разорвав нить, связующую его с народом, государь становится тираном и должен быть смещен своими министрами и старейшинами, которые в таком случае обретают «право на мятеж». Для автора «Иска» штаты королевства, обладавшие суверенной властью, были прежде всего институтом сопротивления и в случае необходимости могли даже обратиться к другим державам за помощью.

Как видим, трагедия, разыгравшаяся в ночь святого Варфоломея, заставила протестантскую элиту пересмотреть взгляды на монархию Капетингов, усомниться в непогрешимости абсолютизма и признать власть Генеральных штатов выше власти короля и его судей. Спустя десять лет эти идеи будут восприняты лигистами и использованы ими для своих целей. Впрочем, следует отметить, Валуга не препятствовали созывам Генеральных штатов: за время Религиозных войн Генеральные штаты созывались трижды — в 1560, 1576 и 1588 годах.

Однако, если судить по книге, опубликованной поэтом Жаном де Ла Тай, среди протестантов были популярны и другие идеи.

Жан де Ла Тай: «Образцовый государь» (1573)

Поэт Жан де Ла Тай происходил из старинного знатного рода, обосновавшегося в Босе не позднее XIII века. Он был одним из приближенных Генриха Наваррского и посвятил своего «Образцового государя» королю, почтившему его своей дружбой. Де Ла

Тай учился в университете Орлеана, затем перебрался в Париж, где посещал различные поэтические кружки. Он писал комедии, трагедии и считался создателем ряда театральных правил, которые утвердились в следующем веке, в эпоху классицизма.

Его книга, написанная в 1573 году, то есть год спустя после Варфоломеевской ночи, свидетельствует об эволюции его политической мысли. Как мы уже видели, в 1562 году он проповедовал единение под эгидой короля и Екатерины Медичи. В новой книге, напротив, он отступает от традиционных монархических принципов, хотя и не полностью порывает со своими надеждами монархомаха.

Он не настаивает на предоставлении главной роли в управлении Генеральным штатам, а лишь подчеркивает их главенство над советами и их важное значение в воспитании и формировании взглядов будущего монарха. Будущий монарх должен быть воспитан в страхе Божьем и «не иметь сомнений, какая религия является истинной». В детском возрасте короля надлежит определить под вымышленным именем в коллеж, чтобы он понял, что он такой же человек, как и все остальные, и узнал о чаяниях своих будущих подданных.

Король должен получить классическое образование, какое обычно получали дворяне, он должен научиться владеть оружием и быть хорошим наездником. Но Жан де Ла Тай не хотел воспитать из короля воина или охотника, королю надлежало всесторонне развивать умственные способности: «Речь невежественного государя более напоминает звуки, издаваемые быком, нежели человеческую речь». По мнению поэта, в процессе воспитания короля особое внимание следует уделять изучению истории великих людей Античности, таких как Александр Македонский или Марк Аврелий, и великих людей современности, таких как Карл V и Франциск I. Из его рассуждений следует, что сам он наиболее поучительными считал жизнеописания великих римлян и героев Ветхого Завета: Моисея, Давида и Соломона.

В отличие от многих других монархомахов, Жан де Ла Тай не намеревался лишать короля его прерогатив. Он хотел, чтобы король правил лично, но при этом поступал как магистрат римской эпохи: «Государь обязан верить, что его народ обладает большим достоинством, чем он сам, ибо он сам, в силу своего долга и обязанностей, является служителем общественного дела».

Жан де Ла Тай считал, что монарх должен выбирать себе супругу в пределах французского королевства. Этот упрек, без сомнения, направлен Екатерине Медичи, которую протестанты обвиняли в том, что она ведет двойную игру — с одной стороны выдает свою дочь Марго за протестанта Генриха Наваррского, а с другой — приказывает убивать дворян-протестантов. Она уроженка Флоренции, а значит, проникнута духом своего знаменитого соотечественника Макиавелли. По мнению Жана де Ла Тая, если бы Генрих II женился на француженке, вполне возможно, все обернулось бы по-другому.

Ла Тай дает королю ряд советов в области внешней политики, например, убеждает отказаться от заключения союза с турками; с неверными, по его мнению, следует прекратить любые контакты; в этом вопросе он выражал общую для своего времени точку зрения. Он советовал королю «сделать грозным свой скипетр», то есть являть свою королевскую власть в любых обстоятельствах, как внутри государства, так и за его пределами. Он рекомендует монарху «держаться в узде» министров и льстецов, не использовать «чужеземного варвара», изобретателя «новшеств» (например, налогов или поборов), честолюбивого скупца или «человека низменного». Из этих советов можно заключить, что де Ла Тай был против того, чтобы к власти допускалось какое-либо иное сословие, кроме дворянского. Его образцовый правитель очень напоминает Елизавету I Английскую.

Поэт предлагает создать два совета. В первый совет государь должен назначить «самых лучших из дворян»; второй совет, который поэт называл «народным советом нижестоящих лиц, избранных для

разговора с другим советом», также будет состоять из дворян, но их будут выбирать. Предложенная Жаном де Ла Таем система очень близка английской системе управления, значительно укрепившейся во время правления Тюдоров. В Палате лордов заседала знать, в Палате общин были представлены в основном мелкие дворяне, джентри.

Жан де Ла Тай был уверен, что его проект отвечает канонам античного государственного устройства, объединяя «монархию, аристократию и демократию», однако он считал, что только дворяне имеют право разделять власть с королем. Удивительно, что в его сочинении крайне мало места уделено Генеральным штатам: этому органу отводилась всего лишь задача наведения порядка в государстве в случае смуты. Де Ла Тай не рассматривал штаты как институт, способный ограничить королевскую власть. Он писал, что не следует убеждать королей, что подчинение их существующим законам может ограничить их могущество.

Завершая анализ крупных властных структур, он выделял три столпа государства: армию, правосудие и религию. В военной области он ставил в пример римлян — их организацию армии, лагеря, построенные имперскими солдатами, образцовую работу интендантских служб, регулярную выплату жалованья. В современной армии он видел лишь одно достоинство — наличие артиллерии, которую он считал самым важным новшеством.

Говоря о судопроизводстве, он критиковал парламенты как противников свободы вероисповедания, и высказывал пожелания, чтобы должности магистратов занимали выборные дворяне, дополнив, таким образом, органы государственной власти еще одним органом, состоящим исключительно из дворян. Таким образом де Ла Тай, сам того не сознавая, рисует картину дворянского государства. Государственное устройство, при котором у власти всюду стоят дворяне, кажется ему естественным.

В сфере религии он, как и другие протестанты, разумеется, выступает за свободу вероисповедания.

Тем не менее он с опаской относится ко всем попыткам примирения, предпринятым на уровне Генеральных штатов, советов различных ассамблей, которые он, впрочем, называет бесполезными. Для примирения он предлагает такой способ: пусть родовитые дворяне, представляющие обе религии, соберутся вместе, а король определит срок, за который они должны будут найти приемлемое решение. Ла Тай считает, что в этой гражданской войне опасна победа любой из партий, ибо победитель может злоупотребить своей победой.

Сочинение Жана де Ла Тая, «дворянина из Боса», как он сам нередко подписывал свои сочинения, интересно для нас тем, что в нем отражена точка зрения дворянина, не принадлежащего к высшей знати. Протестантский поэт активно поддерживал монархию и настаивал на ее легитимности, объявляя себя приверженцем традиционных монархических институтов. Он не рассматривал религиозный конфликт как конфликт политический. Разумеется, он осуждал гражданскую войну и страдал от нее (об этом свидетельствуют многие его тексты). Только после ночи святого Варфоломея он решил, что обязан предложить модель дворянского государства (умеренного в своих претензиях), проникнутого идеалами античности и оставляющего королю все его прерогативы. Впрочем, само название книги «Образцовый государь» показывает, что автор намерен бороться против бытующего среди протестантов мнения о том, что власть короля надо урезать в пользу собраний или городов.

Республика Соединенных Провинций

Историк Жанин Гаррисон изучила документы, относящиеся к ассамблее протестантов Нима и Монтобана, состоявшейся в августе 1573 года. Тогда реформаты решили потребовать у короля политического признания, чтобы они могли войти в состав европейской конфедерации народов, признавших ре-

формированную церковь. Екатерина Медичи была возмущена такими требованиями; особенно ее огорчило то, что к петиционерам присоединился принц Конде, который, по ее словам, никогда не дерзал высказывать столь крамольные вещи, ибо всегда понимал необходимость объединения нации вокруг своего короля.

Протестанты хотели обрести полную политическую автономию, о чем заявили в уставе Мийо, принятом в 1573 году. Жанин Гаррисон подчеркивает, что после проведенной в Мийо ассамблеи «город стал базой формирования политической организации протестантов». Историк также указывает, что если в уставе достаточно точно прописана роль городов, то во всем, что касается федерального уровня, ясности нет, хотя, казалось бы, федеральная власть должна была объединять всех, создав единый политико-религиозный государственный организм, который Жан Делюмо назвал «Соединенными Провинциями юга».

Известно, что в XVII веке в кальвинистской «республике Соединенных Провинций» (в Голландии) после войны против испанского господства основу институтов составлял город, почти такой же независимый, как и город-республика. Правящее сословие, городские нотабли пользовались большим авторитетом и безоговорочной властью. Генеральные штаты, собрание депутатов, избранных по всей стране, были всего лишь конгрессом посланцев провинций, среди которых большую часть составляли представители городов. У каждой провинции был свой капитан, *stathouder*, на которого было возложено руководство обороной города. Обычно каждая провинция многократно выбирала одного и того же капитана, что позволяло гармонично сочетать эффективность и автономию.

В протестантских французских Соединенных Провинциях, расположенных на юге страны, в планируемых ими реформах городам отводилась главная роль. Генеральная ассамблея выбирала протектора, военачальника (эквивалент голландского *stathouder*);

им должен был стать Генрих Наваррский, будущий король Генрих IV. В Мийо дворяне и землевладельцы, составлявшие большинство делегатов (58%), без особых дебатов поддержали новую политическую организацию, превращавшую город в центр протестантского государства.

Когда был заключен союз с могущественным губернатором Лангедока, Монморанси-Данвилем, политическим лидером, примкнувшим к протестантам во время войны «недовольных» (1574—1576), нотабли нимской ассамблеи выразили недоверие этому знатному сеньору, который за десять лет до того выступал против Конде. Они хотели полностью контролировать его действия. Враждебно настроенные к королю Франции, протестанты не были готовы к тому, чтобы кто-нибудь, пусть даже человек, близкий им идейно, стал единолично руководить их партией.

Рожденное во время войны и сформировавшееся стихийно для сопротивления гнету, протестантское государство существовало *de facto*. Но эта форма правления никогда не подвергалась теоретическому осмыслению ни законниками, ни монархами, потому что в XVI веке теоретики с трудом выходили за пределы ментального универсума, созданного идеями Платона и Аристотеля. В этом универсуме интеллектуальный мир пребывал вплоть до картезианской революции.

Концепция «разделения властей», восторжествовавшая в конце XVII века в трудах Локка, а еще полвека спустя в трудах Монтескье, и позволявшая поддерживать систему противовесов внутри самих институтов, вряд ли могла зародиться в культурной среде, стремившейся исключительно к гармонии и единству. Возможно, федерация городов должна была рассматриваться как предварительная модель государства, появление которого было вызвано нуждами войны. У голландцев модель прижилась, так как у них существовала давняя традиция городской и муниципальной культуры. Как мы увидим дальше, эта модель была принята гугенотами, тем

самым подтвердив, что она занимала важное место в политических тенденциях эпохи Религиозных войн.

Протестанты были новаторами не только в области политики.

Индивидуальное сознание и традиции

Характерная для XVI века развитая система вассальных и клиентельных связей, достигшая своего апогея в эпоху барокко, в период Религиозных войн подверглась воздействию новых культурных веяний. Как мы уже видели, в 1562 году Жан де Ла Тай в своих наизданиях сожалел о разрушенных гражданской войной дворянских идеалах. Его собрат по вере Лану в «Военных речах» (XXVI) описывал встречу в Тури Екатерины Медичи с Бурбонами. Во время этой встречи была сделана очередная попытка найти пути к примирению до возобновления военных действий. Лану пишет, что обе армии, католическая и протестантская, выстроившиеся друг напротив друга, получили приказ не вступать в переговоры — из опасения, что последствия этих переговоров могут стать неконтролируемыми. «Я был среди сторонников праведной веры, — пишет Лану, — и могу сказать, что в лагере противника у меня было не меньше дюжины друзей, столь же дорогих мне, как собственные братья, и питавших ко мне те же чувства. Однако совесть и честь обязывали каждого из нас оставаться на своих местах и не делать ни единой попытки к сближению».

Для нас текст Лану интересен тем, что показывает, перед какой дилеммой во время гражданских войн оказывались простые солдаты — следовать ли традиционным заповедям дружбы или же исполнять заповеди веры. Отважный Лану, получивший прозвище «протестантского Баяра», пишет, что за долгое время конфессионального конфликта поведение его участников изменилось: «Дружба между частными лицами еще существует, но с тех пор, как начались великое

зло и беды, ставшие, поистине, бесконечными, дружеские связи увядают».

История протестантского дворянина Пурпри, рассказанная приближенным Генриха III Расином де Вильгомбленом, подтверждает слова Лану. В 1668 году Пурпри, проявивший чудеса мужества и отваги, был взят в плен во время штурма замка Лузиньян в Пуату. Герцог де Лонгвиль, в доме которого Пурпри воспитывался, приказал освободить его «при условии, что тот поступит на службу к королю и его сторонникам (...), однако Пурпри обманул его, не сдержал слово и вернулся в свою общину».

Расин де Вильгомблен считает поведение Пурпри недостойным дворянина. Между тем для Пурпри религиозные убеждения были неизмеримо важнее чувства благодарности и признательности герцогу де Лонгвилю.

В книге «Мятежный долг» Арлет Жуанна пишет, что дружба между дворянами не зависела от того, насколько высокое положение они занимали. Это были отношения равных людей. Она приводит выдержки из писем, написанных в 1578 году Матюрену де Ла Таю дез Эссару (кузену не раз упоминавшегося нами поэта) принцем Конде и герцогом Анжуйским. Письма эти свидетельствуют, что принцы могли выступать в роли просителей, а дворяне имели полную свободу выражать собственное мнение. Подтверждение тому мы находим в работах американского исследователя К. Б. Нейшела, посвященных дворянству Пикардии: дворяне свободно общались с принцем Конде. Жестокость по отношению к своим противникам свидетельствует о том, что ранг представителей их сословия не имел для них значения. Принц Конде был убит на поле боя солдатом из охраны будущего короля Генриха III по имени Монтескью в то время, когда принц уже сдался людям, поклявшимся сохранить ему жизнь. В первой главе мы рассказали, как Блез де Монлюк убил отважного капитана Эро, прославившегося в Итальянских войнах, когда он сражался бок о бок с Монлюком. Приближенные Монлюка, восхищаясь отвагой Эро, умоляли сохра-

нить ему жизнь. В ответ Монлюк сказал, что капитан Эро «слишком упорствовал в ложной вере» и все равно остался бы врагом католиков, а потому его следует устранить, чтобы в будущем вновь не встретиться с ним на поле битвы.

Совершенно очевидно, что протестантизм не только привнес новое видение христианской религии, новые политические концепции, но и изменил мировоззрение людей XVI столетия. И хотя сторонники новшеств в эпоху Религиозных войн составляли меньшинство, они сумели оказать заметное влияние на тогдашнюю политическую мысль, которая в свою очередь подготовила почву для эпохи Просвещения.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ В 1567 ГОДУ (по материалам депутатских наказов)

Главными участниками Религиозных войн обычно называют дворян, духовенство и городскую буржуазию и почему-то умалчивают о крестьянах, которые в то время составляли 80% населения. Между тем проведенные в наши дни исследования показывают, что крестьянство отнюдь не являлось инертной массой; недавно обнаруженные архивные документы позволяют ознакомиться с идеями, будоражившими умы деревенских жителей.

Наказы, составленные представителями сельских жителей в XVI веке и приуроченные к созыву Генеральных штатов, вполне могут стать существенным источником сведений об умонастроениях жителей сел и деревень.

В отделе рукописей Национальной библиотеки я обнаружил пятьдесят тетрадей, где записаны волеизъявления людей, проживавших в бальяже Шартр; наказания эти приурочены к созыву Генеральных штатов в Блуа в 1576 году. Столь значительное собрание документов, относящихся к сравнительно давнему периоду, встречается достаточно редко. Большая часть дошедших до нас сельских наказов относится к 1789 году, от наказов же Генеральным штатам, собиравшимся в 1614 году или в период Религиозных

войн, сохранились в основном разрозненные документы. Идеи, содержащиеся как в одиночных текстах, так и в текстах из собрания наказов бальяжа Шартр, не являются особенными, уникальными и вполне могут стать основой анализа политических воззрений, преобладавших среди сельского населения. Еще один обширный корпус текстов-источников имеется в Труа, однако хранящиеся в нем документы составлены в основном в шателенствах. К тому же указы из Труа подверглись первичной обработке, выполненной, скорее всего, чиновниками. Поэтому эти указы, в отличие от наказов бальяжа Шартр, не являются «указами из первых рук» и лишь опосредованно отражают взгляды крестьян.

Разумеется, есть основания задаться вопросом, можно ли все высказывания членов прихода, собранных для составления наказов, считать точным отражением взглядов крестьянства. Чтобы разобраться в этом вопросе, следует проанализировать, кто составлял или диктовал текст указа, сколько в нем содержится требований собственно крестьян, а сколько — требований нотаблей, выступавших от имени неграмотных крестьян.

Кто писал указы?

Среди наказов бальяжа Шартр только треть написана теми, кто их записал. Среди составителей мы находим девять сельских нотариусов и писцов, четыре викария, три должностных лица из тамошних сеньорий, два сельских нотабля. В указах общины Сен-Лоран-ан-Гастин четко указано, что требования были записаны «под диктовку жителей»; недвусмысленная формулировка предполагает определенный контроль со стороны коллектива.

Обычно процедура составления указа проходила следующим образом: синдик общины, уважаемый человек, глава семьи, избранный равными ему по положению согражданами, получал приказ от бальи или сенешаля созвать общее собрание жителей об-

щины для составления наказа и выбора двух депутатов для отправки в столицу бальяжа, на ассамблею третьего сословия, где собирались делегаты, избранные как в городах, так и в селах. Как мы уже говорили, иногда собиралось еще одно — промежуточное — собрание в шателенстве, как, например, в бальяжах Труа и Орлеана. В бальяже Шартр промежуточного собрания не было.

В общинах, входивших в состав приходов, правом голоса обладали главы «очагов», чаще всего, разумеется, это были мужчины. Однако в Босе, например, главой «очага» могла быть и женщина, к примеру, вдова земледельца, после смерти мужа взявшая на себя заботы о доме и руководство крупным фермерским хозяйством.

Перед сельскими жителями постоянно стоял вопрос — где найти того, кто сможет записать их указы по всей форме. Чаще всего составителями становились легисты, нотариусы, должностные лица, адвокаты, или же — как мы видим на примере бальяжа Шартр — викарии и получившие образование земледельцы. Из источников нам известно, что в приходе Мевуазен нотариусу помогал составлять указы местный викарий. Наиболее интересными для историка и наиболее содержательными являются указы, составленные на сельском сходе. Наказы, составленные в Сен-Лу, Липланте и Эрменонвиль-ла-Птит, очень похожи по своему содержанию, так как значительное число выдвинутых в них требований заимствовано из наказов жителей маленького городка Илье, и это свидетельствует о том, что ответственные за составление наказов горожане оказали существенное влияние на своих сельских соседей.

При анализе ряда наказов ощущается присутствие составителя — даже когда имя его не указано. Поэтому, читая требования о неукоснительном воскресном посещении мессы, о запрещении богохульства, о необходимости регулярной уплаты церковной десятины, можно быть уверенным, что при составлении этой грамоты не обошлось без местного священника или викария.

Зачастую сельские жители пытались преодолеть возникшие трудности посредством компромисса. Так, жители Прюнэ-ле-Жийон потребовали, чтобы выборщики не голосовали ни «за придворного дворянина, ни за скупого прокурора», а выбрали бы «честного адвоката и двух порядочных и трудолюбивых земледельцев». Требование, весьма примечательное для понимания крестьянского менталитета. Сельские жители прекрасно сознавали, с каким трудом их голоса доходят до властей. Чтобы преодолеть эти трудности, они соглашались избрать своим представителем адвоката. Но опасаясь, что далекий от их повседневных забот законник не сумеет рассказать о их нуждах, они выделяли ему двух помощников в лице земледельцев: тогда, по их мнению, получалась идеальная троица.

Чтобы выразить свое возмущение действиями капитула собора Нотр-Дам де Шартр, жители Фонтенсюр-Эр нашли другой компромисс, а именно избрали глашатаем своих интересов местного сеньора. В качестве выборщиков в столицу бальяжа были отправлены два почтенных земледельца, а для составления наказа пригласили нотариуса, но не из капитула, а из соседнего баронского владения Курвиль. На собрание от общины прибыли пятьдесят три главы «очага», и все они, как один, поносили каноников, завладевших несправедливыми путями излишками земли.

Собравшиеся жаловались на тяжкие повинности, и в частности на шампар, когда приходилось отдавать один сноп из девяти, тогда как по обычаю следовало отдавать один сноп из двенадцати. Жители общины считали, что поборы, взимаемые канониками, слишком велики, и называли их «грабежом». Тем более что в целом в Босе сеньориальные повинности были не слишком обременительны, и «грабеж» происходил только на землях ненавистного капитула: у каноников была тяжелая рука. Собравшиеся критиковали не только экономические порядки, они обвиняли каноников в «алчности», «распутстве» и «хищничестве» за установление произвольных цен на требы, полагая, видимо, что «ад и рай можно заслу-

жить деньгами». Собравшиеся подвергли критике не только каноников, досталось от них и судьям. По словам селян, судьи позволяли «дурным богатым» «забирать имущество бедных» и вступали в сговор «с ворами и разбойниками».

Не пощадили селяне и шартрских буржуа, «заимодавцев», которые давали деньги, а «возвращать требовали вдвое», а также городских властей, заставлявших «каждого мужчину из каждого дома» раз в три недели целый день бесплатно работать на городских укреплениях, дабы «сии укрепления» содержались в полном порядке. А если, на взгляд властей, «деревенские работали не в полную силу», их велели бить и не давали им еды; еду несчастным приходилось «принести с собой».

Среди наказов есть требования пресечь лихоимства «человека с ружьем» и судебных приставов. Грамота с наказами является подлинной обвинительной речью против всех тех, кто чинил несправедливости по отношению к сельским жителям. Следует отметить, что в данном наказе нет ни единого слова против протестантов и выборной системы, а пять пунктов, содержащих радикальную социальную критику, разоблачают злоупотребления сеньоров, городских властей и капитула, говорят о всевластии денег и о нехватке земли у крестьян.

Необходимо сказать, что каноники шартрского капитула, чья жадность и беспутная жизнь подробно описаны в наказе прихожан Фонтене-сюр-Эр, заботились об образовании своих цензитариев и уже в XIV веке организовали в приходе и окрестных селениях школы. Есть основания полагать, что интеллектуальная сторона наказов бальяжа напрямую зависела от образования, полученного прихожанами в приходских школах.

В приходе Сен-Лоран-ан-Гастин составление наказа вызвало большие затруднения, но в конце концов наказ был составлен «под диктовку жителей», которые сумели заставить включить в него свои требования. В начале наказа сельские жители именуют себя «бедными земледельцами», опутанными дол-

гами, «несчастливыми земледельцами, вынужденными покидать насиженные места и бросать свое достояние, ибо и лошади, и телеги, и скот» у них уведены солдатами во время военных действий. В этом наказе пожелания крестьян совпадают с пожеланиями мелких землевладельцев, ремесленников, владеющих инструментами, и «бедных тружеников», состав которых не поддается точному определению. Скорее всего, это были поденщики и батраки, работавшие на крестьянских полях, а также все, кто принадлежал к миру крестьян.

Жители этого прихода не требовали изменить выборную систему, не совали нос в большую политику, они всего лишь «[просили] смиренно (...) его величество господина короля проявить великодушие к своим подданным» и платить солдатам, чтобы те перестали жить за счет «кошелька бедных земледельцев». Они готовы были пускать солдат на постой, но только при условии получения за это платы. И, разумеется, они считали, что солдат лучше размещать на постой в городах, иначе они совершенно разорят деревни. Среди требований прихожан — просьбы оградить их от произвола судебных приставов, сделать более дешевыми похороны, защитить от принудительного сбора десятины, силой отбираемой местными священниками и дворянами, а также просьба ограничить власть города и городских властей.

Три деревни: Блери, Сен-Симфорьен и Левенвиль, объединившиеся для составления наказов, дополнили свои указы настоящим проектом военной реформы: они предлагали заменить солдат на «людей благородных и хорошо владеющих оружием», которых станут избирать в каждом приходе. Составители именовали себя «бедными людьми, виноградарями и пахарями, кои перебиваются кое-как, а что до земледельцев и арендаторов, так те многим задолжали и во многом нуждаются».

Крестьянские указы второй половины XVI века выражают вполне определенные требования. И нам предстоит рассмотреть, в какой степени эти указы отражают культурный уровень сельских жителей.

Когда жители жалуются на злоупотребления или же злоупотребления разоблачают, стиль наказов становится острым и желчным, из чего следует, что жалобам и критике уделялось особое внимание. Тем более что неразбериха, в которую немалую лепту внесли гражданские войны, облегчала задачу составителей наказов, предоставляя им немало поводов для критических высказываний, что, разумеется, не исключает некоторых преувеличений. Поэтому, изучая тексты наказов, следует не принимать на веру все, что в них написано, а истолковывать.

На первом этапе мы берем общее количество наказов, анализируем их содержание, а затем классифицируем по темам, вычлняя темы, более всего волновавшие сельское население. В основном его беспокоили вопросы, связанные с церковью и духовенством: почти 20% наказов поднимают эту тему, опережая вопросы, связанные с налогами и отправлением правосудия, которые являются темой 15% наказов. Бесчинства солдат являются темой 10% наказов, затем следуют бесчинства, чинимые дворянами (8%), и экономические вопросы (7%). Отмена сеньориальных и феодальных прав, требования свободы, активно выдвигавшиеся сельскими жителями в 1789 году, в XVI веке поднимаются в 2—3% наказов; эти же темы в бальяже Шартр в конце XVIII века затрагиваются уже в 12—13% наказов. Накануне революции тема свободы является одной из главных и по частоте обращения уступает только налоговой политике, ставшей основной мишенью для критики в 37% наказов. Эволюция настроений деревни, произошедшая за два века, вполне поддается количественному анализу.

В нашей работе мы попытались оценить культурный уровень наказов, выстроив для этого шкалу из шести параметров. Первый параметр — это порядок изложения содержания документа. Наказы составлялись по определенной схеме: в начале рассматривались вопросы, связанные с церковью и духовенст-

вом, ибо, с юридической точки зрения, духовенство представляло первое сословие королевства, затем вопросы, связанные с дворянами, и, наконец, с третьим сословием, а значит, с судебной системой, финансами и торговлей. Данный порядок изложения был соблюден в двадцати девяти наказах из пятидесяти, иначе говоря, в 58% наказов. Вторым параметром является количество наказов. В каждом списке их содержится около полутора десятков, однако есть и другие цифры. Третий параметр — это темы, затронутые в наказах. В среднем на каждый список их приходится по семь, однако есть и такие, где затронутых тем в два раза больше, а есть, напротив, наказания, затрагивающие всего две темы. Четвертый параметр, именуемый мною «плотностью речи», позволяет судить об искусстве рассуждать на заданную тему. Пятый параметр отражает богатство словарного состава документа, а шестой оценивает правильность и красоту языка, которым написан наказ.

Для каждого из вышеперечисленных параметров был вычислен средний уровень. За единицу принимался список наказов, который по данному параметру имел уровень выше среднего, нулевой показатель присваивался списку, по данному параметру отстававшему от всех остальных наказов. Таким образом, были определены четыре «культурных уровня», распределившиеся следующим образом:

1) самый высокий уровень	36% наказов
2) средний уровень	32%
3) низкий уровень	27%
4) крайне низкий уровень	10%

Полученные данные говорят о том, что в 1576 году две трети прихожан могли найти человека, способного правильно составить наказ.

Наказы первой группы имеют высокий «культурный уровень». Их составителями выступают должностные лица, нотариусы и горожане (61%), а также викарии (11%), то есть люди, не являющиеся непосредственно земледельцами. Крестьян среди составителей всего 16%.

Во второй группе большинство наказов составлено непосредственно земледельцами (62%), хотя именно в этой группе достаточно велико число наказов, составители которых неизвестны (31%). Процент легистов среди составителей наказов в этой группе крайне мал (всего 7%).

В третьей группе наказов, отличающихся слабым уровнем обработанности текстов, социальные и профессиональные различия составителей в сущности значения не имеют, так как образовательный уровень их неизмеримо ниже: земледельцы составляют 45%, легисты и викарии 36%.

В последней группе наказов, где обработанность текстов практически равна нулю, составители, 80% которых являлись крестьянами, а 20% — викариями, испытывали большие трудности при формулировании требований.

Полученные цифры говорят о том, что по умению составлять политические тексты сельская элита приближается к должностным лицам, причастным к отправлению правосудия, и церковникам из маленьких городков и селений. В отличие от шателенств и бальяжей Труа и Орлеана, в деревнях и поселках, окружавших Шартр, 44% составителей наказов происходили из семей мелких землевладельцев, из среды легистов было всего 18%. Викарии, взявшиеся за перо, чтобы написать наказ от имени своих прихожан, составляли 10%, однако их образовательный уровень был неодинаков, ибо двое из них написали поистине замечательные тексты.

Таким образом, можно сделать вывод, что уровень наказа не детерминирован профессиональной принадлежностью его составителя. Однако среди лидеров, способных взять в свои руки судьбы жителей прихода, в первую очередь следует назвать легистов.

Легисты пользовались доверием у почтенных отцов семейств, возглавлявших «очаги». Однако отцы семейств не спешили являться на сходки, организуемые в основном после мессы, посещать которую теоретически должны были все жители прихода. Сходки обычно происходили под портиком церкви или на

расположенном рядом с церковью кладбище. Например, в деревне Бевиль-ле-Конт при избрании выборщиков присутствовали восемьдесят пять человек, в то время как «очагов»* было почти в два раза больше.

Взгляды людей на представительство в те времена значительно отличались от взглядов, присущих гражданам западных демократий в XX веке. Основной концепцией того времени была концепция *sanior pars*, «наиболее здоровой части» общества, а не *major pars*, «большинства» общества. Считалось, что общину должны представлять лучшие ее люди. Собрания, состоявшиеся в Дюнуа, свидетельствуют о том, что с XV по XVIII век «наиболее здоровая часть» общины редко составляла более десяти-пятнадцати человек.

Попытавшись определить профессиональную и социальную принадлежность «наиболее здоровой части жителей», я пришел к выводу, что принадлежность эта во многом зависит от размеров агломерации. В поселке Тури, где в XVII веке проживало около тысячи человек, в число «наиболее здоровых жителей» входили 7% глав «очагов», а также легисты и купцы, принадлежавшие к состоятельным и давно (не менее ста лет назад) обосновавшимся в этом краю семьям. Люди очень богатые или слишком быстро разбогатевшие были отстранены от выборов точно так же, как и самые бедные. В более мелких приходах спектр людей, составлявших «наиболее здоровую часть жителей», увеличивался. Так как в мелких общинах ни легистов, ни купцов в достаточном количестве не было, среди выборщиков можно было увидеть и земледельцев, и ремесленников, и даже неквалифицированных сельскохозяйственных рабочих.

Теперь нам остается понять, какие политические функции исполняла община в XVI веке. Составленный в 1576 году протокол выборов в одной из деревень бальяжа Шартр позволяет нам хотя бы отчасти разобраться в этом вопросе.

* В XVI веке «очаг» (или «дым») обозначал не столько дом или проживающую в этом доме семью, сколько условную фискальную единицу. (*Прим. пер.*)

В приходе Бевиль-ле-Конт, расположенном к востоку от Шартра, на территории современного кантона Оно, проживало примерно шесть-семь тысяч жителей. Текст наказа, составленного от имени прихожан, отличается крайне слабой культурой, хотя составителем его указан легист. Для нас этот документ интересен прежде всего приложенным к нему протоколом общего собрания жителей. Из этого протокола мы узнаем, что на собрании, состоявшемся сразу после мессы, не было кворума, и легисту пришлось ходить по домам и собирать кворум. Простой подсчет показывает, что из восьмидесяти пяти человек на воскресном богослужении был только двадцать один, а шестьдесят четыре (то есть 75%) от посещения службы воздержались.

На службе присутствовали нотариус, две трети ремесленников, половина работников с мельницы, треть батраков и земледельцев, несколько ткачей и виноделов. Отчего на службу не явились остальные? Судя по дате — а дело происходило в начале сентября — сельскохозяйственные работы были еще в разгаре и могли помешать посещению церкви. Возможно, среди населения деревни преобладали протестанты, или же, по мере усиления волнений в стране, жители потеряли интерес к обрядовой стороне веры. К сожалению, в документах нет даже намека, какой ответ ближе к правильному. И, разумеется, мы не знаем, идет ли речь об исключительном случае, или же этот пример характерен для приходов всего региона.

Зато нам известны результаты выборов и число полученных голосов. Каждый голосующий имел два голоса, так как выбрать надо было двух делегатов. Избиратель указывал обе свои кандидатуры, о чем делалась соответствующая запись в протоколе.

На примере протокола такого собрания можно попытаться узнать, является ли представленный на нем избирательный корпус репрезентативным для

сельского общества. Это делается путем сравнения списка участников собрания с фискальными списками, составленными в следующем веке. В результате отмечаем, что голосовать ходили все мелкие землевладельцы, виноделы и ремесленники, а среди батраков голосовали только трое, тогда как всего батраков в приходе насчитывалось не меньше шести десятков. Таким образом, батраки в большинстве своем из «наиболее здоровой части общества» исключались.

Вот как распределились голоса:

Мэтр Ранверсе, нотариус, получил	— 65 голосов
Россиньоль, лейтенант сеньории	— 36 голосов
Шаслу, скорее всего, ремесленник	— 20 голосов
Мийошо, земледелец	— 15 голосов
Дорьенж, земледелец	— 12 голосов
Леваше, земледелец	— 9 голосов
Пти, торговец и земледелец	— 9 голосов
Тубер, ткач	— 2 голоса

Среди указанных в списке только Ранверсе и Шаслу были на воскресной службе, но, на наш взгляд, присутствие на мессе на является обязательным критерием. Нотариус, человек, известный во всех слоях населения, получил все голоса ремесленников, три четверти голосов виноделов, 68% голосов земледельцев, голос лейтенанта и голос одного из трех батраков. Лейтенант сеньории получил меньшую поддержку: за него проголосовала только половина земледельцев, 41% виноделов, а ремесленники (всего 21%) отнеслись к нему с явным недоверием.

Состоятельные земледельцы могли рассчитывать на голоса своих братьев, таких же сельских предпринимателей, как и они, а также на виноделов. Все вместе земледельцы получили больше голосов, чем лейтенант. Профессиональная солидарность сыграла свою роль, но голоса расплылись, распределившись между лицами одной и той же профессиональной принадлежности. Попробуем предположить, отчего произошло это распыление. Прежде чем отдать голос за нотариуса, земледельцы голосовали сами за себя. В целом же их выбор, похоже, совпал с вы-

бором сельских нотаблей, сознающих свое экономическое и общественное превосходство.

Виноделы и ремесленники отдали свои голоса в основном нотариусу, а земледельцы сумели лучше убедить виноделов, чем ремесленников. Следует ли из этого делать вывод, что ремесленники выказали недоверие к своим клиентам, которые не слишком любили платить долги, и что это недоверие сказалось на результатах голосования? Батраки, слишком малочисленные, чтобы историк мог собрать о них точные сведения, вряд ли выбирали землевладельцев, своих работодателей и сходных с ними по уровню жизни виноделов; скорее всего, их голоса были отданы ткачу и легисту.

Есть ли основания говорить о «крестьянском голосовании», о «крестьянской власти»? В какой мере те, кто непосредственно трудился на земле, кто ее обрабатывал и от нее зависел, проявляли свою заинтересованность по отношению к другим жителям деревни — торговцам, ремесленникам, служителям правосудия, чьи занятия, на их взгляд, являлись, говоря современным языком, «подсобными»? Чтобы ответить на этот вопрос, надо посчитать тех, кто голосовал только за крестьян: таких всего 7%, то есть явное меньшинство.

20% избирателей отдали оба своих голоса служителям закона (прежде всего нотариусу, полагая, видимо, что тот имеет возможность оказать реальные услуги жителям). Тем не менее электорат Бевиль-ле-Конт захотел дать в помощники нотариусу земледельца. Как и в Прюнэ-ле-Жийон, селяне хотели создать тандем: служитель закона — земледелец, дабы их интересы представлял и знаток законов, и тот, кто непосредственно работает на земле и в курсе всех деревенских проблем.

Рассмотрев на примере одного прихода, как происходил выборный процесс в разгар Религиозных войн, убеждаешься, что крестьяне были вынуждены постоянно прибегать к «посредникам», умеющим писать и обладающим определенным багажом знаний, в том числе знаний в области законов, а значит, мог-

ли бы помочь им защитить свои интересы или выдвинуть свои требования. Когда же законника-легиста под рукой не было, или же полагали, что этот легист не может представлять их интересы по причинам морального характера или по причине отсутствия у него надлежащего образования, крестьяне брали дела в собственные руки.

Исследуя тексты наказов, становится ясно, что в каждой деревне существовала более или менее многочисленная группа глав «очагов», и эта группа проводила, а иногда и навязывала остальным свою политику.

Проблемы религии на первом месте

Во всех пятидесяти списках наказов, составленных в бальяже Шартр, большая часть требований связана с церковью и духовенством — более 20%. Аналогичные показатели характерны для шателенств Труа, а в селениях Шампани с религиозными проблемами связано целых 37% наказов. На основании этих цифр можно оценить, как широко ставился вопрос о реформе католической церкви. Не удивительно, что в следующем веке реформа эта была проведена с необычайным энтузиазмом. Еще более наглядным является сравнение с 1789 годом, когда в том же самом бальяже Шартр только 3,7% наказов касалось религиозных проблем. К концу XVIII века вопросы религии прочно отошли на задний план, уступив место проблемам налогов, феодальных прав и реформы государственной власти.

В XVI веке, напротив, бушевали религиозные страсти и проблемы, связанные с верой, находились в центре животрепещущих дискуссий как в городе, так и в деревне. И хотя историографическая традиция на протяжении полувека пытается доказать, что религиозные проблемы являлись всего лишь фасадом, за которым скрывались конфликты экономического и социального характера, мы с удовлетворением можем сказать, что собранные нами статистические

данные подтверждают, что в то время люди основное внимание уделяли вопросам религии. Полученные нами данные вписываются в историческое предвидение крупнейшего историка Люсьена Февра, одного из основателей школы Анналов. Сельский житель XVI века был бы наверняка изумлен, узнав, что есть люди, утверждающие, что его требования, связанные с вопросами веры и религиозной практики, были второстепенными, в то время как сам он считал их основными, они доминировали над прочими его проблемами.

Интересно, что сельские жители не касались вопроса присутствия в их деревне протестантов. Только в четвертой части наказов (иначе говоря, в одиннадцати из пятидесяти) есть требования, направленные «против существования разных религий». Значит, три четверти крестьян, проживавших в приходах вокруг Шартра, либо приспособились к соседям-протестантам, либо не считали нужным вспоминать о их существовании. Те же, кто, подобно жителям Марвиль-ле-Буа, подчеркивал, что «война и разруха пришли в королевство из-за двух разных религий», или, подобно жителям Булэ-д'Ашер, объяснял, что «пришлось претерпеть огромное зло по причине веры, именующей себя реформированной», считали, что зло происходило от «злонамеренных», «злоупотреблявших новой религией». Для этих людей единственным решением проблемы было только возвращение к «католической вере, апостольской и римской». Жители Геонвиля вспомнили даже о гневе Господнем и написали в наказе, что «все, приводящее к дурной жизни, будет уничтожено, и тогда гнев Господа утихнет». В наказах Илье, Сен-Лу, Липланте, Эрменонвиль-ла-Птит и ряда других деревень говорится, что религиозное единство должно привести к миру, а потому «следует истребить новые ереси и покарать тех, кто их изобрел».

Для прекращения конфликта в 14% списков упоминали решения собора, но ни в одном из наказов не было обращения к папе. В окрестностях Шартра сознание деревенских жителей было настолько про-

никнута духом галликанства, что когда речь заходила о реформах в области религии, все мысли обращались к королю Франции, а не к папе: в религиозном универсуме крестьян того времени фигура папы отсутствовала.

Отношения сельских жителей с католической церковью постоянно портились по причине злоупотреблений и отсутствия дисциплины среди клириков. В некоторых наказах, например, в наказе, составленном сельским нотариусом, жители деревни Кольтенвиль, избравшие своими выборщиками двух виноделов и одного торговца, жаловались на злоупотребления местного клира. Все хором твердили, «что они недовольны своим кюре (...), но, наоборот, довольны тем, как служит их викарий, только его службы приносят им радость. Но тем не менее они просят и хотят, чтобы их кюре проживал в приходе, дабы он помог возродить церковную жизнь на хуторе Семеновиль, принадлежащем к их приходу, и где вот уже пятьдесят лет не идут службы (...), которые (...) прежде устраивали в часовне господина св. Иоанна Евангелиста».

Жители прихода Уанвиль-сус-Оно были обижены отсутствием своего кюре, который не удосужился даже заменить себя «наемником». В деревне Мевуазен, находящейся в ведении капитула Нотр-Дам де Шартр, местный кюре то и дело отсутствовал, а вместо себя оставлял «бедного викария, а именно вышеуказанного мессира Симона Може (...), который также имеет основания жаловаться на своего начальника, ибо тот не платит ему того, что ему причитается».

Многие прихожане зло иронизировали над нежеланием приходских священников проживать у себя в приходах. Например, в Треоне приходской священник появлялся, только когда наступало время получать доходы. Вот что рассказывали жители этой деревни: «Приор Треона, постоянно отсутствующий в вышеназванном своем приорстве (...), проживает в восьмидесяти или даже в ста лье от вышеуказанного Треона, который он за все десять лет посетил только десять раз, то есть по разу на год (...), дабы получить

(...) четыре или пять сотен ливров, причитающихся ему доходов от фермы и прочих случайных заработков». В 34% доходов такая неприкрытая алчность кюре расценивалась крайне отрицательно. Жители Треона задавали тон, в их обвинениях звучали желчность и озлобленность, а в наказе утверждалось, что священники любят «больше свой барыш, нежели обращение грешников».

Жители Фонтене-сюр-Эр возмущались неравенством перед лицом смерти, установленным священником местного прихода: «Когда по воле Господа в вышеуказанной общине кто-нибудь покидает земную юдоль, будь то бедняк или богач, они сразу не разрешают похоронить его на кладбище, а дают это разрешение только тогда, когда им дают деньги или делают подношения. А еще они [отпускают людям грехи], а также [отлучают от церкви] за деньги (...), и получается, чтобы (...) попасть и в ад, и в рай, требуются деньги». Бесстрашные жители пошли еще дальше и выразили жалобу на капелланов, заявив, «что те служат положенные требы только если умирает богатый человек, а если бедный, то не делают ничего». Далее они утверждают, что когда умирает богатый, священнослужители полагают, что родственники пригласят их на обед, а потому отпевают его «громко, все хорошо, облачившись в мантии и прочие церковные одежды, и отпевание проходит необычайно пышно». Когда же умирает бедный человек, они, напротив, «ведут службу очень тихо, без всяких облачений», торопясь поскорее прочесть молитву, а потому «бормочут ее сквозь зубы».

В приходах Уарвиль (уроженцем этой деревни был жирондист Бриссо), Мутье, Лувила, Имонвиль и Френе-л'Эвек в Босе составили совместный наказ, где потребовали, чтобы таинства, похороны и прочие требы совершались бесплатно.

Прихожане жаловались на корыстных священников, которых никогда нет на месте и которые дурно обращаются с бедными. Нерадивость кюре прихожане объясняли их пристрастием к «жизни светской и несправедливой». Пристрастные к «нечестивой жизни»

кюре вели себя «непристойно» и пренебрегали своими обязанностями священнослужителей. В трети наказов содержалось требование, чтобы кюре вели «достойную жизнь». Исполнение этого требования было сопряжено с дисциплиной, о соблюдении которой должен свидетельствовать ряд внешних признаков. Приходской священник не должен был пренебрегать своим костюмом, ибо в те времена платье было социальным символом и отражением морального облика. В деревне Юмпо жители считали, что местные священники похожи на солдат (свидетельствуя тем самым о дурном образе жизни этих священников), а потому записали в наказе, что «вышеуказанные кюре и церковники плохо справляются со своими обязанностями и одеваются столь небрежно, что похожи не на священников, а на солдат, ибо они носят бороды или густые усы, широкие штаны с накладными бедрами, рубашки с кружевами и дражные колеты». Уарвиль и еще четыре деревни в Босе потребовали, чтобы священники одевались только в простое сукно, а после мессы отправлялись бы домой заниматься делами, а не шли играть в карты или в мяч, не ездили бы на празднества, ярмарки и рынки.

Наиболее резкая критика исходила из прихода Фонтене-сюр-Эр; тамошних прихожан возмущала роскошная жизнь местных каноников, сеньоров и кюре. Жители нарисовали критический портрет каноников Нотр-Дам де Шартр: «Так, множество имущества, которым владеют вышеуказанные деканы и капитул, употребляется не на дела богоугодные или дела милосердия, а на разврат и разгул; каноники пищу едят прямо вместе с лошадьми, собаками и птицами, и каждый день едят так плотно, что вряд ли даже сам наш господин король, наши принцы и вельможи держат такой обильный стол».

В деревне Арпантиньи, где большинство жителей во главе с сеньором были протестанты, также выражали возмущение поведением приходских священников, небрежно одетых, посещавших «таверны и прочие запрещенные и непристойные места». Эти священники часто слонялись «между городом и де-

ревней, лишь бы не исполнять своих обязанностей, занимались разными вещами и даже вели дела торговые», в то время, как положено им было «отвечать за души и не избегать забот о спасении своей паствы, а, напротив, наставлять ее в том, какую потрeбно вести жизнь, дабы получить спасение».

Решение, по разумению глав семейств деревни Шодон, состояло в том, чтобы запретить священникам накапливать имущество. Это мнение разделяли 18% жителей приходов. Четвертая часть всех наказов требует, чтобы приходские священники знали основы всех наук, а также пребывали в расположении духа, позволяющем исполнять свои обязанности. Жители Шартренвилье предложили проводить экзамены, дабы будущие церковники ответили на ряд вопросов, и к исполнению должности допускать только тех, чьи ответы будут «удовлетворительными». Идеальный портрет приходского священника набросали жители деревни Вов: «Пусть тот будет избран приходским священником, кто способен вести службу и имеет добрый нрав, кто человек ученый и хорошего роду, кто ведет простой образ жизни и не одевается в непотребные одежды, какие носят теперь».

Подчеркнем слово «избран», употребленное жителями деревни Вов. В самом деле, в 28% наказов выражено пожелание прихожан самим избирать своих священников. Прихожане хотели вернуться к традиции церковных выборов. Однако известно, что приходских священников стали избирать только после конкордата 1516 года, подписанного Франциском I и римским папой. Поэтому прихожане не столько восстанавливали ситуацию, сколько выступали в роли новаторов, тем более что желание выборности приходских священников было совершенно недвусмысленным. В Илье выборы духовных лиц считали «делом святым и похвальным», в Лешен-Доре говорили о «призванном народе» и утверждали, что ни на одну церковную должность не следует назначать без «вышеуказанных выборов». В Сен-Престе были уверены, что выборы станут верным средством возвра-

щения приходских священников в свои приходы, ибо если священник станет слишком часто покидать свой приход, его смогут сместить, избрав на его место человека, который будет постоянно проживать в приходе. Пять босских деревень, составивших общий список наказов, высказали аналогичное предложение и добавили, что, «когда место станет вакантным по причине смерти вышеозначенного священника, можно будет выбрать следующего священника, человека достойного, знающего, и выбирать его будут люди благородные, служители правосудия, служители церкви и представители третьего сословия».

В Шодоне были менее категоричны и соглашались на компромисс. Тамошние жители понимали, что подобное новшество произведет настоящую революцию в лоне католической церкви. И они предлагали, чтобы при отсутствии приходского священника «его должность занял бы человек грамотный, добропорядочный и добронравный, коего бы представили раздатчики бенефиций, дабы прихожане могли его одобрить».

Итак, мы убеждаемся, что установленная кальвинистами выборность пасторов, избираемых старейшинами консистории, отвечала глубинным чаяниям народа, по крайней мере сельских жителей бассейна Сены. Прихожане верили, что если им дадут право выбирать священника для своего прихода, они, наконец, получат священнослужителя, который укажет им истинную дорогу к спасению. Сами того не сознавая, подобными рассуждениями они расшатывали иерархическую систему, на которой покоился фундамент католической церкви. Известно, что введение выборной системы в период революции 1789 года повлекло за собой острый кризис в среде церковников, разбившихся на два лагеря — священников, присягнувших конституции, и тех, кто не принял революционной присяги. В департаменте Эр-и-Луара большинство отдало свои голоса за присягнувших. Почти весь бальяж Шартр входил в этот департамент, поэтому можно считать, что в этом регионе обе эпохи связаны прочной нитью традиции.

Крайне мало наказов связано с десятиной, просьбы облегчить бремя десятины содержались всего в 14% наказов. Но так как в Босе десятина была пропорциональна не собранному урожаю, а обрабатываемым землям, бремя ее в этом краю было более легким. Таким образом, отсутствие данных жалоб обусловлено особой ситуацией в этом краю. Остались вне критики и монахи. Только в двух наказах, один из которых составлен протестантами, а второй написан викарием, высказывалось требование запретить монахам бродить по краю и повелеть им жить исключительно у себя в монастырях. Большое внимание было уделено соблюдению общественной морали, и в частности, высказывалось пожелание наказывать штрафом богохульников: такое требование содержалось в 26% наказов.

Только 20% селений затронули проблему помощи бедным. В деревне Треон было высказано пожелание распределять излишки из доходов духовенства среди «божьих бедняков». В Илье и кальвинисты, и католики пошли еще дальше и предложили провести национализацию имущества духовенства, чтобы изыскать средства на борьбу с бедностью. Жители четырех деревень, расположенных в районе Перш-Гуэ, а именно Лезис, Лекорве, Лешен-Доре и Пюи-де-Вильбон, сообщали, что бедняков и страждущих не принимали в приюты, больницы и странноприимные дома, а за последние двадцать, а то и все тридцать лет на нужды бедных не было выделено «даже куска хлеба». Они предлагали сделать выборной должность раздатчика милостыни, дабы по прошествии определенного времени тот мог отчитаться перед теми, кто его выбрал.

В бальяже Шартр, похоже, верили в действенность выборного принципа для приходских священников и администраторов приютов. Такие умонастроения еще раз подтверждают, что среди сельских жителей сформировалась элита, способная продуцировать новые политические идеи.

Не все наказания уделяли пристальное внимание вопросам, связанным с церковной жизнью. В 18% нака-

зов церковь не упоминается вовсе, не затронуты эти вопросы и в наказах деревни Бевиль-ле-Конт, за проведением выборов в которой мы имели возможность наблюдать. В наказе этой деревни говорится, что церковные вопросы надо «передать в ведение короля». Жители 20% приходов были озабочены исключительно материальными проблемами, связанными с церковной жизнью.

Таким образом, в 30% наказов вопросы, связанные с церковью, практически не затронуты. В других наказах, содержащих требования религиозного характера, в 22% случаев речь идет о непримиримых католиках, выступавших за полное уничтожение протестантов, в 32% наказов вопрос о протестантах не затрагивался, и только 2% наказов были составлены людьми, откровенно выразившими свою приверженность новой, реформатской вере.

Наказы, содержавшие отрицательное отношение к «религиозным различиям», на 80% составлены крестьянами. Наказы, где совершенно сознательно нет ни единого слова на столь важную для того времени религиозную тему, были написаны викариями (40%), крестьянами (40%) и служителями закона (20%). Наказы, не затрагивавшие религиозных проблем или касавшиеся только материальных проблем церкви, в 80% случаев были составлены крестьянами.

Подводя итог по группам составителей или вдохновителей наказов, отметим, что 60% крестьян остались равнодушными к вопросам религии или интересовались только материальной стороной вопроса, в то время как оставшиеся 40% крестьян поделились на непримиримых католиков и тех, кто не предаст анафеме протестантскую реформу. Служители закона в большинстве своем были сдержанны в высказываниях против протестантов, и только 20% выказали себя непримиримыми католиками.

Наиболее неожиданные, на наш взгляд, результаты дает анализ взглядов викариев — викарии никогда не проклинали протестантов. В деревне Илье было составлено две грамоты с наказами: одна — воинствующими католиками, а другая — столь же во-

инствующими протестантами, и обе отличались крайней непримиримостью.

Таким образом, мы убеждаемся, что сельские жители смело высказывали собственные точки зрения, однако широко обсуждались прежде всего вопросы религии, которые, на взгляд тогдашних селян, были наиболее важными.

Для сельских наказов XVI века характерна также содержащаяся в них социальная критика, зачастую очень острая.

Острая социальная критика в адрес элиты

В XVI веке жалобы на дворянство, духовенство, бремя феодальных повинностей, должностных лиц, городскую буржуазию содержались в 37,7% наказов, в то время как в 1789 году в том же бальяже Шартр эти жалобы имелись всего в 25% наказов, а в соседних Мене и Перше — также накануне революции — только в 20% наказов. Мы получили возможность убедиться, какой суровой критике подверглось духовенство. Не пощадили избиратели и дворян. В 54% наказов о дворянах отзываются в достаточно жестких выражениях. До полного отрицания значимости дворян дошли в селении Лешен-Доре в Перше. Тамошные жители видели в дворянах социальных паразитов, ставших причиной гражданской войны, и заявляли, что дворяне «богатые и бесполезные».

Дворян обвиняли в насилии, тирании и грабежах, в том, что они, угрожая оружием, забирали лошадей, чтобы идти на войну, насильно отрывали землепашцев от земли и заставляли работать на себя, силою принуждали работать на мельнице.

В наказах, составленных католиками из Илье, о дворянах пишут следующее: «...множество дворян ведет дурной образ жизни, грубо обходятся с бедным народом, заставляют бедный люд работать непосильно, бьют его и велют бить своим слугам, людям без роду и племени, и забирают у народа то, что им понравилось, и вынуждают народ платить слишком

большие подати, и принуждают давать им взаймы, и не отдают долгов, и всячески тиранствуют».

Тирания дворян проявляется особенно ярко, когда речь заходит об уплате долгов. Дворяне имели обыкновение не платить своим поставщикам (сцена между Дон Жуаном и господином Диманшем является типичной моделью таких отношений). Как следствие, на имущество дворянина налагался секвестр, однако приставы, на чью долю выпадала реализация этих постановлений, боялись относить извещение в замок или в дом, где жил дворянин, опасаясь, что их могут побить или даже убить. Поэтому, прибыв в деревню, расположенную на земле, принадлежавшей сеньору, пристав выбирал среди почтенных земледельцев комиссара и поручал ему отнести в жилище дворянина судебное постановление. Крестьянин, разумеется, отказывался, зная, чем ему это грозит. Жители деревни Прюне-ле-Жийон писали об этом так: «Когда какой-нибудь земледелец или простой человек назначается комиссаром, вышеуказанные дворяне грозятся его поколотить и оскорбляют его, и чаще всего они исполняют свои угрозы». Видя, что комиссар не справился с поручением, судебный исполнитель требует от него заплатить отступного: тогда он снимет с селянина эту обязанность. Земледелец предпочитал заплатить, надеясь, таким образом, выпутаться из деликатного положения. Судебный исполнитель начинал все заново, и так несколько раз, пока не собирал нужную сумму.

В наказах, составленных протестантами, содержатся яростные нападки на таких судебных исполнителей. В Липланте судебных приставов обвиняли в «изворотливости» и в трусости. Были даже предложения назначать судебными исполнителями только тех, у кого «сильные руки», то есть тех, кто способен оказать физическое сопротивление драчливым дворянам. В Прюне-ле-Гийон предлагали более мягкое решение: запретить возлагать обязанность вручать судебные повестки на земледельцев или кого-либо из жителей деревни, а поручать самим дворянам доставлять повестки своим собратьям. В нескольких

наказах предлагается исключительно простодушное решение: судебные постановления надо вывешивать на дверях церквей, и там дворяне их увидят, когда придут к мессе. Или же — еще проще — пусть дворяне примут решение вести себя «более человечно» и откажутся «мучить бедных земледельцев».

В четвертой части изученных наказов внимание приковано к еще одному явлению, крайне возмущавшему тогдашних деревенских жителей: это экономическая конкуренция со стороны дворян. Крестьяне полагали справедливым запретить дворянам брать в аренду фермы и заниматься торговлей. Если дворяне хотят заниматься недворянскими занятиями, писали они, пусть тогда платят талью (подушную подать), как платят ее представители третьего сословия. Теоретически и арендаторство, и занятие коммерцией были запрещены дворянам на основании специального кодекса, нарушитель которого мог лишиться дворянского звания. Тем не менее в XVI веке в Босе эти правила не соблюдались, отсюда и жалобы крестьян. Несоответствие занятия и положения исчезнет при правлении Людовика XIV, который сумеет справиться с дворянской вольницей. Поэтому в наказах 1789 года о «неподобающих» занятиях дворянства уже не упоминается.

В наказах, составленных накануне революции, главной темой является недовольство крестьян сеньориальными и феодальными правами. В 1576 году об этих правах упоминается только в 30% наказов. Основные спорные вопросы были связаны с землями, входившими в состав фьефов. Теоретически эти земли принадлежали дворянам, а фактически находились в руках собственников-крестьян. Множество фьефов было поделено на части или раздроблено на мелкие участки, доставшиеся людям низкого происхождения в результате продаж и наследований. Земледельцы, имевшие несчастье приобрести часть бывшего фьефа, были обязаны, согласно феодальному праву, оставлять эти земли старшему сыну. Другие земли, принадлежавшие собственнику, могли быть поделены на равные части — согласно эгалитарному

обычаю бальяжа Шартр, применяемому к землям людей незнатных. В четверти наказов было выдвинуто требование не применять феодального права к землям фьефов, доставшихся людям незнатным.

Еще одна местная проблема связана с капитулом Нотр-Дам де Шартр. Капитул был наделен всеми сеньориальными правами и жестко требовал от всех уплаты податей. Натуральные налоги, шампар и авенаж, были гораздо более высокими, от 11 до 16%, в то время как в целом средний процент этих налогов был равен всего 8. Десятая часть наказов содержала нападки на грозный капитул, и в строках этих наказов звучала жажда мести.

Церковников обвиняли не только в стремлении к наживе. Будучи крупными землевладельцами, они вводили экономические новшества, что противоречило их общественной миссии облегчать нищету и помогать бедным, а также ставило их в конкурентные отношения с крестьянами. Значительная часть земель была сдана в долгосрочную аренду (по сути, бессрочную, на девяносто девять лет), но во второй половине XVI века земельная рента резко подорожала, и землевладельцы стали заставлять арендаторов брать землю в краткосрочную аренду (три, шесть или девять лет). Крестьяне, чья аренда — до настоящего времени вполне посильная — внезапно взлетела вверх, не могли платить и были вытеснены с земель, которые они возделывали из поколения в поколение.

В ряде наказов выражено недовольство увеличением арендной платы. Жители Лешен-Доре, настроенные весьма критически по отношению к дворянству, которое они полагали богатым и ненужным, без колебаний вступали на тропу классовой борьбы, утверждая, что теперь земли сдают в аренду только «толстым господам». Жители деревень Ис и Корве объясняли, что «их дети и наследники» расчистили и очистили от мусора вышеуказанные земли, построили там дома, сделали эти земли плодородными, и те участки, что некогда были «тощими», теперь стали «тучными».

Арендаторы, взявшие землю в долгосрочную аренду, не видели разницы между арендуемыми землями и землями, владельцами которых они были и за которые они выплачивали небольшую поземельную подать сеньору. Поэтому они считали, что «господин, который гонит их ударами толстой палки и судебными процессами» с земли, совершает величайшую несправедливость.

Социальные последствия таких изгнаний были устрашающими: лишившись земли, а с ней и дома, несчастные крестьяне оказывались на улице и вынуждены были выпрашивать подаяние. Составители наказов писали: «Две или даже три сотни бедняков, малых детей, несчастных девушек, мужчин и женщин без счета (...) не имеют никаких средств (...) и им негде жить». Просили они лишь о том, чтобы им дали возможность «обрабатывать землю и есть свой черствый черный хлеб, заработанный в поте лица, своим горбом, на палящем солнце». И добавляли: «Что же можно сказать о тех священниках, о таком милосердии и о такой религии, что допускает подобные ужасы!»

Духовенство и дворянство были не единственной элитой, на которую жители деревни указывали как на своих угнетателей. Еще одной мишенью словесных инвектив был город. Почти треть наказов содержит мстительные выпады в сторону города. Город рассматривается как место, где делаются деньги. Жители Треона, например, полагали, что в городе «находятся все финансы королевства», а протестанты из Илье обличали «наглость городов, снимающих сливки со всей остальной страны». Жители Лешен-Доре подозревали горожан в «нечестно нажитых богатствах», нажитых в ущерб деревне; они были уверены, что, разоблачая горожан, они помогают королю. Обитатели Фонтене-сюр-Эр и многих других деревень обрушивались на горожан-ростовщиков, утверждая, что городские жители, когда дают деньги в долг, вернуть требуют «вдвое больше», то есть пользуются бедственным положением крестьян, разоренных солдатскими набегами и постояями, в то время

как крестьяне хотят не наживаться, а всего лишь восстановить разрушенное хозяйство.

Город для сельских жителей был местом пребывания должностных лиц, взимавших налоги, или, говоря языком крестьян, представителей власти, обогащавшихся в ущерб государству и наживавшихся на людской бедности. Впрочем, под словом «город» в наказах подразумевалась не только столица бальяжа Шартр, но и соседние города — Орлеан и Дре, а также маленькие укрепленные поселения, обнесенные стеной, такие как Галардон, Курвиль, Илье.

Селяне возмущались вмененной им обязанностью бесплатно трудиться на восстановлении укреплений Шартра, особенно потому, что их при этом не кормили и еду приходилось приносить с собой. В своих записках за 1591 год некий горожанин, лигист из Шартра, свидетельствует, что множество крестьян, работавших, действительно, в ужасающих условиях, умерли во время осады Шартра.

Между деревней и городом постоянно существует недопонимание. В Шартре соляной склад открывался только в одиннадцать часов, а то и в полдень. К этому времени перед воротами его собиралась огромная толпа, и тем, кто пришел последним, приходилось очень долго ждать, чтобы купить нужную им соль. И «бедному человеку из деревни» приходилось возвращаться домой ночью, «подвергая опасности свою жизнь». В наказах высказывалось пожелание открывать склады в семь или восемь часов утра, чтобы деревенский житель без труда мог совершить покупку и вернуться к себе домой в промежутке между восходом и заходом солнца.

Острая и грозная социальная критика в речах сельских жителей XVI века не обладала четко выраженной дифференциацией. Чаще всего селяне выбирали своим объектом ближайшую мишень: приходского священника, местного сеньора, шартрского каноника, чиновников, горожан. Но в ряде наказов критикой не обошли и государство: в его адрес звучит множество жалоб, но — подчеркнем — ни одна из этих жалоб не затрагивает короля.

Государственная реформа глазами сельских жителей

Большая часть требований сельских жителей касалась налоговой политики, отправления правосудия, насилия, чинимого военными, и поддержания порядка. И все же в 14% наказов есть высказывания относительно состава основного органа власти — королевского совета. В наказе жителей деревни Лалуп, что в Перше, содержится весьма оригинальное предложение формировать этот совет исключительно из провинциальных депутатов, по двое от каждой провинции, причем один депутат должен быть дворянин, а второй из третьего сословия. Платить этим депутатам должен не король, а сами провинции, ибо только так можно гарантировать независимость депутатов. Избираться эти депутаты будут всего на три года. В этом же наказе выражалось пожелание собирать регулярно Генеральные штаты, с периодичностью раз в шесть лет.

В деревнях Липланте, Сен-Лу и Эрменонвиль-ла-Птит выдвигались более скромные требования: тамошние жители хотели, чтобы в каждой провинции раз в семь или десять лет избирали одного сеньора, «дабы он трудился для народа». И всякий раз, когда решаются вопросы о налогах, займах и размещении на постой, сеньор этот высказывал бы свое аргументированное мнение.

В ряде наказов озабоченность государственными делами выражалась, например, в желании устранить от управления женщин (разумеется, это был прозрачный намек на Екатерину Медичи) и иностранцев (этот наказ метил в снискавших повсеместную ненависть итальянцев из окружения Екатерины Медичи). Численность подобного рода наказов довольно велика — они составляют 26% от общего числа наказов, где затрагиваются вопросы, связанные с государством.

В целом сельские жители не выступали с проектами установления конституционного строя, они верили королю и считали, что именно король сможет

навести порядок в государственных институтах. В наказах разоблачались наиболее частые злоупотребления, мешавшие селянам вести нормальное существование, например, насилие со стороны военных (в 49 наказах из пятидесяти). Рассказы о грабежах, насилиях, вымогательствах, бесчеловечных и варварских поступках свидетельствуют о том, насколько глубоко гражданская война вторглась в общественную и культурную жизнь деревни.

Жители Прюне-ле-Жийон рассказывают, как солдаты поджигали пятки маленьким детям, чтобы заставить их родителей отправиться в город и покупать там для них изысканные кушанья, как то паштеты из рябчиков и бекасов, которых в деревне никогда не ели. Составитель наказа деревни Бугленваль с чувством повествует о том, какие ужасы творили солдаты, проходившие через деревню, и описывает случай, произошедший в июне 1576 года: «Они захватили нескольких человек и назначили за них огромный выкуп, но при этом они оскорбляли заложников и били их; а еще они грабили дома, выносили вещи, уводили лошадей, насиловали женщин и девушек (...), разбивали сундуки, кровати, скамьи, столы и прочую утварь (...), уводили телеги (...), резали скот и скармливали его собакам».

Сталкиваясь с варварством, жители бежали в леса, бросали свой скарб, чтобы легче было спрятаться в лесу или в городе. Но горожане косо смотрели на беженцев, заставляли их работать бесплатно и не кормили, селили в ужасных условиях и заставляли платить за продукты втридорога. Крестьяне, проживавшие в одной деревне с местным дворянином, были лучше защищены, ибо дворянин чувствовал себя исконным защитником своих людей, а потому отправлялся к начальнику проходящего отряда и убеждал того пощадить его деревню и его владения. Приходы же, принадлежавшие королю или духовенству, подвергались оккупации отрядами солдат и вынуждены были терпеть все ее ужасы. Обитатели этих приходов часто робко поднимали свой голос против такой несправедливости.

Вторым бичом сельских жителей были талья, габель, налоги на товары и алчность чиновников. Решения, предлагаемые крестьянами, не были оригинальны: снизить налоги, вернуться к мифическому времени доброго короля Людовика XII, оставшегося, судя по трети всех наказов, в памяти крестьян образцовым государем, заставить раскошелиться нечестных казначеев.

В наказах появляются и свежие идеи: пусть король продаст часть имущества духовенства, которое, по мнению крестьян, накопило этого имущества в избытке. Или пусть духовенство добровольно расстанется с частью своего имущества и таким образом поможет монарху покрыть «дефицит». Пусть сделают должность распределителя тальи выборной.

Когда речь заходит о системе правосудия, в 84% наказов критикуются существующие институты. Однако известно, что злоупотребления в области правосудия сохранялись вплоть до крушения Старого порядка: правосудие слишком медленно и слишком дорогостояще, слишком многоступенчато. В более чем четвертой части наказов требуют покончить с продажностью чиновников и установить выборность судей. И, как объясняют жители деревни Вов, хорошо бы, чтобы нотабли исполняли свои обязанности добровольно и в течение определенного срока. Жители Лезиса и Вильбона называют продажность чиновников «дьявольской», а на выборность судей смотрят как на «дело ангельское». Выборы, которые они предлагали, были бы весьма демократичными, потому что в них должны были принимать участие все, кто в состоянии предстать перед судом. Известно, что во время Французской революции Учредительное собрание вернулось к идее выборности судей, и наш сегодняшний уголовный суд присяжных, созданный по английской модели, является единственным судебным институтом, отвечающим давним чаяниям народа.

В деревне Бреваль была выдвинута оригинальная и новая для своей эпохи идея: пусть правосудие выносит свои решения «в форме советов», то есть создаст

арбитражный суд, который должен будет более заботиться о том, чтобы примирить враждующие стороны, а не соблюсти букву закона или же применить правовые нормы.

Обеспокоенность состоянием экономики выражена всего в 8% наказов шартрского корпуса, в 13% наказов шателенств Труа и в 14% наказов города Труа. Возглавляет список экономических проблем требование устранить монетарную нестабильность и сделать стабильным курс. Решением этих проблем, по мнению сельских жителей, должен был заниматься сам король. Пожелание унификации мер веса и длины мы находим в 18% наказов. Сельские жители также говорили о недостроенных мостах и дорогах, переставших соответствовать своему назначению, так как никто не поддерживал их в порядке по причине гражданской войны, о дорожных пошлинах, о долгах и об уменьшении сроков аренды.

Предложения, выдвигаемые крестьянской элитой, свидетельствуют о том, что уже в эпоху Религиозных войн в деревнях существовало определенное «общественное мнение», предлагавшее разумные решения проблем. Политические рассуждения селян неминуемо приводили их к мысли о необходимости занять позицию по отношению к обоим политико-религиозным течениям, существовавшим в тогдашней Франции.

Политические разногласия во французской провинции

Исследуя наказания, можно выявить определенные политические тенденции, зависящие от того, насколько сельские жители настроены принимать или не принимать протестантов:

в 22% наказов выступают против «различия религий»;

в 38% наказов мнения по этому вопросу не высказывают или высказывают, но только в связи с проблемами «материального характера»;

в 2% наказов жители открыто признают себя сторонниками так называемой реформированной церкви.

В остальных, то есть в 38% наказов, нет выпадов против протестантов, зато содержится резкая критика существующих церковных порядков, означающая, что авторы этих наказов готовы принять «политическое решение» гражданской войны. Следовательно, можно сказать, что жители бальяжа Шартр, граничащего с землями Боса, Перша и Тимерэ, поделились в своих конфессиональных и политических пристрастиях: немногим больше пятой части жителей проявили себя как «непримиримые католики», почти две пятых встали на сторону «политиков» и столько же на сторону «людей без мнения»; протестанты открыто заявили о себе всего в одном наказе, хотя наверняка сторонников новой веры было значительно больше.

Политический пейзаж бальяжа Труа выглядит приблизительно так же, подтверждая наши предположения, что результаты, полученные на основании модели, примененной к исследованиям наказов бальяжа Шартр, в целом соответствуют состоянию дел во всем Парижском бассейне.

Для выявления картины политических разногласий можно выбрать и иные критерии, более понятные читателю нашего XXI столетия, и прежде всего критерии, на основании которых впоследствии будут производиться опросы общественного мнения. Так:

в 40% наказов жители хотят избирать судей, приходских священников, сборщиков налогов, военачальников и администраторов странноприимных заведений;

в 44% наказов содержатся такие радикальные требования, как искоренение взяточничества среди чиновников, отмена десятины или габели, решение вопроса о наделении земель, привлечение к ответственности горожан, дворян, военных и ростовщиков;

в 12% наказов содержат оба вышеуказанных критических положения, в 8% к вышеуказанной критике прибавляются новые пункты.

Таким образом, можно прийти к выводу о существовании в деревне радикальной политической мысли и стремлении к демократическим выборам. Эти стремления присущи жителям по крайней мере 40% приходов бальяжа Шартр. Сходные результаты получены также при исследовании наказов из бальяжа Труа.

В заключение скажем, что в эпоху Религиозных войн сельские жители отнюдь не пассивно относились к происходившим вокруг них событиям, а внимательно следили за изменениями политической ситуации и высказывали совершенно новые политические взгляды.

ЛИГА И ЛИГИСТЫ

Как мы могли убедиться, не только протестанты были носителями новых политических идей, но мелкопоместное дворянство. Это доказывает, что значительная часть населения была недовольна абсолютной монархией в том виде, в котором она существовала в период Религиозных войн. Это недовольство объясняет успех лигистов, представших перед обществом в облике радикальных революционеров.

Социальные и культурные истоки Лиги

С самого начала Религиозных войн в крупных и мелких городах стали возникать группы защиты, организованные католиками, напуганными активностью протестантов и репрессиями с их стороны. В Ажене королевские чиновники жаловались, что протестанты «охотятся на священников и монахов, как охотятся на кроликов в Босе». Именно страх перед протестантами побудил католиков в 1561 и 1563 годах создать две первые лиги. Члены лиги брали на себя обязательство «жить согласно заповедям католической веры и предупреждать друг друга о мятежах, затеваемых протестантами, дабы иметь возмож-

ность подавить их». Такие же цели ставило перед собой товарищество, организованное в это время в Дьеппе. В Бордо было сформировано шесть отрядов под предводительством цеховых старшин. Эти отряды включали три тысячи человек. Таким образом, существовавшие в то время городские институты становились опорой для новых военно-политических формирований.

В Аквитании по инициативе Блеза де Монлюка было создано вооруженное формирование из дворян и сельских жителей, готовых в случае возобновления военных действий отразить нападение, если Монлюка с его отрядом в это время не окажется на месте.

В марте 1563 года архиепископ, первый президент парламента и члены капитула Тулузы (муниципальные власти города), епископ Альби и многочисленные нотабли городов юго-западной Франции обратились к Монлюку с просьбой помочь им создать «союз» для сохранения «веры» и оказания отпора «врагам его величества». Каждый город готов был выдвинуть по два депутата, обязанных дать клятву защищать католиков и короля.

В Бордо дворяне, объединившиеся вокруг Анри де Фуа, графа Кандаля, проявили такую активность, что проигнорировали приказ королевы-матери о роспуске своей организации. За исполнением приказа Екатерина поручила проследить Монлюку. Участие в этой лиге предусматривало членские взносы и собрания по воскресеньям.

По воспоминаниям Мишеля де Кастельно, летом 1564 года лиги были созданы в Турени, Анжу и Мене. Это свидетельствует о том, что, несмотря на принятый 19 марта 1563 года Амбуазский эдикт, католики не верили в возможность длительного мира. Епископ Ле-Мана Шарль д'Анжен призывал дворян своего обширного диоцеза вступать в лигу, организованную в Мене.

В Бургундии в 1567 году под руководством дворянина де Таванна было сформировано сразу две лиги. «Создание этих товариществ крайне изумило гугенотов, — писал он, — они поняли, что теперь их будут

разить их же оружием, то есть придуманным ими братством. Изобретательность будет противопоставлена изобретательности, лига выступит против лиги». Будущий маршал Франции провел ревизию имевшихся в наличии сил католиков. В каждом городке были созданы отряды ополченцев. Самых зажиточных обязали держать наготове лошадей, чтобы при необходимости их можно было забрать для военных нужд. Те, кто имел «состояние среднее», должны были держать наготове аркебузы и «прочные морионы». Во всех городах были организованы «комитеты надзора». В Шалоне руководитель лиги носил звание приора и исполнял обязанности капитана цитадели.

Идея объединить разрозненные группы самозащиты в рамках бальяжа или провинции зародилась во многих умах. Организации, объединявшие церковников, дворян и горожан, возникали повсюду: в 1567 году — в Лимузене и в Наварре, в 1568 году — в Шампани, Берри и Комменже.

Чаще всего эти организации именовали «братствами», по образцу старинных институтов, религиозных и общедоступных одновременно, объединявших людей под эгидой святого покровителя. В такие братства входили представители различных ремесел. Братства имели свои часовни, где проводили собрания и служили мессы за упокой души усопших товарищей. Бюджет таких братств состоял из членских взносов, даров и милостыни. И хотя целью этих союзов было наставление на путь истинный и дела милосердия, они нередко становились ведущей силой городских восстаний. Этот тип общественно-религиозных организаций настолько прочно укоренился в городах, что члены братств участвовали в мероприятиях по поддержанию порядка.

В городских корпорациях ремесленников было немало протестантов, именно ремесленники наиболее ревностно относились к исполнению религиозных обязанностей, так как и сами они, и большинство членов их семей умели читать и писать. Ответственные лица, исповедовавшие католичество, прекрасно

понимали необходимость сохранить вооруженные отряды ремесленников в тех городах, где преобладали сторонники католической церкви. По их мнению, эти отряды должны были стать основной силой будущей католической реконкисты. В ряде городов запахло крестовыми походами. В Лиможе, например, члены братства выбрали в качестве отличительного знака приколотый к шляпе оловянный крест, в Тулузе, оплоте воинствующего католицизма, — нашитый на одежду белый крест.

В 1576 году король Генрих III принял решение объединить все движения, чтобы использовать накопленный ими потенциал с пользой для себя.

Лига 1576 года

Движение «недовольных», объединившее политизированных протестантов и католиков и возглавленное братом короля герцогом Алансонским, прекратило свое существование 5 мая 1576 года, в день подписания мира в Болье. Этот договор, полностью подготовленный королевой-матерью, намеревавшейся таким образом примирить двух своих сыновей, пребывавших в состоянии ожесточенной войны друг с другом, на самом деле явился поражением католической партии и короля, эту партию олицетворявшего. Никогда еще протестанты не получали столько свобод: теперь они могли открыто проповедовать свою веру по всей Франции, кроме Парижа и королевского двора. Жертвы Варфоломеевской ночи, и прежде всего Колиньи, были реабилитированы. Войска протестантов теперь находились под защитой крепостных стен восьми городов, при парламентах организовали совместные судебные палаты, половина членов которых была протестантами. Гиень и область Конде в Пикардии перешли под управление короля Наварры.

Возмущению католической партии не было предела, и мало кто понимал, что Екатерина Медичи, заинтересованная прежде всего в примирении сыно-

вей, ставила свои интересы выше интересов римско-католической церкви.

Постепенно в разных городах страны стали возникать сообщества, выступающие против вышеупомянутого соглашения. В Париже парфюмер Лабрюйер, предок великого писателя XVII века, и его сын, советник в Шатле, организовали группу противников договора. По словам члена этой организации, Жака Антуана де Ту, они ежедневно встречались на тайных собраниях. Отец де Ту, президент парламента, ничего о них не знал. А он обязан был сурово карать каждого за участие в такого рода сборищах: католическое сопротивление было предписано подавлять в зародыше. В Париже лигистам не удалось создать массовую организацию, но в провинциях им сопутствовал успех. Трех губернаторам католикам удалось сохранить за собой свои посты: д'Юмьеру в Пероне, Рюфеку в Ангулеме и Лашатру в Бурже.

Когда 5 мая 1576 года стало известно о назначении Конде губернатором Пикардии, Жак д'Юмьер направил прошение королю, в котором умолял его величество не допустить захвата города Перона протестантами и размещения там протестантского гарнизона. Вокруг д'Юьера объединились сто пятьдесят пикардийских дворян, во главе с Жаком д'Аланкуром, знаменосцем роты герцога д'Омаля (принадлежавшего к младшей ветви дома Гизов), и Антуаном д'Эстурмелем, капитаном гарнизона Гизов. Эти люди создали тайную трехуровневую организацию, руководил которой выборный совет. Вскоре к лигистам присоединились и другие города Пикардии: Амьен, Абвиль, Сен-Кантен, Бове и Корби. Так началось возрождение движения, которое после ночи святого Варфоломея почти сошло на нет.

В Пуату Луи де Тремуиль герцог де Туар вместе с шестьюдесятью дворянами создал лигу, цели которой были сходны с целями лиги в Пикардии. Губернатор Бретани герцог Монпансье (принадлежавший к младшей ветви дома Бурбонов) получил указание бороться с «тайными сборищами». Бывшие участники гражданской войны сформировали свою органи-

зацию и в Руане. Повсюду дворяне выступали инициаторами создания отрядов сопротивления, и слухи об этом быстро облетели всю страну. До Парижа дошел слух о создании Святой Лиги, членами которой стали король Испании, папа и большая часть французской знати. Наиболее осведомленные утверждали, что в нее вошел даже сам император Священной Римской империи. Король подозревал, что возглавляют мятежную организацию Генрих де Гиз, его брат герцог Майеннский и его отчим герцог Немурский. В августе король повелел Гизам дать клятву соблюдать соглашение о мирном урегулировании, и они исполнили его приказ.

До сих пор не обнаружено ни единого доказательства, способного подкрепить подозрения Генриха III. Разумеется, говорили, что д'Юмьер, проиграв процесс против Монморанси, сблизился с Гизами. Ни для кого не были секретом связи д'Аланкура и д'Эстурмеля с Лотарингским домом. Тем не менее в Пикардии Гизы не совершили ничего, что доказывало бы их причастность к подпольной деятельности. Разумеется, они всегда были готовы взяться за оружие, чтобы отстаивать свои интересы, и не скрывали этого. Вполне вероятно, что они незаметно подталкивали к таким выступлениям и своих сторонников в провинциях. Обращение делегации дворян к королю с просьбой доверить командование национальной лигой герцогу Генриху Гизу могло бы свидетельствовать о причастности герцога к заговору, однако среди дворян престиж дома Гизов, а особенно его главы, был столь высок, что просьба вполне могла быть сделана от чистого сердца.

В сражении при Дормане на Марне Генрих Гиз одержал победу над немецкими наемниками-рейтарами. В бою он был тяжело ранен: пуля, выпущенная из аркебузы, снесла ему половину щеки. Оставшемуся после этого шраму он был обязан прозвищем Меченый. Рана оказалась настолько тяжелой, что он был вынужден отбыть в Эперн, где в бездействии провел целых шесть недель. Окруженный ореолом воинской славы, Меченый пользовался авторитетом

среди самых непримиримых католиков. Именно в нем они видели защитника от засилия протестантов.

В то время Гизы были удалены от двора — в отличие от 1584—1585 годов, когда они открыто проводили свою политику. На первый план вышли люди, получившие известность в последнее десятилетие: д'Юмьер, де Туар, д'Эстурмель. Впрочем, среди трех губернаторов, отказавшихся выполнять соглашение, заключенное в Болье, только д'Юмьер был заподозрен в поддержке Гизов; два других губернатора слыли активными роялистами, причем Рюфек мог претендовать на звание «миньона», а Лашатр в то время еще не вошел в число приближенных герцога Алансонского, брата короля.

Отличие Лиги от предшествующих сообществ заключалось в том, что входившие в нее провинциальные организации хотели объединиться на общенациональном уровне. Чтобы о Лиге узнали повсюду, ее члены воспользовались созывом Генеральных штатов. В день открытия Штатов, а именно 2 декабря 1576 года они распространили манифест, озаглавленный «Ассоциация, созданная принцами, сеньорами и дворянами бальяжей». Подписавшие его должны были принести клятву исполнять решения ассоциации и содействовать формированию военных отрядов. Опасаясь, что главой Лиги выберут Генриха Гиза, король решил сам стать во главе этого движения протеста, заявив, что мир в Болье был ему навязан. Он приказал разослать манифест по всей Франции с рекомендацией подписать его.

14 мая 1577 года дворянство и духовенство с одобрения короля отменили эдикт, подписанный в Болье. Под давлением сторонников продолжения войны, депутатов третьего сословия, возглавляемых парижским адвокатом Версорисом, была принята декларация об объявлении войны протестантам. Против этой инициативы выступил знаменитый Жан Боден, депутат от Вермандуа. Боден предложил возродить католическую религию путем милосердия и любви. Ему удалось убедить своих коллег отказаться голосовать за специальные налоги, средства от ко-

торых должны были пойти на военные нужды. Сложилась парадоксальная ситуация: ассамблея представителей третьего сословия, проголосовав за возобновление военных действий, отказала монарху в средствах на их ведение. Такое голосование свидетельствовало о глубоком кризисе в королевстве: с одной стороны Бретань, Гиень, Бургундия, Лионне и Дофине выступали за долгий и прочный мир, достигнутый путем переговоров; с другой стороны Иль-де-Франс, Орлеанэ, Нормандия, Пикардия, Шампань, Прованс и Лангедок вместе с Генрихом III настаивали на продолжении войны.

После короткой войны монарх подписал 25 сентября 1577 года в Бержераке мирное соглашение, за которым последовал Пуатвенский эдикт. Постановление, принятое в Пуатье, аннулировало все статьи эдикта, подписанного в Болье, вызвавшего столь сильное недовольство католиков. Король опубликовал заявление в защиту «лиг, сообществ и братств». Ловко ликвидировав оппозицию, представленную непримиримыми католиками, он одновременно одержал пусть крошечную, но победу над протестантами. В провинции волнения продолжались еще несколько лет, но они носили локальный характер и не грозили подорвать королевскую власть.

С Лигой 1584 года дела будут обстоять совершенно иначе.

Лига Гизов

Детонатором послужила последовавшая 10 июня 1584 года смерть брата короля и наследника трона, герцога Алансонского, ставшего после заключения мира в Болье герцогом Анжуйским. От королевы Луизы у Генриха III не было детей, и хотя королю было всего тридцать три года, никто не надеялся, что у него будет наследник. Обычно, когда монарх умирал бездетным, ему наследовал его младший брат, однако брата постигла преждевременная смерть от туберкулеза.

Согласно основному закону французского королевства, если Капетинги-Валуа более не имели легитимных наследников, корона переходила к другой ветви Капетингов, а именно к Бурбонам, потомкам шестого сына Святого Людовика. Главой этого дома был Генрих Наваррский, сын Антуана де Бурбона и Жанны д'Альбре, предводитель протестантской партии, кузен в двадцать второй степени Генриха III.

Таким образом, при отсутствии у Генриха III потомства мужского пола законным наследником короны становился Генрих Наваррский. Однако согласно другому закону французский монарх должен был быть католиком. В сущности, драматические события, в центре которых оказалась Лига, разыгрывались вокруг юридического конфликта между двумя противоречащими друг другу конституционными принципами. Найти компромисс, приемлемый для обоих лагерей, было крайне сложно, и вдобавок все партии пытались навязать свое решение силой оружия.

Устроив брату пышные похороны, положенные принцу крови и наследнику трона, Генрих III предложил единственный выход, продиктованный здравым смыслом и способный, похоже, удовлетворить всех — это обращение Генриха Наваррского в католичество. И король послал делегацию во главе с герцогом д'Эперноном на переговоры с предводителем дома Бурбонов. Генрих Наваррский принял герцога со всеми почестями, подобающими его званию, но от предложения вежливо отказался, заявив, что Генрих III по возрасту вполне способен произвести на свет ребенка. В отличие от своего отца Антуана де Бурбона, вынужденного с самых ранних лет менять веру в зависимости от обстоятельств, зачастую весьма драматических, молодой Генрих предпочитал не торопиться. Он знал, что его единоверцы, сторонники реформированной церкви, не простят ему отступничества ради наследования французского трона. Он не хотел оказаться в положении своего отца, короля Наварры, которым манипулировали Екатерина Медичи и Филипп II Испанский. Эти царственные

особы соблазняли его обещанием передать ему во власть всю Наварру, целиком, включая территорию, отвоеванную в 1512 году королем Арагона.

Между тем Генрих III еще надеялся, что королева Луиза родит ему сына. Для достижения этой цели он предпринял паломничества и пригласил лучших врачей.

Однако политическая ситуация была более серьезной, чем полагал король Франции. Герцог Гиз и весь лотарингский клан, а также непримиримые католики не хотели идти ни на какие компромиссы с протестантами, даже с обращенными в католическую веру. Они считали, что во Франции король должен быть истинным католиком, отвергающим какие-либо соглашения с реформатами. Постулат о католической конфессии короля Франции гораздо важнее, чем соблюдение первого уложения основного закона королевства. В создавшейся ситуации им можно пренебречь, считали они.

К тому же Генрих III не сумел правильно оценить масштаб личности своего брата и его вес среди французского дворянства. Участие герцога Анжуйского в войне недовольных против Генриха III на стороне протестантов, а также его избрание главой коалиции, в состав которой входили как дворяне, вставшие на сторону реформированной церкви, так и политики, открывали перед ним возможность стать собирателем всех политических и религиозных сил. Брат короля также был не прочь стать правителем Нидерландов и во главе армии отправился помогать этой стране сражаться против испанцев, на которых французские дворяне всегда смотрели как на врагов. Поговаривали также и о его женитьбе на Елизавете I Английской.

Активный, деятельный, вдобавок наследник трона, он состоял в хороших отношениях со всеми: с Генрихом Наваррским, с лидером партии политиков — могущественным губернатором Лангедока Монморанси-Данвилем, и даже с Гизами, которые в 1580 году во время карнавала в Нанси попытались сблизиться с ним. Уверенные в успехе, главы клана и

секретные агенты строили вокруг принца самые невероятные планы.

Для дворян преждевременная смерть герцога Анжуйского стала настоящей трагедией, с его кончиной они утратили все надежды на будущее. Многие приближенные к принцу дворяне поступили на службу к Гизам.

Под давлением католиков, обеспокоенных тем, что на трон Франции может взойти король-еретик, Гизы взяли на себя инициативу организовать встречу в Нанси, столице независимого государства Лотарингии. В сентябре 1584 года, спустя три месяца после смерти герцога Анжуйского, на переговоры с Гизами прибыли барон де Сенсэ, председатель дворянской фракции на Генеральных штатах 1576 года, и Франсуа де Роншероль сеньор де Менвиль, представлявший кардинала де Бурбона (брата Антуана де Бурбона), которому в ту пору исполнилось шестьдесят четыре года. Кардинал де Бурбон был значительно старше своего племянника, Генриха Наваррского, но именно его католики хотели сделать королем и возвести на трон под именем Карла X.

Единомышленники решили организовать лигу и просить поддержки у папы Григория XIII. Но папа, хотя и поддерживал Гизов, не хотел поощрять движение, направленное против безупречного католика Генриха III. Лигисты получили поддержку Филиппа II, не простившего Франции ее двойственную, на его взгляд, позицию по отношению к мятежу в Нидерландах и помощь, оказанную противникам его вступления на португальский трон. 31 декабря в Жуанвиле король Испании в присутствии Менвиля позволил своим посланникам подписать соглашение с герцогом Гизом.

Остались места для дополнительных подписей. Герцог Неверский долго раздумывал, но потом отказался подписать. Пылкий католик, он был абсолютно уверен в необходимости создания Лиги, но не хотел предавать Генриха III, к которому был искренне привязан. Герцог де Меркер, брат королевы Луизы и губернатор Бретани, последовал его примеру. Он стал

членом Лиги только после убийства Генриха III. Истовый католик герцог Лотарингский также не имел никаких оснований выступить против короля Франции и, продолжая поддерживать лигистов, официально в Лигу не вступил.

Все католические князья дружно поддержали Лигу: хрупкое здоровье Генриха III ни для кого не было секретом. В 1579 году король едва не умер от отита, а в 1581 году заболел так тяжело, что двор уже готов был его похоронить. Нездоровье короля не способствовало успеху проводимой им политики, ибо мало кто верил в долгую жизнь монарха Франции, а желающих вступить в борьбу за французский трон было предостаточно.

В Жуанвиле Испания и Гизы договорились о сотрудничестве во имя сохранения католической веры и искоренения протестантизма как во Франции, так и в Нидерландах. Они решили не допустить на французский трон Генриха Наваррского и признать королем кардинала де Бурбона, бывшего почти в два раза старше Генриха III. Испания обязалась передать Лиге шестьсот тысяч экю на ведение войны. Деньги эти впоследствии, когда королем Франции станет Карл X, должны были быть возмещены из государственной казны. В ожидании этого события герцог Лотарингский, один из самых богатых принцев, обязался уплатить часть испанского взноса, а именно четыреста тысяч экю. Взамен будущий король Франции отказывался от заключения союза с турками и обещал не препятствовать испанцам вести торговлю с Америкой.

Договор был составлен явно с целью угодить Филиппу II, однако в действительности испанский король играл вслепую, то есть будущее, на которое он рассчитывал, было весьма зыбким, и вряд ли он в него искренне верил. И без сомнения, именно поэтому он позволил платить герцогу Лотарингскому, а сам довольствовался обещаниями. Любая смута во Франции, связывавшая руки монарху, давала Испании передышку, которую можно было использовать для подавления мятежа в Нидерландах и борьбы с англи-

чанами на море, ибо английские пираты угрожали испанским колониям в Америке.

Между тем Лига принцев, в сущности, была банальным дворянским заговором, каких во Франции начиная с XIV века было немало. Но Парижская Лига превратилась в организацию совсем иного характера.

Революционное движение парижан

Сила Лиги заключалась в ее структуре. Она состояла из двух взаимодополняемых частей: традиционная дворянская коалиция, представлявшая собой грозную вооруженную силу, и народное движение, оформившееся в городах. Во главе обеих организаций стоял харизматический предводитель лигистов герцог Генрих Гиз по прозвищу Меченый.

Как мы уже показали в главе II, в десятилетие, предшествовавшее Варфоломеевской ночи, вооруженные выступления католиков против протестантов были отнюдь не редкостью. После этого трагического события беспорядки в стране поутихли. Но католики опасались, что на трон Франции взойдет еретик, который, исходя из принципа, что народ должен исповедовать веру своего государя, принудит всех сменить веру. Умеренный роялист и политик Этьен Паскье писал одному из своих друзей: «Я хочу жить и умереть в этой вере [католической]», выражая таким образом свой страх увидеть у руля власти кальвиниста. Перспектива восхождения на трон Генриха IV вселяла страх в сердца парижан, и они внимательно прислушивались к сеявшим тревогу проповедникам, монахам и священникам.

Три источника, повествующие о создании Лиги, совпадают между собой вплоть до мельчайших подробностей. Это «Диалог Господина и Горожанина», памфлет-завещание, написанное радикальными лигистами, «Анонимная история Лиги», сочинение чрезвычайно набожного парижского лигиста, изданное в отрывках Карлом Валуа, и, наконец, «Протокол, составленный Николя Пуленом», лейтенантом

превоства Иль-де-Франс, которого лигисты уговорили к ним присоединиться. А так как на этот шаг лейтенанта благословил сам Генрих III, то свое донесение о вступлении в Лигу Пулен также адресовал королю. Говоря языком XX века, Пулен был агентом, внедренным в тайную организацию, то есть Лигу.

Инициатором создания Парижской Лиги стал Шарль Отман де Ла Рошблон. В конце 1584 года он вместе с тремя друзьями: Прево, священником прихода Сен-Северен, Буше, священником прихода Сен-Бенуа, и Лонэ, каноником из Суассона, решил объединить противников реформированной церкви, которые отвергали претензии Генриха Наваррского на трон короля Франции. Каждый член объединения был обязан привлечь в него еще двоих, желательно из судейского или торгового сословия. Те, в свою очередь, привлекали своих друзей, за которых могли поручиться. Таким образом, общество расширилось, постепенно превращаясь в организацию, во главе которой стоял тайный совет из десяти человек.

В своем докладе Николя Пулен сообщал, что его завербовали прокурор Жан Леклер и пристав Шатле Жорж Мишле, которых он знал уже двадцать лет и у которых часто бывал в гостях. Общительность в повседневной жизни, профессиональные контакты и ревностное отношение к католической вере активно использовались лигистами в качестве поводов для вербовки. Николя Пулен пишет, что его привлекли в Лигу потому, что он занимал ответственные должности в превостве Иль-де-Франс. В его имении лигисты устроили склад оружия, которое впоследствии было перевезено во дворец Гизов и дома руководителей движения. Деньги на покупку оружия собирали среди «достаточных людей», не пожелавших открыть свои имена.

Особняк Гизов был настоящим штабом лигистов. Здесь они хранили оружие, составляли воззвания и рисовали пропагандистские картинки, оказывавшие большое воздействие на население. Пулен подчеркивает, что лигисты всегда советовались с герцогом Гизом, словно именно он был их руководителем,

а также с Роншеролем, советником кардинала де Бурбона. В доме Отмана на улице Мишель-Леконт при большом стечении народа было зачитано письмо Генриха Гиза, в котором герцог рекомендовал расширять движение и создавать организации в других городах королевства. В Босе, Турени, Анжу и Мене эта миссия была возложена на крупного торговца Амлина.

Текст Пулена содержит ценные сведения о руководстве Лиги, о сложностях, с которыми приходилось сталкиваться организации. Руководителям приходилось постоянно сдерживать своих людей, мечтавших как можно скорее расправиться с еретиками и их пособниками. Католиков, поддерживавших «политиков», то есть призывавших искать политические решения проблем и избегать гражданских конфликтов, лигисты считали такими же преступниками, как и гугенотов.

«Двойной агент» Николя Пулен писал: «Тем временем множество простого народа, хотевшего развязать себе руки и пограбить под благовидным предлогом, было в нетерпении из-за затягивания этого предприятия. Они так сильно роптали, что приходилось ходить по кварталам и увещевать их, дабы они имели терпение, если не хотят, чтобы все пропало, и объяснять, что руководители еще не готовы к этому предприятию великой важности»*.

Он подчеркивал, что народ объединяла не только религиозная идея, но и жажда перераспределения имевшихся в обществе благ. А парижский адвокат Пьер де Летуаль писал в своем дневнике, что простолюдины мечтали о новой «Варфоломеевской ночи для политиков», потому что именно политики воплощали собой добропорядочное общество, обладали достаточными средствами и умели мыслить, а следовательно, могли предать чаяния народа, более искреннего и непосредственного.

* Донесение агента-двойника. Протоколы, составленные Николя Пуленом, лейтенантом превотства Иль-де-Франс / Вступ. ст., пер. и прим. П. Ю. Уварова. М.: Прометей, 1992. С. 12. (Прим. пер.)

Но в отличие от 1562 и 1572 годов поведение людей не было стихийным. Появились хорошо организованные структуры, разветвленная система квартальных отделений. Лига, направив движение в нужное русло, препятствовала необдуманным спонтанным действиям.

Пропаганда и дезинформация

Лигисты оказались хорошими пропагандистами. На столичных перекрестках агитаторы показывали любопытным картинки, на которых была изображена английская королева Елизавета, пытающая английских католиков. Легко представить себе, какое впечатление производили подобные картинки на парижан, охваченных страхом перед королем-кальвинистом, готовым занять французский трон. Генрих III, осознавший, наконец, что сражаться надо и за общественное мнение, приказал своей полиции разыскать клише, с которых печатались агитационные гравюры. Клише отыскивались в особняке Гизов, и это еще больше настроило короля против Меченого.

Однако лигисты не удовлетворились дуэлью на картинках, они обвинили в преступлениях самого Генриха III, сделав его козлом отпущения за все несчастья народа. Его обвиняли в том, что он послал две тысячи эюко королю Наварры для ведения войны с католиками, в сговоре с королевой Англии, незадолго до того наградившей его орденом Подвязки. Ходили слухи, что коалиция, состоящая из Генриха Наваррского, Елизаветы Английской, принца Оранского, возглавившего борьбу голландских протестантов против Филиппа II, лидеров шотландских кальвинистов и немецких князей-протестантов, собирается напасть на Францию. Говорили даже, что в предместье Сен-Жермен скрываются десять тысяч гугенотов, которые готовятся устроить Варфоломеевскую ночь католикам.

Одним из решающих моментов стала публикация 21 мая 1585 года Перонского манифеста, подготов-

ленного герцогом Гизом и его сторонниками-парижанами. Выбирая для восстановления Лиги город Перон, католики тем самым хотели поддержать дворян Пикардии, в 1576 году не позволившим протестанту Конде занять пост инспектора крепостей провинции. К тому же Пикардия граничила с территорией Нидерландов, принадлежащей Испании, поэтому герцог Гиз предпочитал набирать себе сторонников именно в Пикардии.

Манифест был распространен по всему королевству. В нем говорилось, почему принцы и кардинал де Бурбон выступили против тех, кто хотел «подорвать основы католической религии и государства», говорилось о преследованиях, грозивших католикам, если на трон Франции сядет кальвинист, о вербовке солдат протестантами, о союзе протестантов с немецкими князьями.

Манифест разоблачал придворных, «втершихся в доверие к королю» и готовивших восшествие на трон короля-еретика. Составители манифеста пощадили только Екатерину Медичи и даже попросили ее не бросать католиков на произвол судьбы. Они называли ее «нашей высокопочитаемой госпожой, мудрость которой стала единственной опорой королевства, не позволяющей погубить его». Принцы-лигисты, похоже, были уверены в поддержке королевы-матери, никогда не скрывавшей своей неприязни к герцогу д'Эпернону, фавориту Генриха III, и к королю Наваррскому. Лигисты знали, что в могущественном клане Гизов она видела противовес, сдерживавший протестантов. Под влиянием парижан в манифест были включены и другие, более крамольные требования: созыв Генеральных штатов каждые три года, отмена талли, косвенных сборов и налогов, установленных после смерти Карла IX.

Судя по проблемам, затронутым в Перонском манифесте, документ этот был скорее направлен против политики Генриха III, чем против гугенотов. Как писал Этьен Паскье своему другу Сент-Марту, генеральному казначею Пуатье, этим манифестом лигисты хотели завербовать как можно больше сторонни-

ков. Угрожая беспорядками в государстве, очерняя фаворитов монарха, герцогов д'Эпернона и Жуаеза, Генрих Гиз надеялся на то, что, испугавшись смуты, король отдалит от себя любимчиков и вернет в кулуары власти королеву-мать, а с ней и самого Гиза. Тогда в случае внезапной кончины Генриха III Гиз смог бы повлиять на выбор монарха.

Наряду с публикацией Перонского манифеста герцог Гиз предпринял наступление и захватил Шалонна-Марне, главный город Шампани, и устроил там свой штаб. Но, как пишет в мемуарах Бовэ-Нанжи, силы, которые ему удалось мобилизовать, были крайне малы. Этот недостаток Гиз компенсировал мощной наглядной пропагандой, вполне способной напугать двор. Решив вести переговоры с монархом с позиции силы, он полагал, что таким образом усилит влияние католической партии в случае войны за престолонаследие. Еще одна акция была призвана мобилизовать католиков в Пикардии и Шампани: кардинал де Бурбон, этот избранный Лигой будущий король, прибыл из Перона в Реймс в сопровождении герцогов де Гиза и д'Омаля, а затем отправился в Шалон. Толпы народа наблюдали за продвижением этого необычайно пышного, почти королевского кортежа. Был ли Генрих III информирован о том, как обстоят дела в стране? Похоже, нет, раз он поддержал предложение королевы-матери вступить в переговоры с герцогом Гизом по сценарию, разработанному самим герцогом.

Бовэ-Нанжи, бывший фаворит Генриха III, оттесненный д'Эперноном и присоединившийся к герцогу Гизу, увидев слабость противников Гизов, не задумываясь, обвинил Екатерину Медичи в поддержке Лиги. «Без участия королевы-матери, женщины, без сомнения, умной, однако в этом случае явно перемудрившей, партии Лиги не существовало бы вовсе», — писал он. Этот дворянин из Бри подчеркивал, что мать короля и герцог Гиз действовали заодно: оба хотели устранить Эпернона и вернуть себе власть. Но если вначале герцог Гиз в сущности не располагал серьезными силами, то теперь он прибыл в сопровож-

денин двенадцати тысяч пехотинцев, тысячи двухсот всадников, немецких ландскнехтов и рейтаров, а также швейцарцев под командованием полковника Пфайфера. Обнаруженный на берегу Марны в селении Ланьи склад контрабандного оружия свидетельствовал о том, что лигисты шутить не собираются и основательно готовятся к наступлению.

Военные успехи не заставили себя ждать. Армия лигистов взяла Туль и Верден; герцог Майеннский, брат герцога Гиза и губернатор Бургундии, захватил Дижон, Макон, Оксон, а его кузены, герцоги д'Омаль и д'Эльбеф, подняли смуту в Нормандии и Пикардии. Лашатр занял Бурж, а Антраг — Орлеан. Казалось, только Юг остался верен королю; впрочем, большая часть населения Юга шла за Генрихом Наваррским и Монморанси-Данвилем; первый был губернатором Гиени, второй — губернатором Лангедока.

После долгих перипетий и переговоров Генрих III и его мать согласовали и 20 июня 1585 года подписали Немурское соглашение, на основании которого в распоряжении принцев оказались несколько крепостей, подобных тем, что в недавнем прошлом отошли к протестантам. Герцог Гиз поставил двору те же условия, что и партия протестантов, видимо, намекая таким образом, что пока он не собирается вступать в партию короля. Эдикт, обнародованный 18 июля, полностью совпадал с подписанным соглашением: он отменял все статьи законодательства о протестантах, запрещал сторонникам реформированной веры отправление культа, приговаривал к изгнанию пасторов, отбирал у протестантов пожалованные им города и лишал Генриха Наваррского прав на корону.

Слабость позиции короля

1586 год стал годом выжидания, на протяжении которого противоборствующие стороны старались привлечь к себе как можно больше именитых сторонников. В каждой провинции губернаторы стремились забрать себе побольше власти в ущерб влас-

ти централизованной. Положение монарха нельзя было назвать устойчивым. В начале 1587 года папский посол в Париже нунций Морозини в письме Сиксту Пятому описал положение во Франции весьма мрачными красками: страну раздирают на части различные фракции, соперничающие кланы знати и ненависть «популярлов». В этом же послании он довольно точно охарактеризовал Генриха III, подчеркнув его набожность и искреннее желание бороться с еретиками. Нунций писал, что плачевное состояние государственной казны не позволяет королю начать активные действия. Но, реально оценивая свое положение, монарх не хочет поражения протестантов, так как из-за слабости своей боится оказаться один на один с Гизами и Лигой. Нунций тонко подметил, что король больше верил герцогу д'Эпернону, чем самому себе, и именно герцогу поручал проводить свою волю в жизнь. Однако Эпернона народ ненавидел, а ненавистного королю Генриха Гиза обожал.

Прочитав это донесение, 30 июня 1587 года Сикст Пятый повелел своему посланнику приложить все усилия для объединения католиков вокруг короля и таким образом добиться от вождей Лиги повиновения королю.

Однако мудрая политика папы потерпела поражение. Посол Филиппа II в Париже Мендоса опубликовал подложное письмо Сикста Пятого, в котором папа якобы убеждал короля доверить руководство королевской армией некоему знатному сеньору, дабы тот наголову разбил еретиков. Столкнувшись с политикой дезинформации со стороны как испанцев, так и лигистов, Генрих III попытался перейти в наступление.

Контрнаступление Генриха III

Полагая, что проблему можно решить военным путем, король поставил под ружье три армии. Лучшие отряды он отдал под командование своего фаворита герцога де Жуаеза и отправил его в Гиень сражаться против Генриха Наваррского. Король надеялся, что

даже небольшая победа над протестантами с помощью пропаганды сделает из Жуаеза нового героя, защитника католического дела, и слава Жуаеза затмит славу Гиза.

Гиза король сразу поставил в неравное положение, отдав под его командование самые слабые отряды и приказав выступить против немецких рейтаров, прибывших на помощь сторонникам реформированной церкви. Король надеялся, что рейтары разобьют лотарингца и это поражение повлечет за собой падение его популярности. Сам монарх предполагал встать на Луаре во главе мощной армии и остановить рейтаров.

Однако судьба решила иначе. 20 октября 1587 года в битве при Куртра герцог Жуаез был убит и вместе с ним погибли триста или четыреста дворян. Армия Жуаеза была разбита, победа досталась протестантам под предводительством Генриха Наваррского, который в письме к Генриху III даже принес извинения за то, что так легко одержал победу.

Спустя несколько дней, 26 октября 1587 года, герцог Гиз наголову разбил рейтаров в Вимори, что неподалеку от Монтаржи, а 24 ноября — в Оно, к востоку от Шартра. Последнюю победу король торжественно отпраздновал в Париже. Но народ решил, что триумф принадлежит не столько королю, сколько Генриху Гизу. Опасаясь роста популярности герцога, монарх запретил ему приезжать в Париж и отослал его в Шампань. Герцог обосновался в Суассоне и начал плести новые интриги. Парижанин Пьер де Летуаль записал в своем дневнике: «Победа при Оно стала гимном Лиге, радостью для духовенства, поводом для гордости дворян — сторонников Гизов и поводом для ревности со стороны короля, понимавшего, что лавровый венок, которым увенчала себя Лига, посрамил его собственный венец».

Генрих III пребывал в отвратительнейшем настроении, о чем доверительно сообщил английскому послу: «Если бы рейтары были не столь трусливы и неповоротливы, они бы непременно разбили Лигу (...) ведь я дал им все шансы на победу. Дважды, даже трижды они вполне могли покончить с ней раз и на-

всегда». Чувствуя себя беспомощным перед лигистами, король желал победы немецким рейтарам, хотя разгромить рейтаров было делом чести королевской армии. Словом, проповедники были не так уж неправы, обвиняя Генриха III в слабости и излишне мягком отношении к еретикам. Узнав, что король позволил рейтарам вернуться к себе под эскортом герцога д'Эпернона, лигисты пришли в негодование. Оправдывая свой приказ, монарх ссылаясь на нехватку денег и невозможность организовать поход против рейтаров. На самом деле он хотел сохранить наемников, полагая, что в ближайшем будущем они ему понадобятся.

Образ герцога д'Эпернона, сопровождающего рейтар-протестантов, в то время как герцог Гиз беспощадно их истребляет, лигисты успешно использовали в пропагандистских целях. Превосходные ораторы, католические проповедники призывали к войне с еретиками до победного конца, критиковали короля за высокие налоги, которые использовались не для борьбы с протестантами, а на королевские увеселения. Когда волнения среди монахов и студентов в Латинском квартале достигли своего пика, король приказал епископу де Гонди собрать церковных служителей столицы и вразумить их. Однако результат оказался прямо противоположным — смута разгорелась еще больше.

В Париже нарастает напряженность

Лига превратилась в могущественную организацию, и это она продемонстрировала во время похорон своего основателя Шарля Отмана де Ла Рошблона. Толпа, следовавшая за траурным кортежем по улицам Парижа, поразила своей численностью и магистратов, и наблюдателей. К этому времени экономическая ситуация в городе резко ухудшилась. Цены взлетели вверх, началось обнищание населения. Многочисленные бедняки обивали пороги домов состоятельных граждан. И хотя для нищих была орга-

низована специальная помощь, обвинения градом сыпались на д'Эпернона, а заодно и на короля: обоих обвиняли в том, что они не в состоянии справиться с нищетой и покончить с гугенотами.

Лигисты стали поговаривать о том, что надо избавиться от Генриха III — похитить его и заточить в монастырь. Герцогиня де Монпансье, молодая вдова и сестра Генриха Гиза, питавшая к Генриху III жгучую ненависть, показывала всем желающим «маленькие ножницы», которыми она намеревалась «выстричь тонзуру брату Анри де Валуа». Она мечтала заточить короля в монастырь и держать там до самой его смерти.

Лигисты намеревались взять Бастилию, Арсенал, Дворец правосудия, Шатле, Ратушу и Лувр, казнить членов королевского совета и посадить на их место верных людей. Как видим, за двести лет до 1789 года захват власти планировался по такому же сценарию.

Предупрежденный об этих замыслах Николя Пуленом, Генрих III усилил меры безопасности. Он не отважился поехать на ярмарку в Сен-Жермен-ан-Лэ и отправил туда в качестве своего представителя д'Эпернона. Герцогу, правда, пришлось быстро ретироваться, ибо встретили его крайне враждебно.

Создавшееся положение беспокоило герцога Гиза. В Париже члены Лиги демонстрировали радикальные настроения, тамошнее отделение хотело действовать автономно, без поддержки принцев, и установить такой тип правления, при котором король стал бы фигурой чисто символической, то есть лишить монарха всех его прерогатив. Чтобы утихомирить наиболее торопливых и строптивых лигистов, герцог Гиз прибег к помощи родственников и верных ему людей. Эмиссары Гиза велели парижанам готовиться к восстанию.

Никто не знал, что сроки восстания следовало согласовать с Испанией, которая с большим опозданием начала наступление на английское побережье: испанцы направили к берегам Англии знаменитую Непобедимую армаду. Оба наступления должны были начаться одновременно, чтобы Генрих III увяз в

гражданских междоусобицах у себя в Париже и не смог прийти на помощь Елизавете, если бы та обратилась к нему с такой просьбой. Впрочем, Филипп II полагал, что Елизавета этого не сделает. Тем не менее одной из целей Филиппа было устранение короля Франции с международной арены.

Король, бывший в курсе всех заговоров, стянул к Парижу войска и усилил охрану Лувра, где он проживал постоянно. Ему стало известно, что герцог Гиз намеревается вернуться в Париж. Он послал государственного секретаря Бельевра в Суассон с приказом, запрещавшим герцогу въезжать в столицу. Но Екатерина Медичи отдала тому же чиновнику устный приказ противоположного содержания, то есть просила герцога приехать. Ей казалось, что, если парижане вздумают бунтовать, герцог сумеет восстановить спокойствие.

Два лагеря, роялисты и лигисты, готовились к вооруженному столкновению. Главы парижской Лиги, обеспокоенные предпринятыми королем мерами безопасности, сообщили герцогу де Гизу, что для него и его приближенных во дворе Ратуши приготовлены виселицы. Не зная, что лучше: выполнить приказ короля или просьбу Екатерины Медичи подкрепленную просьбами друзей-лигистов, герцог, поразмыслив, все же решил вернуться в Париж, то есть проигнорировать королевский приказ, а следовательно, в очередной раз унижить Генриха III, который не мог воспрепятствовать герцогу, не вступив в конфликт с собственной матерью и не вызвав гнева парижан.

Первые баррикады в истории Парижа: май 1588 года

12 мая 1588 года парижане «изобрели» новое средство борьбы против центральной власти: они соорудили первые в истории баррикады. Прежде, когда начинался мятеж или готовилось вторжение, улицы перегораживали цепями, однако теперь парижане сочли, что этого явно недостаточно.

Баррикады оказались чрезвычайно эффективным средством. Именно они вынудили Генриха III бежать из столицы и укрыться в Шартре, оставив город своему злейшему врагу — главе Лиги герцогу де Гизу.

Все началось в ночь с 11 на 12 мая. Чтобы предотвратить готовящееся выступление лигистов, король ввел в Париж полк швейцарской гвардии, который занял все ключевые позиции в городе. Одна рота осталась охранять мост Сен-Мишель, другая — Малый мост напротив Главной больницы. В те времена только эти два моста соединяли левый берег, именуемый Университетом, и правый берег, именуемый Городом, с островом Сите. Были оцеплены места возможных массовых выступлений: Гревская площадь (перед Ратушей), Новый рынок на Сите, кладбище Невинных. Часть солдат отрядили на охрану Лувра.

В Университетском квартале войска размещать не стали, не желая раздражать студентов, всегда поддерживавших выступления горожан. Но как только студенты увидели солдат на мостах и рынках, они спустились с холма Святой Женеьевы и присоединились к горожанам, собравшимся на площади Мобер.

Но не только студенты вышли на улицы протестовать против того, что они считали провокацией. Все население единодушно выступило против короля, осмелившегося нарушить одну из «привилегий», которыми парижане очень дорожили, а именно право выставлять собственную охрану, то есть не впускать в город наемников.

Не следует заблуждаться относительно слова «привилегия»: в XVI веке оно еще не имело того пассионарного оттенка, какой приобрело в эпоху Просвещения и в период революции 1789 года. Во времена Религиозных войн привилегия рассматривалась как «право», которое следовало защищать. Все города, все провинции, все общественные группы обладали особыми привилегиями, служившими своеобразными гарантиями против произвола центральной власти. Так, парижане получили право не размещать у себя на постой солдат, а также не платить талью и габель.

Увидев, что права их нарушены, они поднялись все как один, по обыкновению перегородили цепями улицы, а затем воздвигли баррикады из песка, опрокинутых телег, бульжников, старых ворот и, разумеется, из бочек. Это средство оказалось чрезвычайно эффективным, оно позволило не только избежать грабежей со стороны мародеров, но и блокировать солдат, оказавшихся в изоляции, а по сути пленниками мятежников.

В полдень 12 мая стало ясно, что король проиграл партию, а войска, утратив свободу маневра, были не в состоянии исполнить свою роль. На следующее утро парижане начали наступление на швейцарцев. Швейцарцы, не подготовленные к уличным боям, побросали оружие и стали молить о пощаде: «Добрая Франция, пощади нас!» Мольбы оказались тщетными: парижане не простили солдатам их грубого обращения с гражданским населением.

Обеспокоенный король обратился за советом к королеве-матери, и та убедила его, что только герцог Гиз может восстановить порядок. Герцог принял Екатерину Медичи и государственного секретаря Бельевра, вел он себя высокомерно, в частности заявил, что не является ни полковником, ни капитаном парижского ополчения. Но события принимали все более серьезный оборот, и монарх послал для переговоров в особняк Гизов маршала Бирона.

Ветеран многих войн сумел найти слова, дошедшие до сердца герцога де Гиза, всегда с почтением относившегося к солдатам. Около четырех часов пополудни Меченый в белом колете вышел из особняка в сопровождении многочисленной свиты и сел на коня. Прибыв на Новый рынок, он стал просить народ выдать ему швейцарцев, намереваясь затем освободить их. Горожане согласились исполнить его просьбу, и солдат отослали в Лувр. В своем дневнике Летуаль пишет, с какой легкостью Гизу удалось вырвать солдат из рук толпы. Харизматическая власть лотарингца над парижским людом была абсолютной. Герцог урезонил своих сторонников и одним своим видом внушил всем бодрость. Даже роялист Паскье

утверждал, что благодаря Гизу он почувствовал себя в безопасности.

13 мая, в пятницу, после полудня король, осознав свое поражение, покинул Лувр через последние не взятые парижанами под контроль ворота. В сопровождении придворных и четырех тысяч швейцарцев король отправился в Рамбуйе, где остановился у своего друга д'Анжена.

Король вовремя выехал из столицы. Когда королевский кортеж покидал город, двенадцать сотен человек под предводительством Бурсье, капитана улицы Сен-Дени, двинулись на Лувр с криками: «Идем в Лувр, отыщем там нашего сира Генриха!» Ратуша и Арсенал оказались в руках заговорщиков, Бастилия сдалась, и герцог де Гиз назначил ее комендантом лигиста Жана Леклерка, прокурора парламента. В Университетском квартале против Генриха III выступили четыре сотни монахов и семь сотен студентов; возглавил их Бриссак, знатный сеньор из Анжу и пламенный сторонник Гизов.

В воскресенье, 15 мая, был арестован купеческий прево (говоря современным языком, мэр Парижа). Герцог приказал избрать новый муниципалитет. Новым купеческим прево стал Лашапель-Марто, советник Счетной палаты. Богатый нотабль, успешно делавший карьеру, он слыл человеком умным, энергичным и не слишком щепетильным. Его считали прямым ставленником Гиза. Все четыре вновь назначенных эшевена были избраны из среды крупных столичных негоциантов.

Новый муниципалитет сделал символический жест: упразднил должность «королевского прокурора», поставив на его место «прокурора городского». Лигисты дали понять, что они не намерены мириться с вмешательством монарха во что бы то ни было, заявив, что «все городские сословия согласны с этим народным решением». В органах квартального управления чистка была более поверхностной. В планы мятежников входило восстановление муниципальных свобод в прежних формах, а значит, проведение традиционных выборов, и лигисты, опа-

саясь утратить доверие масс, не могли навязывать жителям кандидатуры из своей партии. Поэтому они с энтузиазмом принялись ликвидировать результаты непопулярного решения Генриха III, в 1585 году приказавшего выбирать судей из числа магистратов, в ущерб адвокатам и негоциантам. Король полагал, что чиновники, то есть государственные служащие, будут более гибкими и ему будет легче найти с ними общий язык.

В этой ситуации победа, одержанная на баррикадах, стала своеобразным сигналом к восстановлению традиций и городских вольностей, шедших вразрез с опасными новшествами суверена. Процент судейской мелкоты (*basoche*), врачей, купцов и ремесленников, избранных в органы власти, увеличился в ущерб числу магистратов из королевских судов. Впрочем, если не принимать во внимание Университетский квартал и Марэ-дю-Тампль, где людей, назначенных королем, лигисты сменили на своих людей, в целом парижане выбирали «наиболее здравых граждан», а именно нотаблей, далеко не все из которых были членами Лиги. Более того, герцог Гиз желал умерить пыл своих сторонников. Он резко отрицательно отозвался о применении силы, вселив тем самым бодрость духа в нотаблей-роялистов.

Заботясь о подвозе продуктов в Париж, герцог приказал занять ближайшие к столице города, где были самые крупные рынки: Ланьи, Мелен, Шато-Тъери, Этамп, Корбей. Став хозяином города и части государственной казны, имея под рукой двух самых богатых людей Парижа, финансистов Замета и Гонди, обычно ссужавших в долг королю, герцог стал править, присвоив себе королевские прерогативы. Теперь он смотрел на испанцев свысока: он больше не нуждался в их субсидиях. Посол Мендоса сообщил Филиппу II, что у него уже нет рычагов воздействия на герцога. Для короля Испании это был полный провал: герцог Гиз более от него не зависел, а Непобедимая армада, созданная для завоевания Англии и свержения Елизаветы, в августе 1588 года потерпела сокрушительное поражение.

Королева Екатерина Медичи принялась искать пути примирения своего сына Генриха III с герцогом Гизом и преуспела в этом. В начале августа король устроил герцогу пышный прием и даже пошутил — в своей обычной манере, — предложив ему «выпить за тех, кто построил баррикады». Он выразил благодарность архиепископу Лионскому, примасу Галлии и главному советнику герцога Гиза, и Лашатру, губернатору Берри, за то, что они помогли ему избавиться от опеки д'Эпернона, и заявил, что отныне хотел бы править вместе со своими «друзьями Гизами». Однако те, кто хорошо знал Генриха III, понимали, что не следует безоглядно верить произошедшим в короле переменам, ибо они продиктованы прежде всего стремлением отвоевать утраченный плацдарм и властные структуры.

Большая проблема по имени Генрих III

Из нашего повествования нетрудно понять, что Генрих III был крайне непопулярен в народе, а пропаганда, проводимая его недругами, и вовсе сделала из него главного виновника дестабилизации общества, поэтому его смерть от руки фанатика-монаха даже не вызывает удивления. Историки XIX века часто повторяли критику, звучащую в его адрес при его жизни, но современное поколение историков намерено реабилитировать этого короля, ибо и цели его, и итоги его правления имеют больше положительных, чем отрицательных сторон. Ненависть, питаемая к нему парижскими лигистами, их постоянные выпады в его адрес могут только удивлять, так как на протяжении всей своей жизни Генрих был католиком, причем истовым.

Разумеется, в период его правления существовали острые экономические проблемы. Неурожай и войны породили кризисы и голод 1573—1574 и 1586—1587 годов. В период с 1580 по 1587 год производительность сельского хозяйства в Босе снизилась на 24%, и, как следствие, на рынке сразу возник дефи-

цит зерна. Подорожание зерна сильно ударило по карману потребителей, особенно горожан.

Обесценивание серебряной монеты усугубило тяжелое положение в государстве. Традиционно устойчивое соотношение золота и серебра было поколеблено. Генеральные штаты 1576 года предложили план оздоровления финансов, Генрих III с ним согласился и стал проводить его в жизнь. Эдикт, подписанный в сентябре 1577 года, отменил условную стоимость денежной единицы, зафиксировав примерную, но постоянную стоимость главной монеты, имеющей всеобщее хождение, а именно экю. Однако возобновление смуты помешало согласовать коммерческий курс с курсом легальным: монеты продавались дороже их номинала, а стоимость экю в некоторых сделках возрастала до восьми ливров.

Неблагоприятная обстановка в сфере финансов была не единственным поводом для недовольства; традиционно вызывала протесты налоговая система. В те времена еще бытовало мнение, что король проживает в своем домене как частное лицо, а потому любой налог рассматривался как чрезвычайное требование. Действуя по возможности мягко, Генрих III попытался в рамках Генеральных штатов 1576 и 1588 годов начать диалог с нотаблями, представлявшими население Франции, но ему ни разу не удалось убедить их проголосовать за субсидии, необходимые государству для осуществления политики, направленной на благо самих французов. Подобное отношение депутатов отражало общественное мнение. Среди парижан была, например, популярна песенка из пятнадцати куплетов, едко высмеивавшая окружение короля:

Наш король весь в долгах,
Их у него на сто миллионов,
И должен он платить долги,
Что наделали его господа миньоны,
А негодяи-итальянцы снова думают о том,
Как бы с нас деньжонок содрать побольше.

Народ был уверен, что король и его друзья без счета тратят деньги на развлечения, а итальянцы из окружения Екатерины Медичи изыскивают новые

способы заставить налогоплательщиков платить еще больше.

Термин «миньон» обозначал молодого дворянина, ровесника короля, обычно выходца из небогатой дворянской семьи, которого Генрих, взойдя на престол, приблизил к себе. В подобном выдвижении фаворитов не было ничего нового и оригинального: так поступали и Франциск I, и Генрих II. Разница заключалась в том, что с приходом к власти Генриха III в столицу начался наплыв напористых, бесшабашных юнцов, острословов и больших любителей женского пола, которые с нескрываемым удовольствием совершали дерзкие выходки против дворян старшего поколения и знатных вельмож.

А так как именно знать и старшее поколение дворян трудились во славу и ради величия королевства, общественное мнение было шокировано поведением новых друзей короля, пользовавшихся по причине своего особого статуса полнейшей безнаказанностью. Выставляя напоказ свой расточительный и аморальный образ жизни, «миньоны» принимали участие в формировании образа монархии, далекого от привычного и традиционного. На протяжении многих веков образ этот был подлинной иконой, в центре которой помещался король—отец народа и защитник слабых. Теперь монарх был окружен сворой корыстолюбцев, уверенных в своей вседозволенности и безнаказанности. В подобном окружении в литературе обычно изображали античных тиранов, и эти образы тиранов прочно запечатлелись в умах.

Слово «миньон» появилось в июле 1576 года, оно вылетело в пылу полемики из-под пера памфлетиста-протестанта, обеспокоенного отношением Генриха III к его единоверцам. Протестанты говорили о «постельных миньонах», подразумевая совершенно особые отношения между королем и его друзьями. Подобные намеки были адресованы королю Франции впервые, но в народе тотчас зародились сомнения, может ли такой монарх считаться образцом нравственности.

В глазах общественного мнения XVI века образ двора Генриха III был запятнан ужасным подозрением и омрачен царившим там культом насилия. Многие юные задиристые сеньоры из свиты монарха погибали на дуэлях, которых они сами постоянно искали. Задирая дворян, принадлежавших к свите герцога Анжуйского и Гизов, они знали, что доставляют удовольствие королю, поэтому они постоянно искали причины для ссор со своими противниками. Генрих III, искренне горевавший о погибших друзьях, устраивал им пышные похороны, добавляя таким образом поводов для насмешек.

Летуаль, неподкупный рупор возмущенного населения, сообщает, что после знаменитой дуэли между роялистами и гизарами король каждый день навещал умирающего Кейлюса и обещал хирургам, лечившим раненого, сто тысяч турецких ливров, если те сумеют его спасти. Легко представить себе, какое впечатление произвело подобное обещание на налогоплательщиков и их представителей в Генеральных и провинциальных штатах.

Чрезмерные траты были не единственной причиной недовольства народа, личная жизнь монарха также подвергалась критике. Так, когда Генрих III после смерти Кейлюса и Можирона велел отрезать у каждого по пряди белокурых волос, дабы сохранить их на память, а затем снял с покойников серьги, которые сам некогда им подарил, Летуаль, как и положено доброму парижскому буржуа, сделал вывод: «Такие поступки несовместимы с королевским величием (...), именно из-за них сей принц мало-помалу стал вызывать одно лишь презрение».

Непопулярности Генриха III способствовало его необычное поведение, склонность к новым экстравагантным нарядам, драгоценностям и кричащему макияжу, любовь к маленьким собачкам и попугаям. Говорили, что во время устраиваемых им пышных празднеств гости, не стесняясь, предавались разврату.

В то же время король был очень набожным человеком. Облачившись в джутовый мешок с прорезями

для головы и рук, он принимал участие в процессиях кающихся, мог удалиться на несколько недель в монастырь и там предаваться молитвам. Такая средиземноморская форма набожности шокировала не привыкших к ней парижан (что подтверждается неприязненным отношением к ней Летуаля). Даже папа Сикст Пятый написал Генриху III, что Господь не требует столько рвения от короля Франции.

Народ не понимал своего короля, ударявшегося то в мистицизм, то в безудержный разгул, и дворяне, чувствовавшие себя обделенными, разделяли чувства народа. С точки зрения дворянства король должен был быть прежде всего полководцем. А Генрих III был интеллектуалом, мистиком, но никак не военачальником, способным привести солдат к победе. Генриху III вменяли в вину и поражение его брата в войне против испанцев в Нидерландах, и поражение французского военного флота в Атлантике, где он пытался оказать поддержку португальцам, не желавшим видеть у себя на троне Филиппа II.

Родовитая знать упрекала короля в том, что он отлучил ее от власти, а приблизил новых людей, и в частности Эпернона и Жуаеза, принадлежавших к дворянству средней руки и стоявших в общественной иерархии ниже герцогов и пэров. Эпернона герцог Гиз презрительно называл «провинциальным дворянчиком».

Генрих III не прислушивался к критике со стороны родовитой знати. Он был уверен, что, являясь причиной смут и беспорядков, знать эта должна быть смещена с высоких постов и заменена новыми дворянами. Естественно, оба «суперминьона» (так население прозвало двух главных королевских фаворитов) разделили с королем его возрастающую день ото дня непопулярность. Общественное мнение считало, что эти фавориты узурпировали доверие монарха и Генрих III заботится не о благе всех французов, а о выгоде кучки друзей, бесконечно осыпая их милостями.

При Франциске II, во времена заговора в Амбуазе, Гизов тоже упрекали в том, что король раздает мило-

сти только своим друзьям. Дворянство, равно как и все общество, считало это верхом несправедливости.

Тем не менее д'Эпернон во многом предвосхитил Ришелье: чтобы утвердить власть государства и принять непопулярные меры, этот фаворит, своего рода первый министр, сосредоточивший в своих руках все ответственные посты в правительстве, исполнял роль «предохранителя», защищавшего короля от гнева народа. Но система работала плохо. Умы не были готовы к переменам, предполагавшим еще большую концентрацию власти, а общественное мнение склонялось в пользу автономии и разделения властей.

Революционная программа Лиги

Концепции лигистов действительно резко расходились со взглядами Генриха III, содержащими зародыш абсолютной монархии XVII века. В 1588 году в Блуа король созвал Генеральные штаты, чтобы попытаться после своего поражения в Париже в дни баррикад перехватить политическую инициативу. Внимательно следивший за всеми европейскими политическими событиями монарх не мог не отметить, что королева Елизавета, опираясь на английский парламент, эквивалент французских Генеральных штатов, сумела найти компромисс со сторонниками англиканства.

Но и этот замысел Генриха III провалился: по результатам выборов в Генеральные штаты, проведенных в бальяжах и сенешальствах, большинство депутатов от духовенства и третьего сословия оказались сторонниками Лиги. Депутацию от третьего сословия возглавил один из руководителей парижского восстания Лашапель-Марто, которого Генрих Гиз назначил купеческим прево Парижа. Духовенство по всеобщему согласию возглавили кардинал де Бурбон и брат Меченого.

Между депутатами и королем постоянно происходили споры, главным образом из-за налогов. Государственная казна была пуста, и монарх, по его соб-

ственным словам, не мог предпринимать каких-либо действий против протестантов, так как не имел денег на ведение войны. Создали специальную комиссию по проверке счетов. Комиссия быстро обнаружила расхождение в цифрах, представленных королем, и монарх, настаивая на своей правоте, отправил в Париж одного из счетоводов за недостающими бухгалтерскими книгами.

Анализ счетов оказался сложным делом, и прежде всего потому, что в лице депутатов от третьего сословия король столкнулся с подлинными специалистами по финансовым вопросам. Руководство третьего сословия по традиции состояло из парижских буржуа, в него входили счетоводы, председатели податного суда, один банкир и два купца. Они быстро выяснили, что деньги есть, но расходы неупорядочены, а административный хаос препятствует правильному использованию кредитов. Меры, разработанные экспертами, были в основном политическими и сильно отдавали демагогией. Вместе с тем они свидетельствовали о глубокой проработке документов, в результате которой было предложено уменьшить талью, так как это необходимо с политической точки зрения, ибо таково единодушное требование всех приходов Франции; затем компенсировать возникшие из-за этого убытки, создав палату правосудия, иначе говоря, чрезвычайный трибунал, который бы приговаривал к крупным штрафам тех, кто наживался нелегально, нанося этим ущерб государственной казне.

Чтобы вынести смертный приговор Самблансэ, Франциск I прибег к аналогичной процедуре. Век спустя Кольбер и Людовик XIV воспользуются тем же способом, чтобы добиться пожизненного заключения в Пиньероль суперинтенданта Фуке. Изнемогавшему под налоговым бременем народу нравилось, когда финансистов и налоговых инспекторов отправляли на виселицу или заставляли вернуть государству украденные у него деньги.

Генрих III не был ни Франциском I, ни Людовиком XIV, и ему претило приносить в жертву тех, кто

служил ему верой и правдой, даже если они и извлекли из своей службы некоторую выгоду, ибо выгода эта была их наградой за преданность. А главное, он не намеревался играть в одну игру с Лигой, жаждавшей привлечь к суду тех, кто, по ее мнению, был в ответе за политику, приведшую страну в то плачевное положение, в каком она сейчас находилась, то есть за его собственную политику, потому что к этому времени он правил уже четырнадцать лет. Ни Франциск I, ни Людовик XIV не нуждались в Генеральных штатах для проведения судебного расследования, они сами выступали с такой инициативой, и народ был им за это признателен.

Генрих III, напротив, созвав представителей всех трех сословий, вынужден был выслушивать требования о разделении властей. Он оказался в положении Елизаветы Английской, но та без колебаний решила опереться на парламент и таким образом укрепила свою власть, ибо, как говорил ее отец Генрих VIII, он чувствовал себя абсолютным монархом только в собственном парламенте. Елизавета добровольно сделала выбор в пользу ограниченной монархии. Генрих III публично высказал свои мысли относительно ограничения королевской власти, добавив, что лично он благосклонно относится к подобным предложениям. На встрече с делегацией умеренно настроенных провинциальных депутатов от третьего сословия он заявил, что хотел бы править в согласии со штатами, и предложил депутатам ларец с двумя символическими ключами власти: один — для него, другой — для Ассамблеи штатов. Приведя в пример Англию, он сказал, что в этой стране сотрудничество монархии и парламента оказалось очень эффективным. И тут же обозначил границы, преступать которые не рекомендовалось, ибо, сообщил он шутливым тоном, члены его совета опасаются, как бы он, встав во главе «полудемократического» государства, не оказался низведенным до «статуса дожа Венеции».

Очевидное желание монарха погасить конфликт внесло раскол в стан лигистов, поделив их на радикалов (парижан), не доверявших Генриху III, и умерен-

ных (в основном провинциалов), готовых согласиться с предложениями короля. Дворянство и духовенство благосклонно отнеслись к примирению с королем. Однако парижским лидерам третьего сословия удалось навязать собранию свою точку зрения, повлекшую за собой серьезный политический кризис.

Конституционный кризис: убийство герцога Гиза

Герцог Гиз и его советник, примас Галлии архиепископ Лионский, пригласив на обед предводителя фракции третьего сословия Лашапель-Марто, попытались, следуя примеру королевы-матери, убедить его изменить свое решение. Но это им не удалось. На следующий день герцог вернулся к своим обязанностям, сообщив парижанам, что раскол между сословиями неизбежен. В результате в выигрыше остались гугеноты: ни один кредит на возобновление военных действий не был утвержден парламентом.

Ни аргументы, ни весомый авторитет герцога Гиза не повлияли на позицию предводителей третьего сословия, оно оставалось непоколебимым в своих решениях. Генрих III пошел еще дальше по пути компромиссов: он согласился создать судебную палату, но потребовал права самому выбирать в нее судей, считая это одной из важнейших королевских прерогатив; список ста кандидатов из числа магистратов будет составляться всеми тремя сословиями.

Предводители третьего сословия не хотели подписывать соглашения, прежде чем их ознакомят с составом нового королевского совета, они желали знать «тех, кто не вызывал доверия у представителей штатов». Это новое требование, а именно право высказывать свое мнение по кандидатурам министров или, по крайней мере, иметь возможность устранять тех, кто им неуютен, было исключительным новшеством. Известно, что в Англии существовала процедура «импичмента», стоившая жизни многим министрам во времена Генриха VIII, однако такая ответственность министров перед собранием пред-

ставителей для Франции была просто невероятной. Генрих III расценил это требование как стремление перейти намеченные им границы. Он уже уступил штатам право принятия решений по налогам, контроль за расходами, создание палаты правосудия, но теперь у него сложилось впечатление, что лигисты хотят лишить его всех королевских прерогатив. А когда они высказали желание поручить избрание его преемника-короля Генеральным штатам и закрепить за штатами право участвовать в выборе членов королевского совета, король убедился, что монархия в том виде, какой ее определили Платон и Аристотель, перестанет существовать, уступив место демократии со всеми ее отрицательными сторонами, известными со времен Античности.

Генрих III подозревал герцога Гиза в двойной игре, иначе говоря, в том, что герцог, официально поддерживая позицию короля в области налогового законодательства, втайне разжигал недовольство лигистов, чтобы вновь выступить в роли арбитра в ущерб авторитету своего суверена. Монарх не мог забыть, что пришлось ему пережить в тот майский день, когда Париж покрылся сетью баррикад, и был готов использовать любые средства, лишь бы этот день больше не повторился.

Будучи королевским наместником, герцог хотел стать еще и коннетаблем Франции, и король подозревал, что, желая ускорить событие, он вынудит дать ему должность, заставив проголосовать за это Генеральные штаты. Король знал также, что лигисты вынашивали замысел сменить канцлера, то есть второе лицо в государстве, и назначить на это место хранителя печатей Эпинака, архиепископа Лионского и примаса Галлии, главного советника герцога де Гиза.

Организация заговора с целью убийства герцога Гиза стала, без сомнения, настоящим конституционным кризисом, когда традиционным прерогативам короля было противопоставлено выдвинутое представителями третьего сословия Парижа от имени Генеральных штатов требование поделиться властью.

Генрих III слишком хорошо понимал суть королевской власти, чтобы согласиться с умалением своей роли. Но он знал, что любое его действие, направленное против депутатов, повлечет за собой немедленный ответный ход Гизов, что неминуемо приведет к очередной гражданской войне. Король думал, что когда движение протеста лишится своего харизматического лидера, Лига распадется сама собой, ибо согласно представлениям того времени ни одно политическое мероприятие не могло завершиться успешно, если им не руководил либо принц крови, либо знатный сеньор. Генрих III был убежден, что заменить Гиза Лиге будет некем. Скорее всего, он просто не мог понять ни сущности новой политической силы, представленной Лигой, ни чаяний, которые она выражала в привычных религиозных и политических терминах.

Я уже не раз анализировал драматические события, разыгравшиеся в замке Блуа в дождливое и мрачное утро 23 декабря 1588 года. Благодаря дошедшим до нас документам и воспоминаниям современников события эти достаточно хорошо известны, поэтому, опуская подробности, я всего лишь подчеркну импровизированный характер «казни», распоряжение о которой отдал Генрих III. Хотя, похоже, что и в замысле, и в организации убийства монарх сыграл главную роль, полагая, что имеет право своей королевской волей казнить Генриха Гиза без суда и следствия, так как тот представлял собой угрозу для будущего монархии.

А герцог де Гиз не верил, что король может пойти на такой шаг. Еще накануне во время их встречи герцог упрекал Генриха III за то, что тот не доверяет ему ответственных постов, что занимаемая им должность королевского наместника в сущности пустая ракушка. Король отказал ему в должности коннетабля. И Гиз, по обыкновению, отправился жаловаться Екатерине Медичи, посовествовавшей сыну «удовлетворить» просьбу герцога. В ту ночь и даже утром герцогу поступило множество предупреждений, но он не придавал им никакого значения.

Когда Генриха Гиза не стало, его посмертно обвинили в стремлении свергнуть Генриха III. Однако стратегические замыслы принца были более скромными и полностью сотканы из программы Парижской Лиги, хотя он, так же как и король, не понимал революционной сущности требований парижан. Он хотел всего лишь заставить Генриха III поделиться с ним властью. Образцом для Генриха Гиза служил его отец, которого он потерял в юном возрасте. Отец его был одним из столпов власти при Франциске II. Однако, в отличие от Франциска II, Генрих III не хотел даже слышать о возможном разделении власти «с кузенами Гизами». Тем не менее герцог надеялся добиться своей цели путем еще большего давления на короля.

Устранив герцога, а также кардиналов Эпинака и де Гиза, наиболее влиятельных членов клана Гизов (Майенна, младшего брата герцога, в Блуа не было), король ожидал, что, лишившись лидеров, предводители третьего сословия растеряются, Лига прекратит свое существование и он восстановит свою власть. Во всяком случае, именно так он и заявил матери, совершенно раздавленной последними событиями.

Генрих III не подумал о том, как отреагируют на убийство французские города, где лигисты имели большое влияние и вот уже пять лет противостояли центральной государственной власти, добиваясь изменения политического строя.

«Небесный Иерусалим»

Убийство герцога Гиза опечалило парижан и повергло их в растерянность. Об этом единодушно пишут авторы мемуаров того времени. Свою скорбь народ выражал необычайно бурно: слезы, крики, многолюдные гневные манифестации, которые члены Лиги поспешили направить в клерикальное русло. Проповедники старались вовсю, метали громы и молнии, доводя толпу до экстаза. Проповедник Жен-

сестр назвал Генриха III «гнусным Иродом»* и заявил, что «Ирод» перестал быть их королем, ибо «повинен в богохульстве, нарушении законов, варварстве, недостойных преступлениях, отравлениях и ужасных убийствах, совершенных по его приказу». Используя настроение паствы, проповедник заставил всех присутствующих поклясться отомстить за смерть лотарингских принцев. Когда служба закончилась, толпа сорвала геральдические знаки своего монарха, а спустя немного времени разрушила памятники, воздвигнутые на кладбище Сен-Поль над могилами убитых на дуэли друзей Генриха III.

7 января 1589 года в Париж пришло известие о кончине Екатерины Медичи. Оно было встречено менее бурно, а тот же самый Женсестр обратился к пастве с призывом молиться за усопшую. Лигисты не видели врага в королеве-матери, зато короля считали настоящим дьяволом, а обоих убитых братьев Гизов мучениками, уподобив их самому Христу.

Буйное негодование парижской толпы руководство Лиги сумело обратить себе на пользу. С 1 января в парижских церквях началась мобилизация, сопровождаемая коллективными богослужениями, поклонением Святым Дарам, торжественными мессами, шествиями и более или менее устрашающими театрализованными постановками. Параллельно с обожествлением Гиза личность Генриха III подверглась десакрализации, его послания публично подвергались символическому сожжению, на лубочных картинках его изображали утыканным иголками или корчащимся в пламени костра, с лицом черным как у демона. Были даже картинки, изображавшие короля с отрубленной головой, что вполне могло быть расценено и как предостережение, и как намек на уготованную ему в недалеком будущем участь.

Согласно анализу Дени Крузе, ритуальное отвержение королевской власти настраивало лигистов на ожидание второго пришествия Христа. Чтобы под-

* Гнусный Ирод, по-французски *le vilain Hérode*, анаграмма *Henri de Valois*, Генрих Валуа. (Прим. пер.)

готовиться к торжественному возвращению Христа в конце времен надо очистить город от сил Зла, а для этого изображения короля-убийцы католических принцев должны быть уничтожены. Даже Рене Бенуа, священник из прихода Сент-Эсташ, всегда поддерживавший партию политиков, и противник Лиги, представил убийство Гизов как деяние дьявола, означавшее, что вскоре на людей обрушится гнев Господень.

В столице, жители которой, подобно манихейцам, впали в мистическую экзальтацию, начавшийся 24 февраля 1589 года пост открыл цикл бесконечных процессий. Не обращая внимания ни на холод, ни на снег, участники процессий шли босиком, в колонне по двое, неся в руках свечи, распевая гимны и читая молитвы. Так они ходили от одной церкви к другой, в зависимости от предложенного им маршрута, заранее просчитанного руководителями.

Жирный вторник не принес с собой обычных маскарадов, тем не менее желающие могли полюбоваться шествием шести сотен школяров «в рубахах, босоногих, со свечами в руках и распеваящих благочестивые гимны». Парижский буржуа Пьер де Летуаль описывает эти сцены с долей иронии и утверждает, что многие пели фальшиво. Будучи сторонником партии политиков и яростным противником Лиги, Летуаль находит эти процессии смешными, однако он напуган нарастающими мистическими настроениями, экзальтацией, охватившей толпу. Не сознавая, что у него на глазах совершается настоящая культурная революция, он не устает изумляться тому, как разворачиваются события.

Наблюдая, как ежедневно на улицах разыгрывался один и тот же сценарий, Летуаль поистине терялся в догадках. Церковь, пытаясь регламентировать религиозное рвение толпы, запрещала устраивать манифестации по ночам, без участия лиц духовного звания. Но священников зачастую будили ночью и заставляли возглавлять процессии. Найти священника для ночного шествия было не просто. В большинстве своем кюре и викарии были людьми дисциплинированными, а значит, в глазах экзальтированной

толпы выглядели «еретиками» или «политиками», что в тогдашней обстановке было весьма опасно.

Приспособление к новой культуре, предвещавшей реформу католической церкви, развернувшуюся в первой половине XVII века, вылилось в бурное возмущение парижан, неудовлетворенных не только тем, как обстоят дела в религиозной сфере, но и общественным порядком.

16 января 1589 году Бюсси-Леклерк, простой прокурор (юрисконсульт или поверенный) Парижского парламента, назначенный герцогом Гизом после дня баррикад комендантом Бастилии, вместе с отрядом из тридцати человек осадил Дворец правосудия. Зачитав постановление об аресте целой когорты магистратов, он приказал вывести указанных лиц из дворца и отконвоировать их в Ратушу. Под угрозой расправы советники парламента вынуждены были подчиниться. А затем парижане наблюдали, как пять или шесть десятков магистратов под конвоем тридцати волонтеров Бюсси-Леклерка следовали по мосту через Сену по направлению к Ратуше. Но их повели не в Ратушу, а дальше, в Бастилию. Позднее их всех освободили из заключения, заставив уплатить немалый выкуп.

Целью лигистов было очистить от неугодных им элементов органы правосудия и тем самым продемонстрировать народу, что начинает формироваться новое общество, основанное на большем равенстве, а главное, более соответствующее заповедям Христа. Видя идущих под конвоем судебных, парижане осыпали их едкими насмешками, оправдывая ожидания предводителей Лиги.

Лигисты не удовлетворились чисткой парламента, они решили избавиться от ненадежных элементов в Шатле, парижском суде первой инстанции, и заменили тамошних судей своими ставленниками. Затем началась атака на богатых людей. В домах финансистов были проведены обыски. В результате у предводителей Лиги на руках оказались изрядные суммы, которые были направлены на оборону Парижа.

Монархомахи-протестанты также хотели упразднить Парижский парламент. У конфессиональных антагонистов были сходные политические планы. Однако лигисты не стали упразднять верховный суд королевства, полагая, что поменяв его состав и назначив в него новых, безупречных с их точки зрения людей, они уже улучшат функционирование государственных институтов. Тем более что сами они считали, что реальная власть давно уже находится в руках советов Лиги.

«Демократия» лигистов

Лидеры Лиги не оставили заметного следа в истории по целому ряду причин. Среди них и провал самого движения, и последовавшее за ним изгнание предводителей лигистов из страны. Но, пожалуй, главной причиной краха «Союза католиков» (как официально называлась Лига) явился коллективный характер руководства и принятия решений.

Самый долговременный совет, существовавший еще до дня баррикад, обеспечивал управление всей организацией. Одним из самых важных лиц в этом совете стал казначей, являвшийся связующим звеном между организацией и католическими принцами. Сначала эту должность исполнял один из отцов-основателей движения Отман де Ла Рошблон, а после его смерти— Лашапель-Марто, ставленник Гиза, купеческий прево Парижа и руководитель фракции третьего сословия в Генеральных штатах в Блуа.

После победы на баррикадах в мае 1588 года были созданы новые советы. Сначала это был Совет сорока, не подчинявшийся принцам, а деливший власть вместе с ними. Как мы уже видели, баррикады поменяли расстановку сил на политической сцене: время, когда лигисты посылали Бригара в Суассон уговаривать герцога Гиза приехать в Париж для оказания помощи столичным лигистам, прошло. В Париже лигисты чувствовали себя хозяевами положения. Список членов Совета сорока был составлен секретарем

и письмоводителем Сено, принадлежавшим, по утверждению Летуаля, к наиболее радикальным членам Комитета шестнадцати. Список был подан на рассмотрение герцогу Майеннскому, избранному главой Лиги после смерти братьев Гизов, и ратифицирован ассамблеей 17 февраля 1589 года. Среди сорока поименованных лиц было четырнадцать отцов-основателей Лиги, остальные были людьми новыми.

Среди парижских лигистов Сено пользовался большим авторитетом. Занимая свою должность в совете на постоянной основе, он получал за это вознаграждение, что свидетельствует о подлинно демократическом характере Лиги: Сено вполне можно сравнить с современным освобожденным партийным функционером. Бывший мелкий чиновник из секретариата Парижского парламента, он не имел возможности бесплатно трудиться для Лиги, но благодаря Лиге стал одним из наиболее могущественных людей Франции.

Институт «освобожденных функционеров» и другие институты, а также люди, их утверждавшие, находились под контролем герцога Майеннского; Сено и прочие чиновники обязаны были отчитываться перед герцогом. Назначив герцога «королевским наместником» Франции, лигисты, переставшие признавать Генриха III королем Франции, сделали Майенна самым высокопоставленным лицом в государстве. Осмотрительный герцог обеспечил себе контроль за Советом сорока, включив в список, поданный ему на рассмотрение Сено, четырнадцать своих людей. Сено исполнял также обязанности секретаря совета принца и считался верным человеком, на которого Майенн мог положиться.

Лига не намеревалась стать главным органом централизованной власти. Наоборот, лигисты всячески приветствовали создание местных органов самоуправления. В каждом из шестнадцати кварталов Парижа с одобрения Лиги были сформированы выборные советы из девяти нотаблей. Эта новая администрация должна была взаимодействовать с орга-

нами власти, заседавшими в Шатле и Ратуше. Советы девяти были наделены полномочиями судов первой инстанции. Во главе каждого совета стоял начальник, которого парижане именовали «шестнадцатым» и который был обязан докладывать обо всем, что происходило во вверенном ему округе.

Советы девяти и поставленные во главе их начальники не заменили собой тайный совет начального периода, по-прежнему именовавшийся Комитетом шестнадцати, так как в состав его входило шестнадцать членов и он представлял интересы шестнадцати парижских кварталов. Следовательно, когда речь заходит о «шестнадцати», чаще всего подразумевают не столько руководителей Парижской Лиги, сколько католических экстремистов.

Социальный состав лигистов

В 1980 и 1983 годах были опубликованы блестящие работы Эли Барнави и Робера Десимона, посвященные социальному составу лигистов.

Среди 225 активных участников движения, отмеченных Робером Десимоном, 52% составляли представители судейского сословия; из них магистратов было всего 10% (то есть 23 человека, в то время как парламент Парижа в 1588 году насчитывал 150 магистратов), а наиболее многочисленную группу составляла судейская мелкота (40 прокуроров, 26 адвокатов, 13 нотариусов и комиссаров Шатле, 12 солиситоров и сержантов). Затем шли негоцианты — 30%, а ремесленники, не самая многочисленная социальная группа населения Парижа, составляли всего 10%; на последнем месте оказались финансисты — 6%.

Итак, лигисты вовсе не были сборищем «мошенников», вышедших из самых низов столицы, как утверждали их противники, а напротив, «в большинстве своем являлись представителями средних классов, рядом с которыми поместилась горстка знатных нотаблей и щепотка простонародья» (Робер Десимон).

Между прочим, две трети лигистов родились в Париже от отцов-парижан—либо коренных, либо устроившихся в столице и не собиравшихся ее покидать. И принадлежность к парижской среде, к исконному населению столицы, сыграла не последнюю роль в их идеологическом сплочении.

Радикализм лигистов был обусловлен их социальным составом: большинство из них были люди обеспеченные, и они мечтали о городском самоуправлении, казавшемся им образцовой моделью политической организации общества. Уроженцы Парижа, независимые от центральной власти, все эти адвокаты, прокуроры, торговцы, ремесленники, не могли смириться с тем, что должности магистратов и прочих чиновников верховных судов и муниципальных органов распределяются «наверху», что эти должности могут купить те, кто более заботится о своей карьере, нежели о пользе общества. Новшества, будь то религиозные или политические, рождали у парижан чувство неуверенности в завтрашнем дне.

Известно, что парижское духовенство играло в Лиге далеко не последнюю роль. Согласно исследованию Эли Барнави, среди двадцати семи служителей церкви, вступивших в Лигу, было три епископа (Мо, Суассона и Санлиса), два каноника, шесть священников парижских приходов, шесть монахов (два иезуита, два кордельера, один фельян, один бенедиктинец), три доктора и один бакалавр теологии.

Люди духовного звания в большинстве своем были интеллектуалами и профессорами, чаще всего профессорами философии, наделенными блестящими ораторскими способностями. По данным Робера Десимона, священники-лигисты имели численное преимущество перед своими противниками: тринадцать против пяти, однако священников, сохранявших нейтралитет, было столько же, сколько лигистов.

Парижские нотабли, коренные парижане, правившие Парижем от имени Лиги, вынуждены были конкурировать с проповедниками, чье виртуозное владение словом заставляло толпу поверить, что она

уже вошла в «Небесный Иерусалим», столичный город, независимый от королевской власти, управляемый истинно благочестивыми людьми и исполненный Божьего духа.

Ряд черт, присущих парижским лигистам, можно обнаружить и у провинциальных лигистов.

Городские республики в провинции

Население провинциальных городов, примкнувших к Лиге, как и парижане, было вовлечено в такой же водоворот страстей, однако в отличие от них не тяготело к воинственному мистицизму. Более того, провинция в большинстве своем поддерживала партию политиков, поэтому города, где были созданы отделения Лиги, как и города, попавшие во власть протестантов, немедленно начинали устраивать свою жизнь по образцу свободных республик, давно уже существовавших в Германии, Италии и Нидерландах.

В Орлеане, четвертом по величине городе королевства, Лионе, Руане, Амьене и Абвиле муниципалитеты, находившиеся в руках нотаблей-лигистов, при поддержке местных епископов поощряли стихийные манифестации горожан, призванные почтить великие мифы и важные события в истории города. Новая городская элита не намеревалась терпеть радикальные движения и немедленно подавляла их, как это было в Орлеане. Она диктовала свою волю местному дворянству и соседним городам, таким как Амьен в Пикардии.

Исследование историка Ива Дюрана, посвященное новому политическому феномену — попыткам создания независимых республик в Сен-Мало, Морлэ и Марселе, а также диссертация В. Кайзера показывают, что эти портовые города сумели стать подлинно независимыми республиками, присвоившими себе королевские prerogatives, в частности, в сфере международной политики. В Сен-Мало лигисты, несмотря на свою малочисленность, заключили торговые

соглашения с кальвинистами из Голландии, равно как и с королем Испании Филиппом II. Но когда тот попытался продвинуть идею о независимой Бретани, горожане Сен-Мало продемонстрировали, что их не провел бы и сам Макиавелли. Город проводил независимую политику по отношению ко всем правительствам Франции, как к роялистскому, так и к лигистскому, равно как по отношению к Испании, так и Бретани, где герцог де Меркер также вел себя достаточно независимо.

Демократия лигистов характеризуется слабой центральной властью. Фактически города забирали себе власть посредством восстания и формировали свое правительство, которое действовало совершенно самостоятельно.

К концу правления Генриха III Лига уже начала выдыхаться. Ее изнуряли не только борьба против того, кого она предала анафеме под именем Наваррца, но и внутренние конфликты.

Конец Лиги и лигистов

Апогеем борьбы Лиги стало, без сомнения, убийство Генриха III, совершенное 1 августа 1589 года монахом-якобинцем Жаком Клеманом. Известие о смерти короля парижане встретили как известие о пришествии Спасителя, восприняли его как знак, ниспосланный самим Небом в ответ на их религиозное рвение и манифестации в поддержку истинной веры.

Но на смертном одре Генрих III при поддержке части дворян и полководцев — протестантов и католиков-роялистов — признал Генриха Бурбона королем. И теперь армия Генриха IV, бесспорно, наделенного талантами и стратега, и тактика, одерживала над лигистами одну победу за другой, отчего многие из них пали духом. 21 сентября 1589 года лигисты потерпели поражение при Арке. 1 ноября армия Генриха IV захватила несколько парижских предместий, в ноябре и декабре отвоевала Ле-Ман и большую часть тер-

риторий на западе, 14 марта 1590 года одержала победу при Иври в долине Эра, в июле взяла Сен-Дени и — самое главное — почти пять месяцев, с апреля по август 1590 года, осаждала столицу.

Осада стала тяжелым испытанием для парижан. Они терпели лишения, ели дурную пищу, «народные супы», которым кормили их испанцы*, отражали атаки королевских войск и старались не верить слухам о предательстве. Власти и руководящие советники Лиги поддерживали боевой дух парижан молитвами, шествиями, преследованием подозрительных, беспощадной борьбой с теми, кто пытался организовать черный рынок и припрятывал продукты. Не обошлось без выступлений недовольных. Например, 8 августа 1590 года мятежники выступили «за хлеб и мир», 20 августа 1591 года был подавлен «мучной» бунт, третий бунт произошел 30 августа 1591 года, в годовщину снятия осады.

Все эти события не прошли бесследно, революционное движение постепенно принимало радикальный характер. Когда обострилась борьба кланов, было принято решение избрать короля, но для этого следовало созвать Генеральные штаты. Чтобы избежать неожиданностей, надо было установить постоянный контроль над принятием решений и в случае необходимости оказать давление на результаты выборов. Генеральные штаты собрались только в 1593 году, но еще до начала их работы Лига пережила серьезный кризис, получивший название «дела Бриссона».

15 ноября 1591 года, в семь часов утра, мессир Барнабе Бриссон, первый президент Парижского парламента, чиновник, занимающий — после короля и канцлера — третье место в иерархической системе Французского королевства, шел во Дворец правосудия, чтобы открыть заседание парламента. Он был задержан группой лигистов и доставлен в Шат-

* Испанцы, к которым лигисты обратились с призывом о помощи, помогали парижанам выдерживать осаду королевской армии. (Прим. авт.)

ле, в палату совета, где собрались все сорок ее членов во главе с комиссаром Лушаром, а также адвокаты Амлин, Кошри и инициатор ареста, магистрат Большого совета Морен де Кроме.

До этого времени лигисты не считали президента Бриссона своим противником. Он добровольно присоединился к движению и после чистки парламента, организованной Бюсси-Леклерком, 16 января 1589 года получил пост первого президента парламента. В любом случае он мог считаться верным попутчиком лигистов, однако, как известно, лигисты инстинктивно испытывали недоверие к занимавшим высокие должности магистратам, постоянно подозревали их в измене и внимательно следили за каждым их шагом. 1 апреля 1591 года они провели вторую чистку парламента и Счетной палаты, изгнав оттуда последних чиновников, подозревавшихся в симпатиях к роялистам и политикам.

Процесс Бриссона хотели сделать показательным, и адвокат Амлин взял на себя роль общественного обвинителя. Президента парламента обвинили в измене. Будучи опытным юристом, автором ряда научных трактатов, посвященных вопросам права, Бриссон блистательно защищался. Но все было напрасно. Амлин вынес ему смертный приговор. Такая же участь ожидала советника большой палаты парламента Ларше и советника Шатле Тардифа.

Палач не хотел приводить приговор в исполнение без постановления суда, но ему пригрозили расправой. И до наступления полудня все трое были повешены. Чтобы сломить своих противников, лигисты не позволили снять казненных с виселиц и рядом с ними повесили огромную табличку с перечислением проступков повешенных. Но эта казнь не произвела на парижан желаемого воздействия. Толпа отвернулась от виселиц и в молчании разошлась. Некоторые, осмелев, открыто выражали свое негодование, то тут, то там вспыхивали ссоры. Впервые акция, организованная Комитетом шестнадцати, провалилась, не встретив поддержки народа. Парижане устали от гражданской войны и жаждали мира.

Лигисты не собирались складывать оружие; они опубликовали списки противников с соответствующими пометами возле каждой фамилии: «повешен», «заколот», «изгнан». Таким образом они пытались запугать «политиков», которые поддерживали связь с Генрихом IV и хотели поскорее заключить с ним мирный договор. А так как народ тоже хотел мира, то положение лигистов стало шатким. Тем не менее они не отказались от намерения разогнать Парижский парламент, высший орган государственного правосудия, и заменить его чрезвычайным трибуналом.

Герцог Майеннский, прибывший в Париж 28 ноября 1591 года для наведения порядка в своей партии, отверг план организованного террора. Рассказывая об этих событиях, историк Эли Барнави употребил выражение «террор лигистов», проводя таким образом параллель между концом Лиги и падением Робеспьера. Майенн нанес решающий удар. На рассвете 4 декабря он приказал своим людям арестовать Ору, Эмоно, Амлина и Лушара и немедленно, без суда и следствия, повесить их на одной балке в подвале Лувра. Лонэ, Морену де Кроме, Кошри и Крюсе удалось бежать. Вскоре Крюсе поймали, но по просьбе священника Буше помиловали. Вместе с Бюсси-Леклерком он был отправлен в изгнание.

Ору и Эмоно не отличались добропорядочностью, но с Амлином и Лушаром дело обстояло иначе. Амлин был мистиком, истово верующим католиком. Прекрасно образованный, высококвалифицированный юрист, окончивший университет в Тулузе, он, презрев богатства, оставался бедным адвокатом и неутомимым пропагандистом дела Лиги. Странствуя по городам и провинциям под видом то монаха-кордельера, то иезуита, то торговца, он всюду призывал людей поддержать Лигу. Лигисты считали его кристально честным человеком, а священник прихода Сен-Жермен-л'Оксеруа, произнося надгробную речь, назвал его «святым» и мучеником.

В отличие от Амлина, полицейский комиссар парижского Шатле Лушар мистиком не был, однако имел тонкий политический нюх. В частности, он ут-

верждал, что победу Комитету шестнадцати может обеспечить только сотрудничество с принцами. Цена его политическое чутье, Майенн попытался спасти его, предложив ему перейти на его сторону и покинуть Париж, заняв пост представителя герцога в армии. Лушар отказался, заявив, что не станет предавать сторонников своей партии. И Майенн не стал его уговаривать: «Он хочет быть повешенным! Что ж, пусть его повесят, и не позднее чем через двадцать четыре часа!»

После неожиданного вмешательства Майенна наиболее радикальное и независимое крыло Лиги прекратило свое существование. Оставшиеся члены Комитета шестнадцати были либо ставленниками Майенна, либо временными союзниками, которых обреченный мятеж нисколько не привлекал.

Дальнейший ход событий хорошо известен. В Париже началось увенчавшееся успехом наступление «политиков», которые в 1592 году созвали несколько ассамблей, а затем организовали новое движение, названное движением «пробудившихся». Повсюду началась агитация за переговоры с роялистами и установление мира.

Открытие в январе 1593 года Генеральных штатов, созданных Лигой для выбора короля Франции, стало вторым этапом политической борьбы. Среди кандидатов на французский трон были дочь короля Испании, герцог Лотарингский, австрийский принц, юный герцог де Гиз, а также обладатель звания королевского наместника герцог Майеннский. Начавшийся процесс выборов неоднократно прерывался разного рода инициативами, оказавшими решающее воздействие на события.

Первой инициативой можно считать серию встреч между умеренными лигистами и роялистами, названных «беседами в Сюрене». 29 апреля 1593 года двенадцать роялистов во главе с Самблансе, архиепископом Буржа, и двенадцать лигистов во главе с Эпинаком, архиепископом Лиона и примасом Галлии, решили заключить перемирие. Парижане встретили это решение с огромным воодушевлением.

Второй инициативой стало опубликование Парижским парламентом 25 июня 1593 года постановления Леметра. В нем говорилось, что королем Франции должен быть только француз и ни под каким предлогом нельзя допустить избрания на трон иностранца. Парижский парламент, который лигисты пытались очистить от приверженцев королевской власти, тем не менее остался верен традиции и сохранил дух верховного судебного органа страны, блюстителя и почитателя основополагающих законов французской монархии. Лигисты настолько запугали магистратов грядущими чистками, что, как только предоставилась возможность, те сразу встали на сторону Генриха IV.

25 июля 1593 года Генрих IV, третий раз поменяв веру, окончательно обратился в католичество. Его обращение было встречено парижанами как своего рода чудо и убедило остатки сомневающихся.

Последняя политическая кампания пришлась на конец 1593 года и начало 1594 года. Она началась с публикации «Манифеста французского дворянства» и перехода на сторону Генриха IV знатного лигиста Витри. Затем был опубликован текст, ставший своеобразным завещанием Лиги: «Диалог Господина и Горожанина». Он имел огромный успех, но вскоре отошел на второй план, вытесненный «Менипповой сатирой», едко высмеивающей заседающих в Генеральных штатах лигистов и ставшей ответом роялистов на «Диалог».

27 февраля 1594 года король был помазан в Шартре, а 22 марта того же года въехал в Париж. В этот день иностранные войска, прежде всего испанские, покинули город, а вместе с ними обреченные на изгнание предводители Лиги. Имена их вскоре были преданы забвению.

ДВОРЯНСТВО: НЕОБУЗДАННОЕ СТРЕМЛЕНИЕ К МИФИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

В решающий для Лиги момент герцог Майеннский предпочел устранить наиболее радикально настроенных ее членов, в том числе тех, кто более всего скомпрометировал себя в деле Бриссона. Он сделал выбор в пользу умеренного крыла этой организации. Умеренные взгляды разделяли большинство дворян, составлявших костяк армии, и значительная часть магистратов. Постепенное присоединение знати к Генриху IV способствовало его победе, тем более что благодаря своим воинским и человеческим качествам новый монарх являл собой образец короля, существовавшего в воображении дворянства: талантливый полководец, отважный и великодушный. Опасавшийся оказаться заложником того или иного политического или религиозного клана, стремившийся к национальному примирению и единству, Генрих IV воплотил в себе символ французской нации, тот идеал, за который дворяне готовы были отдавать свои жизни.

В конфликтах между влиятельными дворянскими кланами Гизов, Монморанси, Бурбонов, а также в событиях, связанных с заговором в Амбуазе, дворянство выступало дестабилизирующим фактором монархии. Историк Арлетт Жуанна сделала подробный анализ «мятежного долга», взятого на себя дворянст-

вом, выступавшим против короля. Этот так называемый долг, оправдывавший неумное стремление к свободе и презрение к смерти, находил свое выражение в поединках и способствовал формированию деструктивного характера дворянского мироощущения, в результате которого во внутренней жизни королевства дворянство стало фактором дестабилизации и разобщенности.

Дворянская власть, дворянская свобода

Многие сельские жители бальяжа Шартр жаловались на бесчинства дворян. Дворяне не стеснялись забирать у земледельцев лошадей, переманивать батраков во время страды, избивали тех, кто требовал от них уплаты долгов по соглашениям, которые они сами и заключали. В 54% приходов округа Шартр образ дворянина был отнюдь не положительный.

Во время Религиозных войн примерно в 40% деревень дворяне вели себя как тираны, злоупотребляли своим привилегированным положением и досаждали прихожанам. В своих владениях дворянин был обязан защищать крестьян. В наказе жителей деревни Прюэнэ-ле-Жийон, настроенных крайне негативно по отношению к дворянам, сказано: «Но вышеуказанные жители не жалуются на сеньора и супругу его госпожу де Прюэнэ, кои к ним бесконечно добры, а жалуются на соседей, кои во главе отрядов вооруженных людей являются к ним и забирают овес для прокорма своих лошадей, а взамен ничего не дают».

Этот текст свидетельствует о практике заключения соглашений между дворянами и предводителями вооруженных отрядов с целью поживиться за счет жителей деревень и сел, не имевших сильных и постоянных покровителей. Жители деревни Бевильле-Конт, вспоминая о дворянах-защитниках, сожалели, что их сеньором является король Франции, ведь, в сущности, это равно отсутствию покровителя. Король далеко, и у него много иных забот, более важных, нежели защита своих цензитариев.

Дворяне-протестанты активно защищали крестьян принадлежавших им деревень. Они принимали своих братьев по вере у себя в поместьях, проводили у себя службы, а в случае необходимости с оружием в руках отстаивали своих людей и принадлежавшие им владения. Так, 5 октября 1561 года в деревне Бугленваль, расположенной к северу от Шартра, дворянин Галло выступил на защиту своих единомышленников, подвергшихся нападению местных жителей во главе с викарием. В декабре 1562 года эшеваны города Шартра сделали об этом Галло из Бугленваля следующую запись: «В его доме неоднократно проводились проповеди и устраивались собрания протестантов». Консистерии могли делегировать дворян для участия в работе синода: Поль де Шартр, сеньор Шервиля, старейшина протестантов Шартра, представлял шартрскую церковь на синоде, состоявшемся в 1607 году в Ла-Рошели. Позднее, в 1623 году, когда синод собрался в Шарантоне, его место занял Жак Эруар, сеньор Укса и Байоле.

Дворяне и сельские жители, вставшие на сторону реформированной церкви, образовали своего рода «новый союз»: дворянин защищал селянина, оказывал ему покровительство в обмен на новую власть, основанную на взаимном доверии. В главе, посвященной протестантам, мы говорили о том, в чем заключалась привлекательность нового религиозного учения. Понятие «индивидуальное сознание» и «индивидуальная ответственность» как следствие прямых отношений с Господом при посредстве одной лишь Библии открывало перед дворянами-протестантами новые горизонты свободы и власти. Они получили возможность сами определять свое положение, не оглядываясь ни на присяги, ни на клиентельные связи, соединявшие их с более знатными дворянами.

Не только дворяне-протестанты, но и дворяне-католики были способны идти, когда это было необходимо, наперекор власти. В 1585 году после поражения под Анже принц Конде распустил свои отряды, чтобы протестанты смогли беспрепятственно пере-

браться через Луару и вернуться к себе на юг, откуда они были родом. Генрих III приказал губернаторам задержать дворян-гугенотов, но их друзья-католики оказали им гостеприимство и, «приняв их чрезвычайно любезно», позволили им свободно добраться до Гиени. Расин де Вильгомблен, дворянин-католик из Блезуа, из чьих воспоминаний мы об этом узнали, был не единственным, кто презрел королевский приказ. И хотя сам он исполнял при короле должность палатного дворянина, во имя традиционной дворянской солидарности он «вместе со своими соседями сел на коня» и, по свидетельству Агриппы д'Обинье, отправился «якобы охотиться на друзей», а на самом деле охранять их от королевских соглядатаев.

Оноре д'Юрфе, автор самого популярного в XVII веке романа «Астрея», принадлежал к числу тех дворян, кто воспринял Религиозные войны как повод для всевозможных приключений. Он родился в 1567 году, в год создания Лиги ему исполнилось восемнадцать лет. К этому времени д'Юрфе уже был кавалером Мальтийского ордена и, состоя — через мать — в родстве с королевским домом Савойи, сражался на стороне Лиги. Только в 1602 году он обрел милость Генриха IV. В 1600 году д'Юрфе женился на Диане де Шатоморан, бывшей жене своего старшего брата, которую он всегда любил. За год до этого она расторгла брак с его братом.

Описанная в его романе жизнь пастухов и пастушек отражала глубинное стремление сельских дворян к тихой жизни вдали от ужасов гражданской войны, схваток честолюбий и борьбы за власть. И хотя весь роман пронизан духом характерного для XVI века неоплатонизма, в нем нашлось место взглядам, присущим стоикам: например, автор рассказывает, как изгнанный своей возлюбленной Селадон бросается в реку, то есть в объятия смерти.

Этот картинный и понятный жест отражает мироощущение дворянина, достигшего предела своей свободы — свободы выбрать смерть, о чем свидетельствует эпидемия дуэлей, свирепствовавшая во Франции почти целый век.

В своей диссертации под названием «Красивая смерть французского дворянина в XVI и первой половине XVII века» Элен Жерма-Роман пишет, что дворянина постоянно одолевал страх умереть в своей постели от болезни, ибо в мечтах своих он грезил о «красивой смерти» с оружием в руках. Красивая смерть была лучшим доказательством его личных доблестей. В 1569 году Брантом написал о смерти юного Тимолеона де Коссе-Бриссака: «Граф де Бриссак умер так, как должен был умереть истинный граф Бриссак». Эти слова означали, что своей смертью юный де Коссе-Бриссак показал себя подлинным наследником своих доблестных и прославленных предков.

Агриппа д'Обинье писал, что Лану, прозванный протестантским Баяром, при каждом удобном случае искал смерти. Презрение к смерти, постановочная — и зачастую удачная — организация собственной смерти являлись частью представлений дворянина о самом себе, обуславливали его поведение в жизни. Стремясь красиво умереть, дворянин отрешался от власти мирских благ, становился свободным человеком, осознавая свой долг только перед Господом Богом и обязанность согласовывать свое поведение только с Ним одним.

Все великие полководцы того времени перед началом сражения уделяли несколько минут общению с Богом. Приготовление к возможной смерти позволяло взглянуть на свою жизнь со стороны, и в результате к свойственному той эпохе платоновскому видению мира присоединялась изрядная доля стоицизма. Прожив жизнь, полную сражений и невзгод, коннетабль Монморанси погиб в 1567 году в битве при Сен-Дени. Если судить по посвященной ему литературе, его уход из жизни был подобен уходу обремененного годами мудреца. Вот что пишет о нем Ронсар:

Чтобы познать радость славной кончины,
Пролей свою кровь в сражении на поле боя,
Докажи правильность свершенных тобою поступков
Смертью, достойной безмерной славы,
Ибо, как единодушно решено было,
Красивая жизнь влечет за собой красивую смерть.

А Филипп Депорт добавляет:

И умираешь ты, обремененный почестями и годами, в своей провинции,
Служа Господу, Франции и своему Государю.

Знарок воинской службы д'Обинье подчеркивает искренность желания испытать свою судьбу до конца.

«Попрощавшись с королем, коннетабль отправился к воротам Сен-Дени, чтобы уничтожить банды, начавшие драку на лугах, еще до восхода солнца. Покидая предместье, он построил свою армию в соответствии с разработанным им планом сражения. Выходя из ворот, он крикнул как только мог громко: “Грядущий день избавит меня от упреков народа и армии моих противников, ибо сегодня все увидят, что я либо войду в эти ворота победителем, либо тело мое понесут на носилках!”»

А вот знаменитых «миньонов» Генриха III или Бюсси д'Амбуаза, грозного товарища герцога Алансонского, отличали не стоическая покорность, а жажда жизни, присущая молодости, безудержное стремление к удовольствиям и риску, желание вступить в единоборство со смертью. Бюсси — образцовый герой той эпохи, и Александр Дюма не ошибся, сделав его главным персонажем своего исторического романа «Графиня де Монсоро».

Впрочем, что касается Бюсси, то легенда о нем мало чем отличается от реальности: отменный фехтовальщик, верный и преданный товарищ, в меру кровожадный, авантюрист по складу характера, типичный герой романа плаща и шпаги, он излучал радость бытия и никто не мог устоять перед его обаянием. Его шутки не щадили никого, включая самого монарха, который, разумеется, не мог простить ему свободы поведения. Под влиянием сестры короля и герцога Алансонского Маргариты де Валуа (королевы Марго), чьим любовником он успел побывать, Бюсси покинул окружение Генриха III и перешел в свиту его младшего брата, герцога Алансонского, став его лучшим фехтовальщиком. В «Жизнеописаниях галантных дам» Брантом изобразил своего дру-

га Бюсси образцовым «рыцарем», воплотившим в себе все «доблести паладинов Круглого стола», способным «вести войну», «выдерживать длительные походы» и «предпринимать любые авантюры» ради «любви» прекрасных дам.

Историй о любовных победах Бюсси и его дуэлях множество. Однажды ночью фаворит Генриха III Ле Гаст, обвинявший Бюсси в предательстве интересов монарха и переходе на сторону Алансона и Марго, устроил на Бюсси засаду. Когда Бюсси вышел из Лувра, где он присутствовал на церемонии отхода ко сну герцога Алансонского, и направился домой, на него набросилась дюжина дворян, восседавших на лошадях из королевской конюшни. Склонная к преувеличениям Маргарита в своих «Мемуарах» пишет о двухстах или даже трехстах разбойниках, напавших на Бюсси и десяток сопровождавших его верных людей. Благодаря собственному мужеству и решительности друзей Бюсси удалось ускользнуть от нападавших. Явившись на следующий день в Лувр, Бюсси, по словам Брантома, был в ярости и намеревался «разнести все в пух и прах и всех перебить». Восторженная Маргарита, напротив, сообщает, что он был «весел и жизнерадостен, словно сражение с убийцами было рыцарским турниром, устроенным специально для его забавы».

Так как подлинным инициатором нападения, похоже, был сам король, Бюсси не удалось добиться правосудия и по велению Екатерины Медичи он удалился от двора. После изгнания Бюсси гордые этой победой и поддержкой монарха «королевские миньоны» окончательно распоясались, всюду пользуясь свободой, предоставленной им их повелителем. Отныне большую часть времени они занимались тем, что высмеивали брата короля или сторонников Гизов.

Наглость и безнаказанность «миньонов» способствовали созданию при дворе крайне напряженной атмосферы. Дворянин из Бордо Поль Стюарт де Коссад граф де Сен-Мегрен, большой любитель женского пола и «миньон короля», дерзнул приударить за

герцогиней де Гиз. Майенн, шурин герцогини и брат герцога, давно ненавидевший Сен-Мегрена, убеждал главу дома, знаменитого Меченого, отомстить за оскорбление. Но герцог, презиравший любые провокации, исходившие от «господинчиков», отказался поддержать игру, считая ее глупой и бессмысленной. Убедившись в нежелании старшего брата предпринимать какие-либо шаги, Майенн решил сам уладить дело: он нанял надежных людей, и те с помощью двух десятков наемников 21 июля 1578 года напали на выходившего из Лувра Сен-Мегрена, закололи его и оставили труп валяться на мостовой.

Провинциальный дворянин Сен-Мегрен поплатился жизнью за пренебрежительное отношение к могущественнейшему семейству. В роду Гизов были свои государи, в частности правители Лотарингские, а сами Гизы числили среди своих родоначальников Карла Великого. Но для молодого дворянина преступить табу было упоительной игрой, возможностью польстить своему честолюбию и ощутить себя беспредельно свободным, не стесненным никакими запретами.

Несколькими месяцами раньше, 27 апреля 1578 года, в пять часов утра на Конном рынке, расположенном позади Бастилии, состоялась знаменитая дуэль, символический поединок между сторонниками короля и сторонниками герцога де Гиза. Поводом для нее стало провокационное высказывание Антрага, сторонника Гизов, давно искавшего ссоры с одним из «миньонов» — любимцем монарха Кейлюсом. В последовавшей за оскорблением дуэли приняли участие трое «миньонов» и трое приближенных герцога Гиза. За короля сражались Можирон, сын наместника провинции Дофине, Жан Дарсес де Ливаро и граф де Кейлюс. За Гиза — Шомберг, Рибейрак и, разумеется, Антраг.

Можирон и Шомберг были убиты во время дуэли, Рибейрак умер три дня спустя в особняке Гизов. Кейлюс, получивший девятнадцать ран, скончался в мучениях через тридцать три дня. В живых осталось всего двое участников этой дуэли: Ливаро, на всю

жизнь оставшийся калекой, и Антраг, вышедший из поединка победителем и без единой царапины.

В мемуарах той эпохи много рассказов о дуэлях, участвуя в которых молодые люди делали себя имя и завоевывали репутацию. Целое поколение дворян культивировало в себе такое качество, как воинская доблесть. Молодые люди благородного происхождения бравировали своей отвагой. Наивысшей добродетелью считалось презрение к смерти. Готовность сделать выбор в пользу смерти при возможности свободного выбора между жизнью и смертью была тяжелым испытанием, выдержать которое помогала групповая солидарность, обретаемая дворянами находили в дружбе.

Дружба — главная добродетель дворянина

В своих «Мемуарах» Бове-Нанжи рассказывает, как в 1575 году в Париже, возле Трауарского креста, преданный Генриху III д'О убил Пуассоньера прямо «на глазах у его друзей». Бове-Нанжи присутствовал на поединке, поддерживая вместе с друзьями господина д'О. Друзья Пуассоньера стали искать ссоры с Бове-Нанжи. Зачинщиком выступил Армевиль, младший сын дворянина из Баквиля, его сопровождал граф Шарль де Мансфельт, организовавший дуэль. Проходя по улице Пти-Шан, дуэлянты встретили «отважного Крийона» и «трех или четырех друзей» Армевилья. Поединок состоялся на том месте, где сегодня находится Пале-Рояль. Бове-Нанжи получил два удара шпагой — в руку и бедро, д'Армевиль был ранен в руку и голову. Друзья развели их, ибо, как пишет Бове-Нанжи, в те времена секунданты не сражались, а только поддерживали своих друзей.

Эта дуэль прибавила славы Бове-Нанжи, ибо и Крийон, и все, кто присутствовал на поединке, восхищались его мужеством и доблестью. Король спрашивался о его здоровье и несколько раз лично приходил проведать его, всякий раз «выражая ему свое особое благоволение».

Значение дружественных уз трудно переоценить, именно они стали краеугольным камнем дворянского мировоззрения, отодвинув на второй план политические стратегии и выбор религии. Так, когда была создана Лига, Бове-Нанжи присоединился к герцогу де Гизу по причинам, не имевшим ничего общего ни с политикой, ни с религией. Он испытывал симпатию к герцогу и «неприязнь к герцогу д'Эпернону», который, пока Нанжи исполнял обязанности посла в Португалии, воспользовался его отсутствием при дворе и занял его место фаворита при Генрихе III. Меченый обещал Бове-Нанжи карьерный рост, но обещания не выполнил, и Бове-Нанжи вскоре вернулся в свои владения. Через некоторое время он вновь присоединился к Генриху III — по просьбе самого монарха.

Бове-Нанжи с горечью повествует о разочарованиях, которые довелось ему пережить во время пребывания в высших эшелонах власти, где борьба честолюбий достигала такого накала, что не оставляла места для дружеских привязанностей. «Не следует уповать на дружбу, завязанную при дворе! — писал он. — Один из моих ближайших друзей нарушил это правило и потом горько об этом сожалел». Он имел в виду Сен-Люка, королевского фаворита и своего конкурента на должность командира Пикардийского полка. Эта конкуренция разрушила их дружбу, и Сен-Люк наговорил о нем «немало дурного, выставив его в черном свете перед королем».

Аналогично поступил с ним и еще один любимец Генриха III, маршал д'Омон, предложивший монарху назначить Лашатра маршалом Франции, если тот выйдет из Лиги. Король обещал маршальское звание Бове-Нанжи. Но Омон сказал королю, что Бове-Нанжи еще слишком молод и может подождать следующего случая получить звание маршала. Генрих III передал Бове-Нанжи слова Омона, и автор «Мемуаров» «перестал считать д'Омона своим другом», хотя прежде «полагал, что лучшего друга у него никогда не было и не будет».

Как следует из этих историй, необходимость сде-

дать карьеру плохо вязалась с высоконравственными поступками, которые подразумевает дружба. Становится понятным, почему поставленный самостоятельно спектакль собственной смерти в глазах дворянина, обретавшегося в мире развращенных страстей, приобретал спасительный моральный и эстетический смысл.

Дружба ценилась очень высоко. Во время Религиозных войн дружба ставилась выше партийных пристрастий и обязательств. В 1580 году дворянин из Боса, лигист Теодор де Линьери узнал, что в Шартре лигисты намерены взять власть в свои руки. Это означало, что живущим в городе роялистам грозит арест, заключение в тюрьму и уплата солидного выкупа, и Линьери предупредил о готовящемся перевороте своего друга де Ту. Вот что писал об этом де Ту в своих воспоминаниях: «Теодор де Линьери, по многим причинам принадлежавший к близким друзьям господина де Ту, предупредил он того де Ту, что Шартр вот-вот встанет на сторону Лиги, а следовательно, господин де Ту должен немедленно предпринять надлежащие действия, дабы обезопасить свою жизнь». Много подобных примеров приводит «протестантский Баяр» Лану. Рассказывая в своих «Речах политических и военных» о встрече в Тури Екатерины Медичи и Конде, пожелавших договориться, чтобы избежать военных действий, он подчеркивал, что «в те времена дружеские связи играли немалую роль».

Армии католиков и протестантов, находившиеся в двухстах шагах друг от друга, ожидали исхода переговоров, последней возможности мирно урегулировать спорные вопросы. С обеих сторон командиры прилагали все усилия, чтобы помешать людям вступать в контакты с противником, но все хотели общаться или хотя бы перекинуться парой слов. Солдаты обоих лагерей, несмотря на различия в вере, прекрасно знали друг друга, так как несколькими годами раньше вместе воевали в Италии. Мы уже приводили слова протестанта Лану о том, что «в рядах противников у него было не менее дюжины друзей,

которые были ему дороги как родные братья и которые питали к нему те же чувства».

Дворянская дружба гармонично вписывалась в войны с иноземцами, но никак не сочеталась с войной гражданской. Проблемы, которые во время гражданской войны постоянно приходилось решать каждому дворянину лично, когда его советчиком на поле боя выступала только его собственная совесть, неминуемо должны были подорвать систему дружеских отношений, составлявшую значительную часть дворянского универсума.

Вспомним рассказ католика Расина де Вильгомблена, сторонника Генриха III, а затем Генриха IV, о протестанте де Пурпри, который вырос в доме католика герцога де Лонгвиля и был обязан ему освобождением из плена, то есть жизнью. Де Пурпри вернулся в стан своих единоверцев и продолжил сражаться против католиков. Вильгомблен осудил его поступок: «Это был мужественный молодой человек, однако он обманул его [герцога де Лонгвиля] и не сдержал данного ему слова, а вернулся в стан своих сподвижников, где вскоре умер жалкой смертью».

По мнению Вильгомблена, кончина Пурпри не могла быть славной, ибо он нарушил одну из главных дворянских заповедей. Как мы видели выше, Расин де Вильгомблен знал, о чем говорил, так как после поражения Конде при Анже сам помогал протестантам пробираться на юг, личным примером показывая, что дворянская солидарность и дружба значат гораздо больше, чем религиозное сознание и долг перед королем. Для Пурпри же, напротив, обязательства политические и религиозные оказались важнее дружбы и благодарности. Поступок Пурпри свидетельствует о начавшемся процессе приобщения части дворян к культуре индивидуального сознания, когда личный выбор превалирует над групповыми ценностями, а в случае с Пурпри — над ценностями дворянской культуры как таковой.

А вот пример того, как дружеские чувства возобладали над религиозными. Когда протестантский военачальник Лану попал в плен к испанцам и те, зная о

его воинских доблестях, не захотели его отпускать, в переговоры вмешался герцог Генрих Гиз. Он поручился за Лану, так как для него личные качества военачальника и воспоминания о совместном участии в военных кампаниях были важнее конфессиональных пристрастий.

И все же, читая мемуары дворян той эпохи, нас не покидает ощущение, что события происходят в узком кругу лиц, где все друг друга знают. Поэтому мы попытаемся оценить участие дворян в Религиозных войнах в целом.

Сколько дворян принимало участие в войнах за веру?

Несмотря на многочисленные, хотя и достаточно противоречивые попытки историков определить численность дворянства во все периоды старого порядка, исходить приходится из данных, относящихся к кануну революции, а потому все подсчеты оказываются исключительно приблизительными. О сложности проведения подсчетов в рассматриваемую нами эпоху мы уже упоминали в главе о протестантах.

Желая получить данные о численности дворян-католиков, я обратился к косвенным источникам, а именно к спискам ополчения и регистрам ордена Святого Михаила. Обязанность нести военную службу и отправлять на войну своих людей являлась старинным средневековым институтом, давно не вызывавшим у дворян энтузиазма. Этой службой владельцы фьефов всех бальяжей и сенешальств были обязаны королю. Когда списки ополчения велись в должном порядке, в них указывали имя, родовое имя, титулы, военные и гражданские звания и чины, а также доходы того, кто обязан был явиться на службу в королевское войско. Я отыскал шестнадцать списков, относящихся к периоду Религиозных войн. Изучение этих списков выявило разительные расхождения в численности служилого дворянства: если некоторые

округа Перигора и Пикардии насчитывали от 30 до 40% дворян, служивших в армии, то в Нижней Нормандии их было всего 3—8%, в Дофине — 9%, в Париже и прилегающих к нему территориях — от 15 до 25%. Всего же, если брать средний показатель, по приказу короля на военную службу отправлялось не более 15—16% дворян.

Продолжив географический анализ, обнаруживаем: чем дальше на периферию мы отодвигаемся, тем меньше встречаем дворян, несущих службу в армии (в провинциях Дофине, Провансе, Шампани, Бретани, Лангедоке и Бургундии численность их колеблется от 3 до 8%). В западных провинциях численность таких дворян составляет 47%, в то время как в восточных — 23%, а в центральных — 29%. Если взять срез север — юг, получится, что в центре королевства служилое дворянство достигает 44%. Таким образом, основная масса дворян, принимавших участие в Религиозных войнах, была уроженцами западных и центральных регионов.

Регистры кавалеров ордена Святого Михаила, составленные за период с 1560 по 1610 год, дают результаты совершенно иного рода. Имена лиц, удостоившихся этого ордена, основанного Людовиком XI, сопровождаются краткими биографическими справками, составленными королевским генеалогистом Озье. Всего в регистрах упомянуто 1928 представителей дворянских родов, тогда как общая численность французского дворянства в XVI веке составляла 20 тысяч или же 30 тысяч человек. С большой достоверностью мне удалось идентифицировать 622 титулованных семейства (маркизы, виконты, графы, бароны) и определить их политические симпатии. К сожалению, в изученных списках не могло быть дворян-протестантов, так как удостоиться ордена Святого Михаила мог только католик. Тем не менее мы можем довольно точно определить, сколько лигистов и роялистов насчитывалось в период существования Лиги.

Результаты подсчетов объясняют, почему в споре за престол в конце концов одержал победу Генрих IV.

Среди титулованного католического дворянства Французского королевства 38,58% были роялистами и только 16,87% — сторонниками Лиги. Только в двух провинциях — Бретани и Пикардии — оба лагеря имели практически равное число сторонников. В остальных регионах численность сторонников короля превосходила численность сторонников Лиги. Так, в Орлеане, Шампани, Провансе, Бургундии роялистов было в два раза больше, чем лигистов; в Лионне, Нормандии, Иль-де-Франсе — в три раза больше; а в Гиени, Гаскони и Лангедоке роялисты превосходили своих противников в восемь раз.

После смерти Генриха III почти 44,54% титулованных дворян отказались принимать участие в выборах короля и удалились в свои владения, ожидая, какой оборот примут события. Таких дворян именовали «безразличными», и, как можно убедиться, число их было велико. Столь неожиданная демонстрация независимости по отношению к партиям красноречиво свидетельствует о состоянии духа дворянства. Особенно много «безразличных» было на юге Франции. Дворяне, проживавшие на землях, управлявшихся губернаторами, а именно в Иль-де-Франсе, Орлеане, Шампани и Бретани, предпочитали примкнуть к тому или иному лагерю. Далекое не все дворяне вступали в регулярную армию, многие из них, подобно Фонтенелю, были «искателями приключений». Уроженец Нижней Бретани Фонтенель хотя и провозгласил себя сторонником Лиги, действовал исключительно в собственных интересах. Читая мемуары той эпохи, убеждаешься, что «искателями приключений» становились многие дворяне. Парижский буржуа Летуаль в августе 1584 года сообщал, что «Понто, дворянин из Боса и величайший вор, в течение двадцати пяти лет занимавшийся воровством под предлогом борьбы за дело так называемой реформированной церкви, на самом деле был совершеннейшим безбожником; и вот этот бандит был, наконец, пойман и, отсидев три года в тюрьме Консьержери, что состоит при Дворце правосудия (...), был казнен на Гревской площади, где к великому

облегчению простонародья и удовлетворению благородных людей ему отсекали голову».

Часть дворян служила в армии и получала командные должности — например, Гийом де Бри, сеньор де Ламот-Серан из прихода Дусель, что на севере департамента Верхний Мен. Историк того времени, роялист де Ту в своей «Всемирной истории» писал, что де Бри «известен своими грабежами и разбоем». Де Ту обвинял де Бри в том, что тот «морил голодом и мучил» протестантов, когда те отказывались платить ему выкуп, и утверждал, что де Бри «эти варварские поступки совершал под прикрытием борьбы за веру». Попав в плен, де Бри предстал перед судьями Парижского парламента, состоявшими из роялистов, вынужденных бежать в Тур. Несмотря на протесты обвиняемого, суд отказался признать его военнопленным и приговорил к смертной казни; приговор был приведен в исполнение, и никто не выступил в его защиту. Впрочем, Ив Мажистри, приходской священник-лигист из Люда, написал и издал памфлет, разоблачавший пародию на правосудие, жертвой которой, по его мнению, стал де Бри, ибо приговорен этот дворянин был судом недружественным, а следовательно, пристрастным.

Невозможно подсчитать количество авантюристов, появлявшихся то в одной, то в другой провинции и использовавших сложившуюся ситуацию для личного обогащения. В политическом плане этих авантюристов следует рассматривать как маргиналов, даже если они были в силах разгромить и разграбить целую провинцию. Разумеется, действия их вызывали возмущение населения, прекрасно понимавшего, что под видом борьбы за те или иные идеи эти люди сколачивали свое личное состояние и поднимались по социальной лестнице. В наказах 1576 года, составленных в приходе Лалупе селения Перш-Гуэ бальяжа Шартр, говорится: «Множество подавленных в наемники ремесленников и прочих бездельников, оставивших свое ремесло и свое искусство, под прикрытием смуты взяли в руки оружие и принялись грабить и обижать простой народ, жить, не

соблюдая порядка, совершать дурные поступки и присваивать себе дворянские титулы».

В своем исследовании, посвященном гасконским капитанам периода Религиозных войн, Вероник Ларкад показала, что из каждых двадцати трех капитанов половина была выходцами из простонародья. Так, например, из двадцати трех капитанов пятеро прежде были простыми солдатами, трое — крестьянами, трое — ремесленниками и двое — торговцами.

Все эти люди сумели извлечь выгоду из гражданской войны, однако ни один из них не принадлежал к классу дворян, то есть классу, способному повлиять на ход истории. Стратегические позиции в социальной и политической сферах принадлежали среднему дворянству.

Стратегическая роль «среднего» дворянства в победе Генриха IV

Пристально исследуя ход событий, замечаешь, что люди, чьи имена чаще всего встречаются рядом с именами сильных мира сего — принцев крови, герцогов и пэров Франции, являлись провинциальными дворянами, богатыми, сильными, обладавшими собственной клиентелой, которая следовала за ними на войну. Провинциальные дворяне составляли основу армии, становились капитанами вольных отрядов и губернаторами городов и крепостей, королевскими наместниками в провинциях. Они служили связующими звеньями между королем и дворянством в целом, между знатным сеньором и дворянами края, где этот сеньор проживал. Так, когда Бове-Нанжи приезжал к себе в родовую замок в Бри, то, по его собственным словам, к нему с визитами толпами являлись местные дворяне, которых он, в случае необходимости, мог позвать с собой на войну.

В 1986 году на коллоквиуме в Оксфорде я предложил назвать эту стратегическую группу населения «средним дворянством» (*noblesse seconde*). Такого названия в архивных документах никто не встречал, в

процессе исследования оно с самого начала было применено для удобства номинации. Постепенно по ходу работы становилось ясно, что данное определение соответствует определенной политической и социальной реальности. Лоран Буркен посвятил свою диссертацию «Среднее дворянство и власть в Шампани в XVI и XVII веках» именно этой социальной группе, сформировавшейся в царствование Франциска I, точнее около 1530 года, для охраны провинции от могущественных соседних государств, граничащих с ней на востоке, а именно герцогства Лотарингского, но главным образом Священной Римской империи германской нации.

Старинные дворянские роды, выделявшиеся на общем дворянском фоне эпохи, изначально были не слишком многочисленны: Англиоры, Шуазели, Дантевили, Клермоны... Мужчины из этих семей занимали ответственные военные должности в городах и крепостях. Позднее к ним добавились другие семейства: Ленонкуры, Агеры, Ливроны.

Во время Религиозных войн герцог де Гиз, будучи губернатором Шампани, всеми силами старался сохранить свое влияние на дворян управляемой им провинции. Создавая ему противовес, Генрих III привлек на свою сторону «средних» дворян, назначив Дантевиля, занимавшего прочные позиции в регионе, наместником Шампани. Однако, несмотря на такую выгодную должность, Дантевиль сумел воспользоваться своим положением только в конце 1588 года, то есть после убийства Меченого.

В Шампани «среднее» дворянство никогда целиком не зависело от Гизов. Местные дворяне воздержались от участия в крестовом походе сторонников Гизов против протестантов Шампани, лишив в очередной раз главу Лиги поддержки влиятельной дворянской группы. В 1588 году во время выборов в Генеральные штаты Гизы пытались убедить население избрать депутатами от дворян своих ставленников. Но в результате среди восьми депутатов людей Гизов оказалось всего двое: один из Шомон-ан-Бассиньи, другой из Труа. Роялисты полностью контролирова-

ли дворянскую среду Шампани. Также обстояли дела и в других пограничных провинциях — Верхней Нормандии и Пикардии. Внутри королевства положение было иным. По данным историка Лорана Буркена, в Анжу, провинции, присоединенной к владениям короля Франции при Людовике XI, «среднее» дворянство состояло не из воинов, а из нотаблей, занимавших важные военные должности.

Уроженцы Анжу с трудом находили общий язык с патрициатом города Анже, столицы провинции. Городские власти, пользовавшиеся широкой автономией, мечтали со временем вновь сделать Анже великим городом, каким он был во времена короля Рене, мифической эпохи всеобщего процветания. Когда брат Генриха III, знаменитый герцог Алансонский, вернул своему уделу статус княжества, городские власти решили, что эти времена настали.

По мнению Мишеля Кассана, в Лимузене насчитывалось всего пять семейств «средних» дворян: граф де Вантадур, виконты де Тюрени и де Помпадур, Ноайли и Лезескары. В Босе во времена Религиозных войн только два семейства местных уроженцев могли рассматриваться как представители «среднего» дворянства: Прюнеле и Аллонвилли. Дворянские семейства, прибывшие в Бос из других провинций с целью приобрести здесь недвижимость, пользовались определенным уважением, однако смешанным с недоверием, особенно из-за роли, сыгранной этими семействами — Анженами и Эскубло де Сурди — при прежних суверенах:

«Средние» дворяне, каковы бы ни были возложенные на них миссии, постепенно переставали быть провинциалами. Их судьба, подобно судьбе анжуйца Бриссака, бургундца Таванна, шампанца Шуазеля, всегда была связана с судьбой нации. Королевская власть выбирала из рядов «среднего» дворянства военачальников и губернаторов. При Генрихе II блестящую карьеру сделали уже известные нам Монморанси и маршал де Сент-Андре; при Генрихе III в кулуары власти пришли новые люди, такие как Жуазе и д'Эпернон, ставшие герцогами и пэрами Франции и

взвалившие на свои плечи огромную политическую и военную ответственность. Их отцы были наместниками в южных провинциях Франции. В первой половине XVII века в круг «средних» дворян вошли Люинь и Ришелье. Многие семейства держались на достигнутом уровне, некоторые, подобно Бриссакам и Шуазелям, возносились еще выше, а кто-то, как, например, Дайоны из Люда, исчезал с политической арены.

Ясно, что эта стратегическая — как в социальном, так и в политическом плане — группа была необходима Генриху IV для завоевания французского королевства и победы над Лигой. В правление Генриха III «среднее» дворянство отчасти оказалось не у дел: монарх то ли не смог, то ли не захотел сохранить наследие своего брата Карла IX, которому удалось завербовать в союзники влиятельные семейства «среднего» дворянства. Генрих IV сделал все, чтобы перетянуть в свой лагерь этих дворян, многие из которых сомневались, стоит ли поддерживать суверена-протестанта. Но отважный и великодушный, как и подобает королю-полководцу, Генрих IV своим поведением сумел привлечь их на свою сторону. В своей «Истории Религиозных войн» Расин де Вильгомблен, которого мы так любим цитировать, дает характеристики выдающимся людям своего времени, тем, кто соответствовал представлениям об образцовом полководце, под началом которого мечтали сражаться дворяне-военные.

Хотя Вильгомблен принадлежал к людям Генриха III, он тем не менее высоко оценил достоинства двадцатилетнего герцога де Гиза: «Если говорить беспристрастно и только правду (...), совершенно очевидно, что Гиз был самым достойным и самым замечательным принцем своего времени». Среди качеств его характера Вильгомблен выделяет умение владеть собой в любых ситуациях, простоту и доступность в отношениях с солдатами во время военных действий, физическую и моральную выносливость, презрение к смерти. Вильгомблен подчеркивает, что «никто никогда не замечал ни в его глазах, ни в его действиях ни малейшего страха смерти». «Он [Гиз]

всегда говорил, что лучше самому принять решение [умереть], чем живым попасть в руки своих смертельных врагов».

Герцог Гиз был идеальным рыцарем. «Он сцентировал вместе дворянство, командиров, солдат, земляков и пришельцев из других краев, и даже горожан», — писал Вильгомблен.

По сравнению с герцогом Гизом Генрих III был совершенно иным человеком. Современный историк, изучающий Религиозные войны, подчеркивает, что король «был робок, и опасался даже тех, кто мог оказать ему услугу». Однако придворный Расин де Вильгомблен, сравнивая Генриха III с Генрихом IV, отдает предпочтение Валуа, называя его настоящим князем, «добрым, сильным, великодушным, изысканным и доступным; он выслушивал жалобы, доводы каждого, вид имел величественный и значительный, говорил красиво и содержал великолепный и роскошный двор».

А вот Генриха IV, самого популярного короля французов, Вильгомблен упрекал в том, что ему недостает королевского величия, что он постоянно контролирует государственные расходы и неохотно открывает собственный кошелек для выплаты дворянских пенсий. В новом короле «чувствовался, скорее, солдат, нежели король». Но именно такой образ короля — отважный полководец, любимый народом и доступный для дворян, — соответствовал чаяниям большинства французов.

Расин де Вильгомблен прекрасно понимал, насколько непопулярен в народе Генрих III. «Некоторые пороки, которым он был привержен в особенности, сделали его ненавистным для народа», — писал он, однако добавил, что речь идет о частной жизни короля из династии Валуа и что поведение короля как частного лица никогда не мешало ему исполнять свои государственные обязанности. Тем не менее есть ощущение, что, в отличие от Вильгомблена, население и дворянство обладали не столь широкими взглядами на подлинную или же предполагаемую сексуальную жизнь монарха.

Генрих Наваррский, победитель при Арке и Иври, сумел привлечь «среднее» дворянство на свою сторону. В мае 1590 года Генрих IV, возвращаясь из Санса, «неожиданно заехал [в Нанжи], дабы лично поговорить с маркизом» де Бове-Нанжи. Король обещал сохранить за ним должность адмирала Франции, если тот перейдет в его стан. После этого разговора Бове-Нанжи не только сам встал под знамена нового короля, но и привел под стены осажденного Парижа сто двадцать дворян.

Умение налаживать личные отношения с дворянами позволило Генриху IV перетянуть на свою сторону многих противников и сомневающихся. Правда, взятый в плен маршал Лиги Буадофен остался равнодушен к уговорам Беарнца, даже когда тот, желая во что бы то ни стало привлечь маршала на свою сторону, освободил его. Невосприимчивый к королевской харизме, Буадофен вновь встал в ряды лигистов и на их стороне участвовал в сражениях в Мене и Анжу. Только когда Лига доживала последние дни, он после долгих переговоров присоединился к Генриху IV.

Генрих IV одержал победу в борьбе за Жана-Франсуа Фодоа по прозванию Авертон, графа де Белена, барона де Мийи-ан-Гатинэ. В Гаскони, откуда Фодоа был родом, он обрел покровителя в лице Блеза де Монлюка, воспитавшего его и сделавшего своим пажом. Генрих III включил Фодоа в число своих палатных дворян. Вскоре Фодоа стал капитаном одного из десяти французских отрядов, составлявших личную гвардию короля, а в 1579 году — полковником Пикардийского полка.

В 1585 году Анжен, наместник провинции Мен и приближенный Генриха III, назначил его губернатором Ле-Мана. Однако в 1589 году Фодоа пришлось вступить в ряды Лиги, так как Майенн назначил его командующим католическими армиями. Генрих IV, выигравший битву при Арке, во время которой Фодоа был взят в плен, лично переговорил с узником, а затем приказал освободить его под честное слово. Фодоа отбыл в Париж, где его назначили губернатором.

Встреча с новым королем произвела на него большое впечатление, особенно поразили его куртуазность и великодушие нового монарха. В 1593 году Фодоа вступил с ним в переговоры, и предводители Парижской Лиги, ярые противники любых контактов с Беарнцем, потребовали высылки Фодоа. 27 января 1594 он покинул столицу и с распростертыми объятиями был принят в стане Генриха IV.

Итак, чтобы привлечь на свою сторону или оторвать от Лиги ключевые фигуры из «среднего» дворянства, монарх первым делал шаг навстречу, был любезен, являл все свое великодушие, словом, вел себя как образцовый рыцарь. Видя, с каким вниманием новый король прислушивается к их мнению, многие дворяне были искренне растроганы. И даже в тех случаях, когда, подобно Буадофену, они отказывались присоединиться к новому монарху, они тем не менее задумывались о целесообразности своего пребывания в рядах Лиги. Зная, что король понимает их чаяния, они были уверены, что он может простить им участие в мятеже. Напомним также о смятении «средних» дворян, поставленных перед выбором между традиционной верностью королю, воплощавшему нацию, и приверженностью к католической религии, побуждавшей оказать отпор королю-протестанту, отлученному папой. Поэтому, желая разобраться в сложившейся ситуации и сформулировать собственные требования, многие из них заняли выжидательную позицию.

В своей книге, посвященной Лиге, я писал, что дворяне-лигисты принадлежали к клиентеле Гизов. Но у многих имелись и иные мотивы вступить в Лигу. Бове-Нанжи побыл лигистом всего несколько месяцев, вступив в Лигу исключительно из антипатии к герцогу д'Эпернону и Генриху III. Сенешаль Лашаст, наоборот, вышел из Лиги, ибо Сен-Видаль, его конкурент на пост губернатора, был лигистом. Будущий маршал Лиги Лашатр был доверенным лицом герцога Анжуйского. Долгое время Лашатр поддерживал сложные отношения с Генрихом III, но после смерти брата короля последовал примеру многих его друзей

и присоединился к герцогу де Гизу. Помимо личных привязанностей и политического честолюбия, им руководило и отвращение к реформатской вере: он был твердокаменным католиком.

Среди членов Лиги, вступивших в ее ряды буквально в первые часы после ее создания, был всего один дворянин-военный — Коэфье д'Эффар, но он недолго оставался лигистом. Остальные отцы-основатели были судейскими, магистратами, членами верховных судов.

Роль судейского сословия

Разумеется, еще рано говорить о «дворянстве мантии». Однако уже тогда часть магистратов получала дворянский титул благодаря должности, занимаемой ими в суде. По данным Эли Барнави, среди основателей Лиги был шевалье Этьен де Нейи — государственный советник, президент податного суда, купеческий прево Парижа с 1582 по 1585 год. Большинство же должностных лиц, участвовавших в создании Лиги, носили скромное звание «благородного человека», то есть, стоя на ступеньке иерархической лестницы, занятой буржуазией, уже занесли ногу на ступень, отведенную дворянству. Давно став собственниками сеньориальных владений, они занимали должности, которые рассматривали как автоматически приносящие дворянский титул. Родовитые дворяне высмеивали дворян новопожалованных, особенно из королевских нотариусов и секретарей*, и те отвечали им ненавистью и злобой. Так, Пьер Леметр, советник Парижского парламента, сын королевского нотариуса и секретаря, и Филипп Алкевен, королевский нотариус и секретарь, благодаря своим должностям перешли в благородное сословие,

* Должность королевского нотариуса и секретаря, получившая шуточное название «мыльца для вилланов», позволяла начиная с XV века получить дворянство в первом поколении путем покупки этой должности, стоившей очень дорого и доступной только очень крупным финансистам. (*Прим. авт.*)

однако к ним по-прежнему относились как к состоятельным буржуа. То же самое можно сказать и про известного Жана Анкена, королевского казначея в Пикардии. Новоиспеченные дворяне составляли примерно 10% парижских лигистов, однако их значение в политической и общественной жизни столицы, равно как и в самой инфраструктуре монархического государства, было гораздо весомее этих скромных процентов.

Казнь первого президента Бриссона и его товарищей, учиненная радикальными лигистами, повергла в ужас магистратов верховного суда, усмотревших в поступке экстремистов не только стремление к социальному реваншу, но и политическую волю окончательно разрушить преграду, препятствующую повсеместному установлению республики лигистов. Пока шли заседания Генеральных штатов, созванных Лигой в 1593 году, Парижский парламент, пребывавший под тяжелым впечатлением недавней казни, осознал, что он является частью, причем существенной, французской монархии, и сыграл решающую роль в признании королем Генриха IV. Так как радикальные элементы Лиги были устранены Майенном, лигисты, оставшиеся заседать в парламенте, крайне ревниво отнеслись к созыву Генеральных штатов, ибо, будучи должностными лицами государства, они справедливо полагали, что собрание представителей всех трех сословий отодвинет верховные суды на второй план, эти суды не смогут осуществлять контроль за соблюдением законности и будут вынуждены довольствоваться ролью апелляционных судов. Когда штаты показали свою неэффективность, Парижский парламент сообразил, что он может сохранить свое главенствующее положение, выступив гарантом правового монархического государства и главным органом, которому доверят проверять законодательные акты, предложенные королем. 25 июня 1593 года генеральный прокурор Моле выступил против отмены салического закона, на которой настаивали испанцы, ибо при этом законе инфанта Изабелла не могла взойти на трон Франции. Моле

поддержал генеральный адвокат. 28 июня парламент торжественно обязал герцога Майеннского использовать весь свой авторитет, дабы остановить тех, кто, прикрываясь религией, хочет заставить Французское королевство, зависящее только от Бога, признать своим королем чужестранца. Это постановление, известное как «постановление Леметра», обуздывало честолюбивые амбиции как испанцев, так и папы именно в тот момент, когда общество вспомнило об основных законах французской монархии.

Состоявшееся 25 июля обращение Генриха IV в католичество позволило большинству одобривших постановление открыто выразить свою поддержку новому королю.

Генрих IV: воссоздание французской монархии

После совместных действий короля, парламента и роялистски настроенного «среднего» дворянства руководители Лиги оказались перед необходимостью скорейшего самоопределения. Свою роль в принятии решений предводителями Лиги, без сомнения, сыграл Манифест французского дворянства, составленный Витри. Лашатр, могущественный губернатор провинций Орлеанэ и Берри, один из четырех маршалов Лиги, откликнулся на этот манифест и начал переговоры с королем. Бриссак, исполнявший в отсутствие Майенна роль губернатора Парижа, не прерывая переговоров с испанскими военачальниками, тайно вступил в переговоры с Генрихом IV. При поддержке эшевенов и вождей роялистской партии столицы он сдал ворота Сен-Дени королевским войскам, которыми командовали Витри, д'О и Сен-Люк. В семь часов утра король въехал в Париж, где его встретил Бриссак, получивший за свою доблесть титул маршала Франции. В мае 1588 года Бриссак был героем баррикад, вынудившим Генриха III бежать из собственной столицы, а сегодня лигист Бриссак взял на себя весь риск, со-

пряженный с возвращением суверена. «Среднее» дворянство, представлявшее собой военную силу, и магистраты верховных судов, являвшие собой силу юридическую, стали главными стратегическими социально-политическими стратами, обеспечившими победу Генриха IV.

Генрих IV вошел в Нотр-Дам, и в честь его победы торжественно зазвучал *Te Deum*. Вокруг кипела толпа. Париж был свободен, звонили колокола собора, а Бриссак и его помощник, купеческий прево Люилье, шествовали по улицам, извещая об амнистии и призывая всех повязать белый шарф в знак добровольного присоединения к королю.

Долгий путь Генриха Наваррского, старшего представителя дома Бурбонов, к трону Франции был сродни инициационной авантюре средневекового рыцаря, ибо на этом пути Беарнца ожидали самые невероятные испытания. Разумеется, его круглое гасконское лицо, его отеческая манера общения, его стремление всегда быть великодушным, его мужество в бою способствовали тому, что многие лигисты, как активные, так и занимавшие выжидательную позицию, присоединились к нему совершенно добровольно. Для людей, живших в постоянном ожидании чуда, его полководческий дар и его победы на полях сражений стали подлинными знаменами свыше. Но даже победы, ставшие важными вехами на его пути к трону и позволившие роялистской пропаганде развернуться во всю свою мощь, его победоносные битвы при Арке и Иври, взятие Шартра и Дре были основными факторами только с психологической точки зрения. Они не принесли ему решающую победу, ибо Лига, заперевшись в крепостных стенах захваченных ею городов и выставляя на битву опытных в сражениях солдат, по-прежнему была сильна и не сломлена. В Бургундии, например, провинции, где губернатором был Майенн, в армии служили не только местные дворяне, но и многочисленные наемники. Следовательно, чтобы одержать военную победу, надо было завоевать все королевство, все города и все провинции.

И, проявив истинно государственный ум, Генрих IV терпеливо заключал соглашения с каждым городом и с каждым знатным родом в отдельности. Города стремились к автономии или к полной независимости. Дворяне не хотели остаться не у дел при дележе должностей и пенсий. За время Религиозных войн многие из них разорились и нуждались в короле, способном возместить им ущерб. Генрих IV это понимал и обещал удовлетворить их запросы. А своим противникам, упрекавшим его за то, что он слишком дорого платит за каждого нового союзника, он отвечал, что воевать с ними обошлось бы государству еще дороже.

Вступая в переговоры с каждым мятежным городом, он восстанавливал политическую ткань королевства, но, в отличие от революционеров 1789 и 1793 годов, не уравнивал все порядки и обычаи, а, напротив, сохранял за каждым городом его особые права и привилегии и после жестких переговоров принимал условия, поставленные ему горожанами. Таким образом он реставрировал монархические отношения, окружив себя людьми, поддерживающими власть монарха. Например, жители Амьена, крупного города, находившегося в руках Лиги, потребовали, чтобы в городском гарнизоне служили только горожане, назначенные органами городского самоуправления. Амьенцы отказались строить укрепления, которые, по их мнению, можно было бы использовать для борьбы с самими горожанами. Города Прованса выдвинули иные требования: они хотели добиться постановления, запрещающего отправление нового культа на всей территории провинции.

Городские губернаторы имели свои претензии к королю. Ярким примером завышенных требований стали требования Вилара, губернатора Руана. Вилар хотел получить подтверждение своего назначения на должность адмирала Франции, на которую его назначил Майенн. Но должность была одна, и вдобавок уже занята роялистом Бироном. Сохраняя под своей властью Руан, Вилар хотел стать губернатором Верхней Нормандии, причем всей провинции целиком, а

не сопровителем герцога де Монпансье, и отказался принести присягу на совместное правление. Кроме того, он требовал выдать ему три с половиной миллиона турецких ливров наличными. Умело сочетая уговоры и угрозы, Генрих IV и Сюлли сумели наполовину умерить аппетиты руководителя Лиги. Вилар в конце концов получил должность адмирала, которую занимал Бирон, а Бирон в качестве компенсации получил звание маршала Франции. В обмен Вилар сдал королю Руан, Гавр, Арфлер, Монтивилье, Понт-Одмер и Верней.

Ведя переговоры с Виларом, король одновременно вступил в переговоры с городами и «средним» дворянством. Как и в случае с губернатором Руана, в этих переговорах наиболее вескими аргументами со стороны Беарнца были деньги и высокие должности. Так, после присоединения к нему сына Меченого Генрих IV оплатил долги дома Гизов. Сын Гиза находился в ссоре с маршалом де Сен-Полем, очередным маршалом, изготовленным Лигой. Этот Сен-Поль был мелким дворянином из Шампани и, судя по сохранившимся до наших дней источникам, авантюристом и честолюбцем. За поддержку Лиги он был назначен губернатором Шампани, однако ни Меченый, ни Майенн не были им довольны. Когда же он окончательно вывел из себя наследника старшей ветви Гизов, тот проткнул его шпагой. Устранив возмутителя спокойствия, молодой герцог и Генрих IV приступили к серьезным переговорам о присоединении Шампани. 29 ноября 1594 года королю был сдан город Реймс.

Возвращение под королевское крыло уже упоминавшегося Лашатра было менее драматично и даже принесло выгоду возвратившемуся. Лашатр одним из первых присоединился к королю после его обращения, что позволило ему выговорить для себя значительно больше привилегий. Свое решение Лашатр объяснил орлеанским нотаблям тем, что война поставила край на грань полной разрухи и он не видит смысла в том, чтобы их повелителем стал испанец, тем более что обращение короля в католичество сде-

лало союз с Филиппом II противозаконным. Выбор Лашатра был продиктован исключительно философией большой политики. Он лично получил вознаграждение в сумме 898 900 турецких ливров, сохранил присвоенное ему Лигой звание маршала Франции, должности губернатора Орлеана и Буржа, губернаторство в Берри, которое уже давно хотел передать своему сыну, и, наконец, добился для себя ежегодной пенсии в две тысячи экю (один экю стоил три турецких ливра).

Вербовка союзников дорого обошлась королевской казне и вызывала множество жалоб со стороны суперинтенданта финансов Сюлли, всякий раз задававшегося вопросом, откуда он будет брать деньги на новоявленных союзников. Тем не менее путем прямого подкупа и обещаний Генрих IV восстановил сеть личных связей с дворянами, которые король, стремившийся к гражданскому миру, обязан был поддерживать. Новую социально-политическую обстановку в королевстве поистине можно назвать строительством монархии на новых основах, возвративших французам надежду, утраченную ими с началом Религиозных войн.

НАЧАЛО БОРЬБЫ ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: НАНТСКИЙ ЭДИКТ

Принятие Нантского эдикта является памятной вехой в истории Франции, великим событием, объединившим нацию. Инициатор эдикта Генрих IV, согласно опросам общественного мнения, пользуется самой большой популярностью у французов — вероятно, из-за своей гасконской говорливости, склонности к прекрасному полу и, разумеется, из-за своей знаменитой фразы, «озвученной» Сюлли: король желает, чтобы в каждой деревенской семье к воскресному обеду подавался суп с курицей. Так Генрих IV выразил свое желание улучшить положение крестьян.

Однако уже в то время у короля было немало критиков. Одни выражали недовольство налоговым бременем, другие возмущались скупостью короля, крайне неохотно тратившего государственную казну. Зато суперинтенданту финансов и верному соратнику Генриха IV Сюлли удалось создать то, что мало кому удавалось при французских монархах, — а именно бюджетный резерв. В «Королевской экономике» Сюлли с гордостью писал о своем умении вести дела и превозносил короля, немало способствуя созданию знаменитой легенды о «добром короле Анри».

Роялисты эпохи Реставрации видели в Генрихе IV основателя династии Бурбонов, восстановившего

монархию после устроенной лигистами революции, идеального короля, любимого всем народом.

После поражения в войне 1870—1871 годов с Германией и падения Парижской коммуны республиканцы прославляли Генриха IV как главу государства, сумевшего в смутный период гражданских войн сохранить единство нации и преодолеть религиозные разногласия. Политики времен Третьей республики чтили Генриха IV за достижение национального примирения и одновременно за великую терпимость, благодаря которой ему удалось убедить государственных чиновников принять Нантский эдикт. Толерантность и национальное единство являлись главными составляющими программы республиканской партии, осознававшей угрозу германского нашествия и выступавшей за создание светского государства и светской школы. Обмирщение государственных институтов встречало активное сопротивление католической церкви, официально не принимавшей никаких новшеств.

Генрих IV стал символом нации для всех общественно-политических течений и мифом для простых французов. Он был первым монархом, проводившим политику толерантности, и именно благодаря этой политике протестанты получили юридический статус, гарантировавший им возможность жить, не меняя веру, свободно следуя предписаниям своей церкви. Толерантное отношение к протестантам стало для Европы великим новшеством, ибо в 1598 году ни одна страна, за исключением Франции, не принимала подобных законов по отношению к представителям конфессиональных меньшинств.

Век XVI: понятия «толерантность» в Европе не существует

Слова «толерантность» («терпимость») в том смысле, который вкладывается в него сегодня, во французском языке XVI века не существовало. Латинское слово *tolerantia* означало «терпение», «выносли-

вость» прежде всего по отношению к боли, Кальвин употребляет его в значении «переносить», склоняться перед Божественной волей. Употребляя это слово, великий новатор в области хирургии Амбруаз Паре подчеркивает, что речь идет о перенесении, о сопротивлении болезни.

Индоевропейский корень слова означает «несение», «поддержка», но постепенно это значение исчезло, уступив место понятию из области морали: терпение в несчастиях, нас постигших. Таким образом, эдикт о толерантности в религиозной сфере представлял собой своеобразное сопротивление злу: следует быть снисходительным к вещам, которые, на наш взгляд, не слишком хороши.

Смысл, вкладываемый в слово «толерантность» в настоящее время, родился в XVIII веке, причем сначала возникло слово с противоположным значением, то есть «нетолерантность» («нетерпимость»). Для Вольтера и Дидро нетерпимость означала тиранию, отказ от дискуссий, авторитаризм. И, по контрасту, «толерантность» («терпимость») стала рассматриваться как истинная добродетель.

Тем не менее, хотя понятия толерантности еще не существует, ростки ее начинают пробиваться в трудах итальянских гуманистов XV века Николая Кузанского, Марсилио Фичино и Пико делла Мирандола, находившихся под сильным влиянием неоплатоников. Они полагали, что все религии, даже несовершенные, были приемлемы в той мере, в какой они были искренни. Для них только нечестие заслуживало гнева и мщения. Они не могли согласиться с тем, что такие замечательные люди, как Солон или Марк Аврелий не попадут в рай, где пребывают души блаженных: христианство казалось им продолжением греко-римской цивилизации.

Марсилио Фичино (1448—1492), священник, каноник, глава флорентийских неоплатоников, друг Лоренцо Медичи, хотел более чистой религии, более личностной, которая стала бы своеобразным синтезом христианства и Античности. Для него философия Пифагора и Платона нисколько не противоре-

чила идеям Отцов Церкви: Оригена, блаженного Августина, святого Фомы Аквинского. Бог-творец создавал идеи, совершенные образцы. Идея воплощалась в красоте, выраженной в иерархии и гармонии. Господь мыслился мировым архитектором, верховным художником, силой, дающей миру душу. Бог для Марсилио Фичино представлялся своего рода духовным кругом, центр которого находился повсюду, а окружность нигде. Поэтому подняться к Богу можно было посредством разума, художественного творчества и любви к прекрасному.

Первое поколение гуманистов не было знакомо с учением Лютера — в отличие от пришедших им на смену Эразма, Гийома Бюде, Томаса Мора, Лефевра д'Этапля. И хотя второе поколение гуманистов пребывало в том же состоянии духа, что и их предшественники, им, в отличие от гуманистов первого поколения, пришлось столкнуться с расколом западного латинского христианства, и они не сумели к нему приспособиться. В своих воззваниях они призывали восстановить единство церкви, но не силой, не войной и не гонениями. Они стремились к церковному обновлению и во имя его усиленно проповедовали любовь к ближнему, призывали начать диалог противоборствующих конфессий и вернуться к изначальному христианству, такому, каким оно представлено в Деяниях апостолов.

Наиболее радикальными были идеи Эразма. Известно, что он полемизировал с Лютером относительно свободы христианина перед лицом Божественной благодати, отверг предложения немецкого реформатора, с которым у него были серьезные расхождения, а в 1526 году он предложил оставить протестантов в покое и созвать Вселенский собор. Это предложение, не только исполненное глубокой терпимости, но и, по сути, включавшее толерантность в правовое пространство, в то время было единственным, и исходило оно от великого гуманиста, обладавшего необычайной широтой взглядов.

Монархи европейских государств того времени находились под сильным влиянием гуманизма.

Уроженец Гента Карл V, соотечественник Эразма, родившегося в Роттердаме, попытался осуществить политику терпимости в пределах Священной Римской империи германской нации, в то время буквально раздираемой на части борьбой лютеран с католиками. Франциск I, интеллектуал, покровитель художников и поэтов, привязанный к своей сестре Маргарите Наваррской, во многом разделявшей воззрения гуманистического кружка в Мо и Лефевра д'Этапля, также пытался решить вопрос посредством терпимости и лишь позже начал гонения на протестантов.

Алессандро Фарнезе, ставший папой под именем Павла III, инициатор созыва Тридентского собора, верил в возможность найти решение, способное восстановить мир в рядах Церкви. В ожидании решений собора, завершившего свою работу только в 1563 году, ибо заседания его прерывались из-за постоянно вспыхивавших войн, европейские князья пытались выдвинуть компромиссные решения, которые могли бы удовлетворить население их стран. Так, Карл V положил конец военному конфликту между двумя религиями, заключив 25 сентября 1555 года Аугсбургский мир.

Однако этот договор предоставлял свободу совести князьям, но не жителям княжеств. основополагающим принципом, даже если он и не был записан в официальных документах, стал *cujus regio, ejus religio* («каков князь, такова и вера»). Мысль о том, что выбор должен делать государь, в Священной Римской империи германской нации никто не стал оспаривать, ибо на ее территории государства, княжества и вольные города были столь многочисленны, что сменить место жительства было достаточно просто. Аугсбургский мир стал шагом вперед по сравнению с политическими решениями предыдущего века, когда Ян Гус вместе со своими учениками был сожжен на костре. Но шаг этот был совсем крохотным по сравнению с той длинной дорогой, которая вела к толерантности. Индивидуальное сознание каждого человека пока еще в расчет не принималось.

В Англии, где численность населения достигала всего трех-четырёх миллионов, а власть была сосредоточена в руках Генриха VIII, проблема терпимости ставилась по-иному. Король Генрих VIII, интеллектуал, блестящий теолог, во многом разделявший идеи Эразма, решил порвать связь между папой и английской церковью, которая с этого момента становится независимой от Рима. В 1536—1539 годы упраздняются монастыри, проводится «национализация» монастырского имущества и монастырские земли продаются с аукциона в пользу монархии. Антимонастырская политика, отвечавшая чаяниям времени, когда монахов в Англии особенно не жаловали, только углубила ров, вырытый между Англией и католицизмом.

Но проблема протестантизма так и не была решена. Эдуард VI (1547—1553) официально привел страну к кальвинизму, в то время как сестра его Мария Тюдор (1553—1558) вновь резко развернула ее к католицизму. Елизавета I (1558—1603) последовала по стопам отца и стала искать компромисс между двумя религиями в рамках объединения английской нации. Тридцать девять статей, определявших статус англиканской церкви, увели догматы в русло Реформы, сохранив при этом иерархическую организацию духовенства, а также ритуальную и церемониальную пышность.

Повторная унификация христианской веры под авторитарным руководством монарха удовлетворила большую часть англичан, однако вызвала резкое недовольство католиков и протестантов, враждебно относившихся к любому компромиссу. Искусственно созданное единство несло в себе зародыши многих конфликтов, так как внутри англиканской церкви было несколько различных теологических течений, борьба которых порождала волнения в обществе.

Франция, большое и одно из наиболее могущественных королевств в Европе (16—17 миллионов жителей), где традиции централизованного управления государством были заложены еще Капетингами,

в своем политическом развитии во многом опережала другие страны Европы, там невозможно было даже представить себе систему терпимости на германский манер, ибо она противоречила всему предшествующему развитию государственной власти и национальной политической культуры. В отличие от немецких земель, во Франции была сделана попытка найти решение, напоминающее английский вариант, так как галликанские тенденции, то есть естественная склонность рассматривать проблемы церкви в рамках Французского государства, всегда присутствовали в сознании французов.

Как мы уже говорили, Екатерина Медичи и канцлер Лопиталь во время заседаний Генеральных штатов 1560 года хотели урегулировать проблему политическим путем. Год спустя, в 1561 году, они попытались заложить основу компромисса между французскими католиками и протестантами и организовали встречу в Пуасси, куда прибыла делегация католиков под руководством кардинала Лотарингского (де Гиза) и делегация кальвинистов под руководством Теодора де Беза. Однако два блистательных интеллектуала не сумели достичь компромисса, ибо считали, что вопрос о причастии не может стать предметом уступок.

Идея галликанского компромисса провалилась, и Екатерина Медичи была вынуждена придумывать новую стратегию. Раз религиозная унификация под патронажем государства оказалась невозможной, следовало выработать политический компромисс в рамках всей французской нации. Таким компромиссом стал эдикт, выпущенный в январе 1562 года. Он предоставлял протестантам свободу отправления культа и свободу собраний вне городских стен. В пределах городских стен отправление культа могло осуществляться только частными лицами. Протестанты были удовлетворены, ибо сами они выдвигали такие же требования, а умеренные католики считали их приемлемыми.

Но спустя два месяца, 1 марта 1562 года, произошла резня в Васси, положившая начало Религиозным вой-

нам, во время которых у протестантов, надеявшихся одержать победу на поле брани, окрепла идея об установлении протестантской религии во всем королевстве. Первая гражданская война завершилась эдиктом, принятым в Амбуазе (19 марта 1563 года).

Долгий путь к Нантскому эдикту

Этот эдикт, примиряющий враждующие стороны, первоначально должен был остановить гражданскую войну и найти способ помешать ее возобновлению. Поэтому в части, касавшейся религии, были повторены статьи январского эдикта 1562 года, где протестантам предоставлялись свобода совести и свобода отправления культа, ограниченная одним городом в пределах одного бальяжа, а также владениями, принадлежавшими сеньорам с правом высшего суда, то есть владельцам крупных фьефов, наделенных рядом властных и общественных функций местного характера, среди которых право вершить суд и выносить смертные приговоры, которые, впрочем, могли быть исполнены только после утверждения их королевским судом. Строительство протестантских храмов было разрешено только в пригородах.

После двух новых войн в мирном договоре, подписанном в Сен-Жермене 8 августа 1570 года, повторялись статьи Амбуазского эдикта, а в приложении оговаривались дополнительные гарантии: протестантам было обещано предоставить на два года четыре города, где они могли бы разместить свои войска, а именно города Ла-Рошель, Монтобан, Ла-Шарите-сюр-Луар и Коньяк. В это же самое время адмирал Колиньи, приверженец политики примирения, был включен в состав королевского совета.

Следующим этапом стал эдикт, принятый в Болье 6 мая 1576 года. Союз протестантов и политиков под эгидой наследника трона герцога Алансонского заставил короля Генриха III согласиться реабилитировать жертв ночи святого Варфоломея, разрешить

протестантам отправление культа везде, кроме Парижа и других королевских городов, предоставить в их распоряжение восемь городов, где можно разместить армию, и — очень важная инициатива! — принять решение о создании смешанных палат при каждом парламенте. Эдикт, принятый в Болье, стал вершиной завоеваний протестантов, по крайней мере на бумаге, ибо полностью уступки эти, разумеется, не будут реализованы, тем более что благоприятный для протестантов период завершился достаточно быстро. Генрих III был крайне раздражен тем, что его заставили вступить в переговоры под давлением военной силы протестантов, политиков и его собственного брата. Эдикт, принятый 8 октября 1577 года в Пуатье, позволил королю вернуться на прежние позиции, то есть к статьям Амбуазского эдикта, дополненным статьей о восьми укрепленных городах, передаваемых протестантам на шесть лет, и без обещания организовать смешанные следственные палаты при парламентах.

Говоря обо всех этих достижениях, следует помнить, что положения эдиктов, касавшиеся вопросов веры, на местах практически не применялись — главным образом по причине беспорядков. И совершенно очевидно, что Лига 1584—1585 годов полностью блокировала процесс примирения двух религий. Новые инициативы двора были выдвинуты только после переговоров в Сюрене (апрель 1593 года) и обращения Генриха IV (25 июля 1593 года). Задача была не из легких, ибо католики хотели восстановить католицизм как единственную государственную религию, в то время как протестанты мечтали получить для своей религии статус, равный статусу католической религии, или хотя бы приобрести значительное число свобод, гарантированных присутствием на троне Франции одного из своих единоверцев.

Интеллектуалы, по-прежнему увлекавшиеся идеями Платона и Аристотеля, сталкиваясь с необходимостью придумать что-то новое, испытывали большие трудности, ибо все новое было связано с идеей

разделения, которую воспринимали как идею разрыва с мировой гармонией и единосущностный разрыв с Господом, поэтому противники согласия продолжали укреплять свои позиции, способствуя нарастанию недовольства в каждом лагере. Некоторые вожди протестантов были столь рассержены на Генриха IV, что отказались принять участие в осаде Амьена и освобождении города от ненавистных испанцев и отправились на ассамблею протестантов в Шательро. Ассамблея 1597 года стала пятым собранием недовольных протестантов; прежние ассамблеи состоялись в Манте (1593), Сент-Фуа (1594), Соmjуре (1595) и Лудене (1596).

В ассамблеях принимали участие пасторы, дворяне и буржуа из городов и поселков. Уверенные, что государь их непременно выслушает, они оказывали сильное давление на короля и его окружение. 9 мая 1593 года в Манте пастор Дамур во время проповеди нелицеприятно высказался в адрес короля, справедливо подозревая его в желании перейти в католичество. В порыве возмущения он даже стал угрожать ему Божьим судом. Приближенные монарха были изумлены яростью, с которой пастор нападал на короля, и обратились к монарху с просьбой разрешить принять меры против зарвавшегося проповедника. Но Генрих IV просителям отказал, заявив, что пастор всего лишь высказал несколько сомнительных истин.

Время шло, и поставленный перед необходимостью укреплять свою власть Генрих IV вынужден был принимать более суровые решения. В 1596 году он приказал распустить ассамблею протестантов в Лудене. В ряде случаев протестанты стали представлять опасность для государства. Так, например, протестанты захватили налоги, собранные в Пуату и Сентонже, чтобы использовать эти средства для организации вооруженного мятежа. Кроме того, они получали солидную поддержку из заграницы, с помощью которой распространяли памфлеты, где Генриха IV именовали королем-отступником, устроившим гонения на французских кальвинистов.

Когда напряженность в отношениях с протестантами достигла наивысшей точки, король, решив сделать шаг к примирению, дезавуировал своих представителей в Шательро, в частности Шомберга, и поручил возобновить переговоры восьми доверенным лицам: четырьмя представителями короля и четырьмя представителями протестантской общины.

В результате этих трудных переговоров 13 апреля 1598 года в Нанте был подписан эдикт, который историк Даниэль Лигу назвал «Нантским миром», желая подчеркнуть, что выработанное соглашение касалось не только вопросов религии, но и политики и вопросов войны и мира.

Содержание Нантского эдикта

Этот закон о протестантах критиковали многие историки, подчеркивая, что две религии были поставлены в неравное положение, и даже если бы эдикт исполнялся в точности (так будет во время правления Людовика XIV, незадолго до отмены эдикта), он все равно сдерживал бы развитие протестантизма, консервируя его в той форме, в какой он существовал на момент принятия эдикта, то есть в 1598 году.

Часть историков, не отвергая изложенных выше аргументов, вполне соответствующих действительности, тем не менее делает акцент на том, что впервые в Европе конфессиональному меньшинству были предоставлены определенный юридический статус и ряд основных прав, среди которых свобода совести и возможность исповедовать свою веру. По сравнению с Аугсбургским миром Нантский эдикт, несомненно, представлял собой шаг вперед.

Попытаемся представить себе атмосферу, царившую в ту эпоху. Переговоры были настолько трудными, а гражданская война, конец которой положил Нантский эдикт, столь жестокой, что все общество испытывало крайнюю усталость. Даже протестанты в большинстве своем были удовлетворены текстом

эдикта, родившегося в результате многочисленных компромиссов и предоставлявшего им подлинный юридический статус вместе с гарантиями, подкрепленными военной силой.

Протестанты знали, что их единоверцев не так уж много — один протестант на тринадцать — пятнадцать католиков, или миллион двести пятьдесят тысяч сторонников протестантской веры на шестнадцать — семнадцать миллионов католического населения страны. На миллион двести пятьдесят тысяч протестантов приходилось восемьсот пасторов и шестьсот девяносто четыре церкви. К регионам, наиболее плотно заселенным протестантами, принадлежали Аквитания, долина Луары, Нижняя Нормандия, Дофине и Лангедок, то есть на юге королевства протестантов было больше, чем в других регионах. Большинство принявших новую веру относились к городской и дворянской элите, крестьянские массы и мелкий городской люд были представлены в меньшей степени.

Разумеется, эти цифры были получены историками, а в то время, когда не было ни опросов общественного мнения, ни статистики, протестанты не могли знать таких данных. Однако им было хорошо известно, что они пребывают в меньшинстве и что сила их меньшинства заключается в военной мощи и в солидарности элиты. Поэтому они понимали, что не следует заходить слишком далеко в своих требованиях, ибо если они не пойдут на уступки, то скорее всего, не получат ничего. Присутствие короля, который прежде столько лет был их главою, побуждало их надеяться на окончательное решение конфликта, продолжавшегося почти сорок лет.

После жестоких гражданских войн найти компромиссные решения было трудно, поэтому эдикт получился довольно громоздким: он включал в себя девяносто две основные статьи и пятьдесят шесть дополнительных, названных секретными, а также четыре документа, в двух из которых оговаривались важные вопросы, связанные с финансами и военными действиями.

Эдикт признавал свободу совести, однако не предоставлял свободу богослужений, точнее, предоставлял, но в ограниченных масштабах, как уже было оговорено в Амбуазском эдикте 1563 года. В Нантском эдикте было определено три категории мест для отправления культа: «фьеф», «владение» (где проповеди читали уже в 1597 году) и «по соглашению», то есть в тех местах, какие были отведены для этого в бальяжах и сенешальствах (обычно по одному на бальяж и на сенешальство).

Если отправление культа в бальяжах и иных административных округах, равно как и в домах сеньоров, могло рассматриваться как относительно гарантированное, то этого нельзя было сказать о фьефах, так как если сеньор-протестант продавал свое поместье католику или же его наследник был приверженцем римско-католической церкви, община, возглавлявшаяся этим сеньором, переходила на нелегальное положение.

Отправление культа в усадьбах было обычным явлением для тех провинций, где большинство населения перешло на сторону реформированной церкви; протестантские храмы в этих провинциях нормально функционировали даже в период волнений, учиненных Лигой. Напротив, богослужения «по соглашению» проводились обычно в тех регионах, где сторонников реформированной церкви было мало. Отправление культа во «владениях», иначе говоря, в частных домах, часто происходило в городах, в то время как места «по соглашению» отводились преимущественно в городских предместьях. В ряде городов, в том числе и в Париже, протестантские богослужения были запрещены, поэтому столичным реформатам приходилось довольствоваться протестантским храмом, сооруженным близ Парижа в Шарантоне. Нантский эдикт предоставлял возможность строительства новых храмов.

Сохранилась идея о создании смешанных палат при парламентах, предполагавшая выделение для протестантов определенного количества мест советников. Половина советников смешанной палаты

должна была быть католиками, а половина — протестантами. Проблемы с местами для советников-протестантов возникли в Тулузе: столица юга всегда выказывала привязанность к католицизму. В результате пришлось учредить смешанные палаты в Кастре. Такая же ситуация сложилась в Бордо, для жителей которого пришлось учредить смешанную палату в Нераке. Для Прованса и Дофине была учреждена единая совместная палата, заседавшая в Гренобле.

С 1570 года, когда был принят Сен-Жерменский эдикт, для решения военных вопросов вошло в обычай отдавать протестантам в качестве гарантий укрепленные города. В 1598 году Генрих IV проявил по отношению к своим бывшим единоверцам великодушие и передал в их распоряжение тридцать два города. Шестнадцать из них находилось в Лангедоке: это Алес, Андюз, Кастр, Ганж, Ле-Мас-д'Азиль, Ле-Виган, Мазаме, Мийо, Монтобан, Монпелье, Ним, Памье, Ревель, Сент-Африк, Сент-Амбуаз, Юзес. На юго-западе протестанты получили десять городов: Клерак, Ла-Рошель, Луден, Нерак, Руайан, Сен-Жан-д'Анжели, Сомюр, Туар, Тонненс. Шесть других городов находились в бассейне Роны (Ди, Ливрон, Монтелимар, Прива) и в долине Луары, к востоку от Орлеана (Жарго и Сансер).

Особые и секретные статьи были составлены с целью приободрить и католиков, и протестантов. В них говорилось, что протестанты не могут быть насильно привлечены к католическим богослужениям, их нельзя заставлять давать деньги на католическую церковь (однако платить десятину они обязаны). Перед кончиной реформаты имели право пригласить к себе протестантского пастора.

Уступки, сделанные протестантам, требовали, по мнению католиков, компенсации, особенно в тех городах, где было сильное влияние Лиги. Так, в бальяжах Орлеана и Буржа было всего лишь одно место для отправления протестантского культа вместо двух. Городам Морле, Бове, Тулузе, Але, Дижону и Шалону было разрешено не иметь мест, где протестанты могли бы проводить свои богослужения.

Нантские соглашения, достигнутые в результате сложнейших переговоров и ценою многочисленных жертв, не могли вступить в силу единственно по воле короля, так как во Французском королевстве, как и положено в правовом государстве, эдикт должен был быть утвержден судебными органами.

Высший судебный орган, Парижский парламент, предложил внести изменения: сократить дозволенные места отправления культа в бальяже с двух до одного, а в городах, где были епископские резиденции, и вовсе запретить протестантские богослужения. Таким образом, проживание в ряде городов для протестантов автоматически становилось невозможным, а потому для многих реформатов эдикт становился неприемлемым. Однако протестанты, собравшиеся на ассамблею в Шательро, хотя и высказали свое недовольство внесенными поправками, тем не менее согласились их принять. Делегаты рассудили так: лучше иметь эдикт несовершенный, чем не иметь никакого, иначе говоря, лучше иметь хоть какие-нибудь гарантии, предусмотренные законодательством, чем не иметь гарантий вовсе.

Провинциальные парламенты заняли позиции в соответствии с их собственным пониманием ситуации. В Гренобле все с легкостью проголосовали за эдикт: в Дофине всегда умели договариваться с протестантами. Напротив, Дижон, бывшая столица главы Лиги Майенна, а также Бордо и Тулуза, исконные цитадели католицизма, попытались подтвердить свою истовую приверженность католической вере и выставили целый ряд претензий. Но в конце концов и они присоединились к большинству и утвердили эдикт. В таких периферийных столицах, как Экс-ан-Прованс и Ренн, где было сильно стремление к независимости, оппозиция действовала более решительно, и понадобилось специальное королевское письмо, на основании которого тамошние парламенты в конце концов утвердили новый закон. В Руане поступили оригинально: верховный суд официально утвердил эдикт только в 1609 году, но девять предшествующих лет все статьи его, не утвержденные формально, на деле дотошно исполнялись.

Когда изучаешь Нантский эдикт, со всеми его ограничениями, предназначенными помешать распространению протестантизма, трудно говорить о толерантности в современном понимании этого слова. Генрих IV намеревался достаточно либерально интерпретировать положения эдикта, но так как после его принятия он прожил всего десять лет, привычка соблюдать статьи и положения нового законодательства, правильность которого должно было подтвердить время, не успела закрепиться на уровне повседневности.

Новые военные инициативы, выдвинутые при Людовике XIII, завершились «эдиктом милости», принятом в Алесе. Согласно этому эдикту протестанты утрачивали принадлежавшие им города, но сохраняли свои свободы. Мазарини не стал трогать построенного Генрихом IV здания, с иронией заявив, что «маленькое стадо» вправе питаться дурными травами и лично он считает, что самое мудрое — это не вмешиваться в его дела.

Царствование Людовика XIV, напротив, стало эпохой гонения на протестантов, буквального применения статей Нантского эдикта, что окончательно перекрыло протестантам кислород и в конце концов привело к отмене эдикта в 1685 году. Во второй половине XVII века протестанты не имели возможности защищаться, ибо изрядная часть знатных сеньоров-гугенотов осознанно и намеренно обратилась в католичество. После многочисленных столкновений дворян с властью во времена Ришелье и Мазарини, после мятежных выступлений дворян в эпоху Фронды, максима «дворянин обязан быть мятежником» вышла из моды.

Как ни парадоксально, но приняв Нантский эдикт, Франция в борьбе за соблюдение прав человека опередила все другие страны европейского континента. Но спустя век, когда европейцы, и в частности немцы, англичане и граждане Соединенных Провинций фактически стали проявлять подлинную толерант-

ность и даже начали формулировать новые принципы соблюдения прав человека, Франция повернула вспять, отправив значительную часть своей элиты в ссылку, то есть в протестантскую Европу. Ибо к этому времени конфессиональные разногласия в Европе в основном перестали решаться путем непосредственного единоборства.

После Нантского эдикта: Европа учится быть толерантной

В Чехии в 1609 году при поддержке императора Рудольфа II была предпринята попытка решить вопрос о сосуществовании двух конфессий по французскому образцу: религиозная свобода была гарантирована обеим религиям, которые, с одной стороны, объединяли католиков и утраквистов (умеренных гуситов), а с другой стороны, лютеран, кальвинистов и моравских братьев (последователей гуситов, близких к кальвинистам). Однако это согласие было еще более кратковременным, чем действие Нантского эдикта: разгром восстания чешских сословий на Белой Горе в 1620 году и Тридцатилетняя война оставили от Грамоты Рудольфа II одни воспоминания.

Тридцатилетняя война, разорившая Германию и всю Европу, завершилась Вестфальским миром 1648 года. Во многих немецких государствах постепенно стала пробуждаться толерантность. В 1684 году рупор лютеран курфюрст Саксонский обратился в католичество, но продолжал защищать идеи протестантизма.

В кальвинистской республике Соединенных Провинций католицизм был запрещен, тем не менее тамошние католики смогли создать собственную полуподпольную организацию. Они беспрепятственно собирались в часовнях и могли, заплатив местным властям солидную сумму, купить право на существование своей общины. Однако католики не имели права устраивать шествия или паломничества, так

как подобные — типично «папистские» — церемонии могли повлечь за собой народные волнения. Также они не имели права открывать школы, зато могли более или менее свободно слушать мессы, в чем сегодня можно убедиться, посетив в Амстердаме музей Амстерклинг, в здании (бывшем амбаре) которого прежде размещалась подпольная церковь. Очевидно, что посещавшие ее католики (а церковь была большая, и в ней даже был установлен орган) не могли оставаться незамеченными.

Примерно в таком же положении находились и евреи, изгнанные с Иберийского полуострова. Не имея ни статуса граждан, ни статуса горожан, они не могли заниматься рядом ремесел, однако на территории своих общин имели право строить синагоги и трудами своими способствовать процветанию республики.

Город Амстердам даже согласился принять изгнанных в 1638 году из Польши социниан*, которые отвергли догматы о Троице, о божественности Христа, о первородном грехе и искуплении, а также дорогое сердцу кальвиниста учение о предопределении. Для них Христос был человеком, указавшим путь к спасению. Социниане люто ненавидели пасторов и поносили их в своих проповедях, но власти их никогда не беспокоили.

Несмотря на несовершенство, Нантский эдикт представлял собой шаг вперед к юридическому признанию свободы совести и религиозной терпимости. В то время как в Германии Аугсбургский мир предоставил эту свободу только князьям, а в республике Соединенных Провинций эта свобода существовала *de facto*, а не *de jure*, во Франции две религии — католическая, адептов которой было большинство, и протестантская, адептов которой было значительно меньше, — начали сосуществовать согласно юридическим нормам, гарантировавшим каждой религии

* Социниане — последователи Фаусто Социна (1539—1604), итальянского протестанта, основавшего в Польше рационалистическое направление в протестантизме, отличавшееся религиозным радикализмом. (Прим. пер.)

определенные права. Это был первый шаг по пути к признанию прав человека.

Второй шаг был сделан во время «Славной революции» в Англии 1688—1689 годов. Таких законодательных актов, как Эдикт о терпимости и Билль о правах, многие англичане ждали уже давно. Но английские свободы не распространялись на католиков, а только на диссидентов протестантского толка.

Третий шаг был сделан в эпоху Просвещения, и сделали его американцы, приняв свою Декларацию прав. Четвертым шагом в этом направлении стала Декларация прав человека и гражданина, принятая французским Учредительным собранием 26 августа 1789 года.

Таким образом, в завоевании западным миром основных свобод Франция сыграла главную роль как в начале этого процесса, так и в конце его.

Однако необходимо умерить пыл тех, кто безудержно восхваляет Нантский эдикт, и напомнить, что этот законодательный акт был принят во имя единства нации. Утратив единство религиозное, следовало найти компромисс, позволяющий нации сплотиться вокруг короля. Таким компромиссом и стал Нантский эдикт. Перед лицом всей Европы, а главное, перед лицом Испании, наследственного врага французской монархии, пытавшегося во времена Лиги нарушить территориальную целостность Франции, оторвав от нее Прованс, часть Дофине и даже Бретань, вернув ей независимый статус, которым она обладала в XV веке, Нантский эдикт свидетельствовал, что для Франции целостность нации важнее религиозных распрей.

Национальное единство важнее единства конфессионального

Памфлет «Диалог Господина и Горожанина», опубликованный в декабре 1593 года, стал своеобразным завещанием Лиги. Авторство этого текста приписывают Морену де Кромье, советнику Большого совета.

Историк Робер Десимон полагает, что соавтором его был Крюсе, прокурор Шатле. По словам Десимона, провинциал Морен де Кроме вошел в Комитет шестнадцати «на излете» жизни, а в первые ряды лигистов выдвинулся только после организованного им дела Бриссона. Став одним из лидеров Лиги, он одновременно стал и ее могильщиком. Как мы уже писали, ничем не оправданное убийство трех магистратов, в том числе и первого президента Парижского парламента, повлекло за собой разрыв с принцами и жесткие меры против наиболее радикально настроенных лигистов. Крюсе был образцовым членом Комитета шестнадцати: простой прокурор, «находившийся почти на самой нижней ступени служебной лестницы, (...), он ненавидел всех состоятельных людей». *Vox populi*, иначе говоря, народная молва наградила его прозвищем «Непреклонный»; в мае 1588 года он стал героем дня баррикад. Казненный заочно после дела Бриссона, он избежал подлинной виселицы только благодаря вмешательству мадам де Монпансье, сестры Меченого и Майенна, что говорит о его принадлежности к сторонникам или же клиентеле Лизов.

Таким образом, оба предполагаемых автора принадлежали к экстремистскому крылу Лиги, постоянно находились в гуще радикально настроенных лигистов и хорошо знали их чаяния и тревоги. Для них *салический закон* не имел никакого значения, считаться следовало только с верой в Бога. В становлении правового государства они усматривали помеху религиозному видению мира, ту брешь, которая, постепенно расширяясь, поглотит всемирное католичество, превратит религию в рядовой государственный институт, каким видел его Макиавелли.

По их мнению, национальная идея, в отличие от христианского универсализма, была исключительно деструктивной. Они выразили свое убеждение в «Диалоге», вложив в уста горожанина-лигиста следующую фразу: «Истинные наследники короны — это те, кто достоин нести слово Божие. Если Госпо-

ду будет угодно дать нам короля-француза, имя его будет благословенно. Но какой бы нации ни был король, главное, чтобы он был католик, исполненный благочестия и справедливости, остальное нам безразлично. Мы любим нашу веру, а не нашу нацию».

В ответ на манифест лигистов дворянин-роялист отвечал: «Вы хотите все запутать и вручить французский скипетр в руки иностранца, испанца или лотарингца. (...) Дом Бурбонов является единственным законным наследником короны, Лотарингский дом для нас чужой, а Господь сам первым поддерживает законность».

В «Диалоге» лигисты сводили счеты с властью имущими, а именно с дворянством и парламентом, который и с политических, и с социальных позиций оказывал монархии наибольшую поддержку. Неоднократно производя чистку парламента, в том числе и в связи с делом Бриссона, они надеялись сломать механизм национального управления. Дворян же обвиняли в том, что они вступали в Лигу, чтобы контролировать ее действия, использовать ее для своей выгоды, а затем предать.

Для среднего лигиста Господин отнюдь не был положительным героем, он был предателем, негодяем, в то время как Горожанин, угнетенный человек из народа, был чистым и добродетельным, ибо Господь для него был превыше всего.

Дерзкий памфлет имел большой успех. Парижский парламент попытался конфисковать тираж и арестовать выпустивших его печатников, но проповедники были начеку и, узнав об угрозе, мгновенно предали это гласности, сделав тем самым памфлету колоссальную рекламу. Экземпляры его буквально рвали из рук и платили за них золотом. Небезызвестный Пьер де Летуаль заплатил за свой экземпляр экую, а спустя несколько дней, прочитав памфлет несколько раз, он перепродал его в десять раз дороже. Генрих IV, равно как и герцог Майеннский, готовы были приобрести памфлет «за любую цену».

Оба лидера понимали, что «Диалог» отражает спор, который в конце уходящего века развел французов по разные стороны баррикад. Вопрос о взаимоотношениях нации и религии стоял и раньше, но теперь ветер истории начал дуть в другую сторону и идея нации заняла достойное место в этом споре: Нантский эдикт увенчал собой новое здание государственной политики, свидетельствуя, что в правовом государстве две религии могут сосуществовать к вящей славе национального государства.

История повседневной жизни французов, принимавших участие в Религиозных войнах, позволила по-новому взглянуть на этот драматический период французской истории. Разумеется, многочисленные исследователи давно поведали нам про столкновения Валуа и Гизов, Бурбонов и Монморанси, однако современные историки, не отрицая важной роли лидеров, изменили угол зрения и отвели первое место коллективным чувствам, выплеснувшимся на улицы во время шествий и манифестаций народных масс. Автор настоящей книги хотел прежде всего показать, что подлинной историей гражданских войн является повседневная история тех мужчин и женщин, которым учебники обычно посвящают всего несколько строк, но которые на самом деле сыграли главную роль, будь то капитаны, неродовитые дворяне, городские нотабли или простые жители городов и деревень.

Религиозные войны не являются гомогенным периодом, напротив, они изменяют свою природу на протяжении двух поколений: массовые истребления иноверцев 1562 года радикально отличаются от деятельности лигистов 1589 года. В период, завершившийся Варфоломеевской ночью, преобладают стихийные выступления населения, спланированные и организованные акции проводятся достаточно редко. Люди действуют самостоятельно, чаще все-

го стихийно; капитаны ведут людей в бой, не думая о стратегии своих партий, а уж тем более о стратегии в масштабе всей страны. Барон Адрет на юго-востоке и Блез де Монлюк на юго-западе представляют архетипы этих знаменитых капитанов, действующих в согласии с местными властями и населением. Впрочем, и тот и другой имели столкновения с представителями власти: барон был заключен в тюрьму должностными лицами-протестантами, а Монлюку пришлось оправдываться перед королевскими судьями; однако Карл IX в конце концов принял благоприятное для Монлюка решение.

На фоне неконтролируемых процессов отчетливо видна слабость королевской власти. Быстрое распространение идей реформатской церкви на территории такого централизованного государства, как Франция, где король-главнокомандующий является гарантом единства нации, начинает расшатывать королевскую власть уже в царствование Генриха II, создавшего инструменты подавления протестантов без учета реальной ситуации. Таким образом король продемонстрировал непонимание новых политических и религиозных реалий. Монарх становится игрушкой в руках друзей и знатных кланов — Монморанси и Гизов, чье влияние возрастает буквально на глазах. Но вместо того, чтобы занять позицию арбитра между адептами двух религий, Генрих II ограничивается попытками обуздать и примирить интересы знатных дворянских родов. Его сыновья и преемники наследуют шаткое государство, могущество которого, отличавшее его во времена Франциска I, им так и не удастся восстановить.

Гизы, которым пятнадцатилетний король Франциск II доверяет управление страной, продолжают начатую Генрихом II политику гонений на сторонников Реформации и тотчас сталкиваются с неорганизованным сопротивлением дворян-протестантов. Не имея лидера, способного открыто возглавить партию, дворяне-протестанты поднимают мятеж, известный в истории как «Заговор в Амбуазе» (Конде все-

гда отрицал свою причастность к этому заговору). В период с 1563 по 1567 год побеждает политика, основанная на философии неоплатоников: Карл IX, Екатерина Медичи и канцлер Мишель де Лопиталь хотят восстановить мир и согласие, пожаловав проживающим в королевстве протестантам официальный статус. Провал переговоров в Пуасси свидетельствует о невозможности вернуться к прежнему религиозному единству страны, и двор меняет стратегию, пытаясь разыграть карту единства французской нации, ради которой, по мнению политиков, можно поступиться единством религиозным.

Толпы горожан не согласны с политикой религиозного примирения. Опираясь на исследования последних лет, в третьей главе настоящей книги мы проанализировали поведение католических и протестантских масс, находивших собственные способы борьбы с охватившим их страхом. Но если католики пытались очистить мир от еретиков путем насилия, устраивая ради усмирения гнева Господня ритуальные, в сущности, убийства, то протестанты хотели сделать религиозное мировоззрение рациональным, разрушить суеверия и устранить прежде всего тех, кто эти суеверия пропагандировал.

Сторонники реформатской церкви не только изменили ментальный и религиозный универсум христианина, они предложили новые политические концепции, вводя повсюду, где им удавалось удержаться, элементы критики, элементы выборной системы, соответствующей эпохе, а также разрабатывая конституцию, способную создать эффективный противовес существующей власти. По их мнению, эти меры позволяли избежать повторения Варфоломеевской ночи. Политические идеи протестантов, равно как и зародившиеся позднее политические идеи лигистов, отвечали той модели организации общества, которую в XVII веке создадут кальвинисты в республике Соединенных Провинций, где автономные города, объединенные — весьма условно — рядом необременительных институтов, в случае необходимости координируют свои действия под

эгидой протектора, чьей основной задачей является организация вооруженной обороны этих городов.

И мы имеем все основания сделать вывод, что значительная часть общества не поддерживала выдвинутой Капетингами и впоследствии реализованный якобинцами принцип жесткой централизации. Стремление к децентрализации мы находим у протестантов в городах юга, а затем у лигистов, в руках которых после дня баррикад и убийства герцога де Гиза оказалась значительная часть городов. Создается впечатление, что в XVI веке стремление к автономии было присуще главным образом горожанам. Но если к желанию добиться автономии прибавить попытки создать избирательную систему, о чем свидетельствуют составленные в 1576 году указы Генеральным штатам, можно сказать, что большая часть общества хотела принимать участие в решении государственных вопросов и отвергала монархическую централизацию в той форме, в какой ее навязали короли из династии Валуа. Расширив рамки дискуссии по проблеме децентрализации и включив в число участников дискуссии дворян, стремившихся к индивидуальной свободе, мы имели возможность убедиться, что в XVI веке французское общество жаждало обрести значительно большую, нежели оно имело к этому времени, свободу.

В недрах общества возникают тенденция к социальной автономии, потребность в свободе совести для каждой личности в отдельности. Желание новизны, охватившее ряд городов и деревень, способствует процессу структурного оформления партий, организованных с политическими и военными целями. Трагедия Варфоломеевской ночи знаменует радикальное расхождение точек зрения участников Религиозных войн по многим вопросам.

Сельские жители, составляющие указы для Генеральных штатов 1576 года, чувствуют себя участниками происходящих в обществе процессов и выражают идеи, созвучные идеям крупных политических и религиозных партий, формирующихся в стране. Сельские указы свидетельствуют о существовании

общественного мнения в провинции. Разумеется, голос сельских жителей не такой громкий, как голос горожан, дворян или вельмож, однако он имеет вполне определенный вес, до недавнего времени игнорировавшийся из-за отсутствия документальных материалов, которых действительно сохранилось очень мало. Сельские наказания, как правило, отличаются колоритным слогом и поистине раблезианским стилем. Их составители, нисколько не смущаясь, яростно критикуют элиту и выдвигают обвинения против нерадивых каноников, приходских священников, городских нотаблей. Тексты эти нисколько не похожи на серенькие и юридически корректные тетрадки с наказаниями, составленными в 1789 году. Наказы XVI века являют собой образцы народного красноречия.

По мнению историков XIX века, Лига была движением, обращенным в прошлое. Однако исследования второй половины XX века показали, что Лига создавалась как подлинно революционная партия, которая помимо защиты католической религии ставила своей целью добиться выборности короля и предоставления Генеральным штатам права утверждать налоги, контролировать расходы и назначать канцлера, коннетабля и министров.

В ожидании, когда политические мечты лигистов во Франции исполнятся, города, обладающие определенной степенью свободы, *de facto* стихийно организуются в республику во главе с королевским наместником Майенном, братом герцога де Гиза, на которого возлагается задача организовать оборону и взять на себя общее руководство движением. При Майенне, а также в Париже создаются политические советы, которые возглавили люди, чьи имена после краха Лиги были забыты историей.

Своим поражением лигисты во многом обязаны Генриху Наваррскому, будущему королю Генриху IV. Умный и расчетливый Беарнец, не раз одерживавший верх над армией католиков на поле боя, умел побеждать и на политическом поле. Он сумел заручиться поддержкой большей части «среднего эшелона»

на» дворянства, стратегической в политическом и социальном плане группы населения, равно как и поддержкой магистратов верховных судов, в то время как члены Лиги мечтали о создании судебных органов совершенно иного типа.

Нантский эдикт, рожденный доброй волей Генриха IV, явился первой в Европе попыткой придать легальный статус религиозному меньшинству. Эдикт — результат очень трудной работы по выработке компромиссных решений. Он стал первым шагом на пути к правам человека и свободе совести.

Генрих IV восстанавливал королевство, обсуждая с каждым мятежным городом, с каждым дворянским домом новые привилегии, рассматриваемые участниками этих переговоров как своего рода соглашение между государством, населением и элитой королевства. Альянс, основанный на национальной идее, символом которой стала вступившая на престол новая династия Бурбонов, заложил прочный фундамент для будущих республиканских правительств, и прежде всего для правительства Жюлья Ферри, уверенного в нерасторжимости принципов республики, нации и светского характера государства.

Долгая жизнь политических принципов Генриха IV способствовала формированию знаменитой легенды о добром короле Анри. Во все времена французы сознавали, что Религиозные войны, унесшие несметное количество жизней, стали той кузницей, где ковались их национальная идентичность и современное устройство общества. Но только ставший во главе государства Генрих IV сумел положить конец разобщенности французов, указав им путь к новому обществу.

БИБЛИОГРАФИЯ

Глава I

КАРАТЕЛИ И ЗАСТУПНИКИ

(Первая религиозная война, 1562—1563 годы)

A. d'Aubigné. Histoire universelle, livres 3 et 4, tome II, éd. par A. Thierrt. Genève, Droz, 1982.

T. de Beze (attribué à). Histoire ecclésiastique des églises réformées. Anvers, 1580. Éd. par Baum et Cunitz, 3 vol. Paris, 1883—1889.

J.-M. Constant. «L'expression du sentiment de la douleur face à la mort dans les mémoires des gentilshommes des XVIe et XVIIe siècles», dans: La Vie, la mort, la foi. Mélanges offerts à Pierre Chaunu. Paris, PUF, 1993.

La Popelinière. La Vraie et Entière Histoire des troubles depuis l'an 1562. La Rochelle, 1562.

M. Lazard. Agrippe d'Aubigné. Fayard, Paris, 1998.

B. de Monluc. Commentaires (1521—1576), éd. par P. Courteault. Paris, Gallimard, coll. La Pléiade, 1964.

Recueil historique de l'ordre de Saint-Michel. Рукопись под номером 32866-67-68-69. Примечание, касающееся барона Адрета, занимает примерно пятьдесят страниц, написанных д'Озье, королевским генеалогистом, на основании множества документов и различных мемуаров.

A.de Thou. Histoire universelle, livre XXXI, notamment le siège. Edition de 1743.

P. de Vaissières. Le baron des Adrets. Paris, 1930.

L.B.L. de Vinols, baron de Montfleure. Histoire des guerres de Religion dans le Velay, 1re éd. 1862, une seconde par le Centre d'histoire de la vallée de la Borne, en 1983.

Глава II

АНТРОПОЛОГИЯ СЛАБЕЮЩЕЙ ВЛАСТИ:

ОТ ОГЕННОЙ ПАЛАТЫ (1548) ДО ВАРФОЛОМЕЕВСКОЙ НОЧИ

J. Boutier, A. Dewerpe et D. Nordman. Le Tour de France royal. Le voyage de Charles IX (1564—1565). Paris, Aubier, 1984.

Brantôme. Œuvres complètes. Ed. Lalanne, S.H.F., 11 vol. Paris, 1864—1882.

P. Champion. L'Envers de la tapisserie. Paris, Calmann-Levy, 1935.

P. Champion. Paganisme et Réforme. Paris, Calmann-Levy, 1936.

P. Champion. Paris au temps des guerres de Religion. Paris, Calmann-Levy, 1938.

P. Champion. Paris au temps d'Henri III. Paris, Calmann-Levy, 1942.

I.Cloulas. Catherine de Medicis. Paris, Fayard, 1979.

I.Cloulas. Henri II. Paris, Fayard, 1985.

A.-M. Cocula. Brantôme: amour et gloire au temps des Valois. Paris, Albin Michel, 1986.

J.-M. Constant. Les Guises. Paris, Hachette Littératures, 1984.

F. de Crue de Stoutz. Anne de Montmorency. 2 vol. Paris, 1889.

Ph. Erlanger. Diane de Poitiers. Paris, Gallimard, 1955.

J.K. Farge. *Le Parti conservateur en France au XVIe siècle (Parlement et Faculté de théologie)*. Collège de France, 1999.

J. Garrisson. *The Provincial Governors of Early Modern France*. Yale University Press, 1978.

«Histoire particulière de la cour d'Henri II», publiée par Cimber et Danjou dans: *Archives curieuses de l'histoire de France*. Vol.III. Paris, 1836.

A.Jouanna. *Le Devoir de révolte. La noblesse française et la gestation de l'Etat moderne (1551—1661)*. Paris, Fayard, 1989.

A.Jouanna, J. Boucher, D.Biloghi et G. Le Thiec. *Histoire et dictionnaire des guerres de Religion*. Paris, Laffont, coll. Bouquins, 1998.

R.J. Knetch. Francis I. Cambridge University Press, 1982.

R.J. Knetch. *The Rise and Fall of Renaissance France*. Londres, Fontana Press, 1996.

La Noue. *Discours politiques et militaires*, édité par F.-E.Sutcliffe. Paris-Genève, Droz, 1967.

H. Lemonnier. *Henri II, la lutte contre la maison d'Autriche (1519—1559)*, première édition. Paris, Histoire Lavissee, 1907. Seconde édition. Paris, Tallandier, 1983.

H.C. Mansfield. *Le Prince apprivoisé: de l'ambiguïté du pouvoir*. The Free Press, 1989, Paris, Fayard, 1994 pour la traduction française.

J.-L. Mariéjol. *Catherine de Médicis (1519—1589)*. Paris, Tallandier, dernière édition, 1979.

J.-L. Mariéjol. *La Réforme, La Ligue, l'édit de Nantes (1551—1598)*. Tome VI de l'Historie Lavissee. Paris, 1904. Seconde édition: Paris, Tallandier, 1983.

S. Mours. «Essai de géographie du protestantisme français au XVIIe siècle», B.S.H.P.F., tome CXI, 4, 1965 et CXII, 1966.

H. Naef. *La Conjuraction d'Amboise*. Genève, 1922.

Regnier de La Planche. «Histoire de l'Etat de la France sous François II». Ed. par Buchon dans: *Les Mémoires de Condé, 1740*.

D. Richet. *La France moderne: l'esprit des institutions*. Paris, Flammarion, 1973.

D. Richet. *De la Réforme à la Révolution: études sur la France moderne*. Paris, Aubier, 1991.

N.L. Roelker. *Jeanne d'Albret, reine de Navarre, 1528—1572*. Paris, Imprimerie Nationale, 1979.

L. Romier. *Le Maréchal de Saint-André*. Paris, 1909.

L. Romier. *Les Origines politiques des guerres de Religion*. Paris, 1914.

L. Romier. *La Régence de Catherine de Médicis*. Paris, 1922.

L. Romier. *La Conjuraction d'Amboise*. Paris, 1923.

M. de Rubke. *L'Assassinat de François de Guise*. Paris, 1897.

J. Shmizu. *Conflicts of Loyalties: Politics and Religion in the Career of Gaspard of Coligny, Admiral of France, 1519—1572*. Genève, Droz, 1972.

M. Venard. «Le cardinal de Lorraine dans l'Eglise de France», dans: Yvonne Bellanger. *Le Mécénat et l'Influence des Guises (colloque de Joinville)*. Paris, Honoré Champion, 1997.

Полемика вокруг Варфоломеевской ночи

J.-L. Bourgeon. «Les légendes ont la vie dure: A propos de la Saint-Barthélemy et de quelques livres récents». *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 34, janvier-mars, 1987.

J.-L. Bourgeon. «Une source de la Saint-Barthélemy: l'histoire de Monsieur de Thou relue et decryptée». Bulletin de la société d'histoire du protestantisme français. 134, juillet-septembre 1988.

J.-L. Bourgeon. «Pour une histoire enfin de la Saint-Barthélemy». Revue historique. 282, juillet-septembre 1989.

J.-L. Bourgeon. L'Assassinat de Coligny. Genève, Droz, 1992.

D. Crouzet. La Nuit de la Saint-Barthélemy, un rêve perdu de la renaissance. Paris, Fayard, 1994.

H. Dubief. «L'historiographie de la Saint-Barthélemy», dans: Les actes du colloque L'Amiral de Coligny et son temps, publiés par la Société d'histoire du protestantisme français. Paris, 1974, p. 351—367.

J. Garrisson. «Les Saints-Barthélemy». Bulletin de la société d'histoire moderne. 4, 1974.

J. Garrisson. La Saint-Barthélemy. Bruxelles, Editions Complexe, 1987.

N.M. Sutherland. The Massacre of St Bartholomew and the European Conflict, 1559—1572. Londres, Mac Millan, 1973.

M. Venard. «Arrêtez le massacre!». Revue d'histoire moderne et contemporaine. 39, octobre-décembre 1992.

Глава III

РАЗГУЛ НАСИЛИЯ В ГОРОДАХ И ГНЕВ ГОСПОДЕНЬ (1560—1562)

M. Cassan. Le Temps des guerres de Religion. Le cas du Limousin (vers 1530 — vers 1630). Paris, Publisud, 1996.

Champfleury (pseudonyme de Jules Hussen). Histoire de la caricature sur la Réforme, la Ligue, Louis XIII et Louis XIV. Paris, 1881.

O. Chrespin. Histoire des martyrs persecutés et mise à mort pour la verité de l'Evangile. 1619, publiée à Toulouse en 1885—1888.

D. Crouzet. Les Guerres de Dieu: la violence au temps des troubles de religion vers 1525 — vers 1610, 2 vol. Seyssel, Champ Vallon, 1990.

D. Crouzet. La Sagesse et le malheur: Michel de L'Hospital, chancelier de France. Seyssel, Champ Vallon, 1998.

N.Z. Davis. «The Rites of Violence: Religious Riots in Sixteenth Century France», Past and Present, 59, 1973.

N.Z. Davis. Les Cultures du peuple. Rituels, savoirs et resistances. Paris, Aubier, 1979.

R. Descimon. L'Hospital, discours pour la majorité de Charles IX. Paris, Imprimerie nationale, 1993.

S. Deyon et A. Lottin. Les Casseurs de l'été 1566: l'iconoclasme dans le Nord de la France. Paris, Hachette, 1981.

B. Dompnier. «Le débat sur les images au XVIIe siècle». History of European Ideas, vol. 9, n 4, 1988, p. 423—441.

A. Dupront. Du sacre. Croisades, pèlerinages, images et languages. Paris, Gallimard, 1987.

D. El Kenz. Les Buchers du Roi: la culture protestante des martyrs (1532—1572). Seyssel, Champ Vallon, 1997.

C. Haton. Mémoires du curé de Provins, publiés par Bourquelot. Coll. des documents inédits de l'histoire de France, I, 1857. Nouvelle éd. en cours de publication en 2001.

Histoire ecclésiastique des églises réformées du royaume de France. Anvers, 1580.

D. Richet. «Aspects socioculturel des conflits religieux à Paris dans la seconde moitié du XVIe siècle». Annales E.S.C., juillet-août 1977.

R. Sauzet. «L'Iconoclasme dans le diocèse de Nîmes au XVIe siècle et au début du XVIIe siècle». Revue d'histoire de l'Église de France. 66, 1980, p. 5—15.

Глава IV

ПРОТЕСТАНТЫ И ПОЛИТИКА: ЖИЗНЬ БЕРЕТ СВОЕ

Th. de Bèze. Du droit des magistrats sur leurs sujets, 1575.

A.-M. Cassan. Le Temps des guerres de Religion. Le cas du Limousin (vers 1530 — vers 1630), op. cit.

A.-M. Cocula. Etienne de La Boétie. Bordeaux, Editions Sud-Ouest, 1995.

J.-M. Constant. «Protestants et catholiques dans les cahiers de doléances du bailliage de Chartres», dans: La Controverse religieuse XVIe-XIXe siècle. Colloque de Montpellier, Presses de l'université de Montpellier, 1980.

J.-M. Constant. «La pénétration des idées de la Réforme protestante dans la noblesse française», dans: Les Réformes, enracinements socio-culturel. Colloque du Centre de la Renaissance de Tours, 1982. Paris, Vrin, 1985.

J.-M. Constant. «Les idées politiques d'un gentilhomme protestant pendant les guerres de Religion: Jean de La Taille», dans: Populations et cultures en l'honneur de François Lebrun. Rennes, Presses universitaires de Rennes, 1989.

J.-M. Constant. «Les partis nobiliaires et le développement de l'Etat moderne: le rôle de la noblesse seconde», dans: Ph. Gênet. L'Etat moderne: genèse, bilan et perspectives. Paris, CNRS Editions, 1990, p. 175—184.

J.-M. Constant. «The Protestant Nobility in France During the Wars of Religion: a Leaven of Innovation in a Traditional World», dans: Ph. Benedict, G. Marnef, H. van Nierop et M. Vénard. Reformation, Revolt and a Civil War in France and Netherlands, 1555—1585. Colloque d'Amsterdam, 1997. Amsterdam, Royal Netherlands Academy of Arts and Science, 1999, p. 61—83.

D. Crouzet. La Genèse de la Réforme française, 1520—1562. Paris, SEDES, 1996.

J.H. Daley. Jean de La Taille. Paris, 1934.

B.S. Diedendorf. Beneath and Cross: Catholics and Huguenots in the Sixteenth Century. Paris, New York-Oxford, 1991.

J. Garrisson. Les Protestants du Midi, op. cit.

A.Guggenheim. «The Calvinist Notables of Nîmes During the Era of Religious War», dans: Sixteenth Century Journal, tome III, n 1, p. 80—96.

F. Hotman. La Franco-gallia. 1573.

A.Jouanna. :Le Devoir de Revolte, op. cit.

H. Languet et Ph. Du Plessis-Mornay. Vindiciae contra tyrannos. 1575.

La Noue. Discours politiques et militaires, édité par F.-E. Sutcliffe. Paris-Genève, Droz, 1967.

N. Lemaitre. Le Rouergue flamboyant: le clergé et les fidèles du diocèse de Rodez (1417—1563). Paris, Cerf, 1988.

R. Mousnier. L'Assassinat d'Henri IV. Paris, Gallimard, 1964.

H.F.K. Nierop. The Nobility of Holland from Knights to Regents (1500—1650). Cambridge University, 1993.

M. Orléa. La Noblesse aux états généraux de 1576 et 1588. Paris, PUF, 1980.

M. Richard. La Vie quotidienne des protestants français sous l'Ancien Régime. Paris, Hachette, coll. La Vie quotidienne, 1966.

N. Roelker. «The Appeal of Calvinisme of French Noblewomen in the 16th Century», dans: Journal of Indisciplinary History, 1972, p. 341—418.

C. Secretan. Les Privilèges, berceau de la liberté: la revolte des Pays-Bas, aux sources de la pensée politique moderne (1566—1619). Paris, Vrin, 1990.

Un siècle et demi d'histoire protestante. Theodore de Bèze et les protestants sujets du Roi. Les entretiens d'Auxerre (colloque), sous la responsabilité de Léo Hamon. Maison des sciences de l'homme. Paris, Auxerre, 1985.

M. Venard. Réforme protestante, réforme catholique dans la province d'Avignon au XVIe siècle. Paris, Cerf, 1993.

P. Viallaneix. Réforme et révolutions. Aux origines de la démocratie moderne (colloque). Montpellier, Reforme, Presses du Languedoc, 1990.

Глава V

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ В 1567 ГОДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕПУТАТСКИХ НАКАЗОВ)

Y.-M. Berce. Histoire des croquants. 2 vol. Paris-Genève, Droz, 1974.

P. Blicke. Résistance, représentation et communauté. Paris, PUF, 1998.

J. Bottin. Seigneurs et paysans (1540—1640). Paris, Le Sycomore, 1983.

R. Chartier et J. Nagle. «Les cahiers de doléances de 1614», Annales E.S.C., novembre-décembre 1973.

J.-M. Constant. Nobles et paysans en Beauce aux XVIe et XVIIe siècles. Lille, Centre d'édition des thèses, 1981.

J.-M. Constant. «Etude comparée des cahiers de doléances, 1576—1789». Annales E.S.C., juillet-août, 1982.

J.-M. Constant. «Le langage politique paysan en 1576: les cahiers de doléances des bailliages de Chartres et de Troyes», dans l'ouvrage collectif dirigé par R. Chartier et D. Richet. Représentation et pouvoir politique autour des états généraux de 1614. Paris, E.H.E.S.S.; 1982.

J.-M. Constant. «Culture et politique au village pendant les guerres de Religion, l'exemple des cinquante paroisses du bailliage de Chartres qui ont écrit des doléances en 1576», dans: Eglise, Education, Lumières (1500—1830) en l'honneur de Jean Quéniart. Rennes, Presses universitaires de Rennes, 1999.

M. Foisil. La Révolte des nus-pieds et les révoltes normandes de 1639. Paris, PUF, 1970.

E. Le Roy Ladurie. Les Paysans du Languedoc. Paris, S.E.V.P.E.N., 1966.

E. Le Roy Ladurie. Le Carnaval de Romans. Paris, Gallimard, 1979.

E. Le Roy Ladurie. «Révoltes paysannes et histoire sociale», dans: F. Braudel et F. Labrousse. Histoire économique et sociale de la France. Tome I (1450—1660). Paris, PUF, coll. Quadrige, 1993, p. 819—860.
H. Neveux. Les Révoltes paysannes en Europe du XIVe au XVIe siècle. Paris, Albin Michel, 1997.

R. Pillorget. Les Mouvements insurrectionnels en Povençe entre 1596 et 1715. Paris, Pedone, 1975.

Глава VI
ЛИГА И ЛИГИСТЫ

Настоящая глава является своеобразным резюме монографии «Лига», опубликованной мной в 1996 году в издательстве «Файар». Библиография, содержащаяся в монографии, ставшей итогом десятилетнего труда и размышлений, поистине огромна. Поэтому я отсылаю читателя к ней, так как в ней указаны как мои собственные работы, так и опубликованные к этому времени многочисленные работы историков, и прежде всего тех, кто подошел к данной проблеме с принципиально новой точки зрения. Здесь я привожу только те работы, на которые ссылаюсь непосредственно в тексте главы.

E. Barnavi. *Le Parti de Dieu. Etude sociale et politique des chefs de la Ligue parisienne, 1585—1594.* Louvain, Nauwelaerts, 1980.

E. Barnavi et R. Descimon. *La Sainte Ligue, le juge et la potence.* Paris, Hachette Littératures, 1985.

D. Crouxet. *Les Guerriers de Dieu, op. cit.*

R. Descimon. *Qui étaient les seize? Mythes et réalités de la Ligue parisienne, 1585—1594, mémoires publiés par la Fédération des sociétés historiques et archéologiques de Paris et de l'Île de France, tome XXXIV.* Paris, 1983.

Y. Durand. «Les républiques urbaines en France à la fin du XVIe siècle», dans: *Annales de la Société d'histoire et d'archéologie de l'arrondissement de Saint-Malo*, 1990.

W. Raiser. *Marseille au temps des troubles. Morphologie sociale des factions, 1559—1596.* Gottingen, 1991. Traduction de l'allemand par Florence Chaix. Paris, E.H.E.S.S., 1992.

A. Lebigre. *La Révolution des cures.* Paris, 1588—1594. Paris, Albin Michel, 1980.

D. Richet. *De la Réforme à la Révolution, op. cit.*

Глава VII
ДВОРЯНСТВО: НЕОБУЗДАННОЕ СТРЕМЛЕНИЕ
К МИФИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

Beauvais-Nangis. *Mémoires*, édités par Monmerque et Tallandier. Paris, Société d'histoire de France, 1872.

J. Boucher. *Société et mentalité autour d'Henri II*, 4 vol. Lille, Centre d'édition des thèses, 1981.

J. Boucher. *La Cour d'Henri II.* Rennes, Editions Ouest-France, 1986.

L. Bourquin. «Pratique politique et image de la noblesse ligueuse: l'exemple de Saint-Paul», dans: *Histoire, Economie, Société*, 1990.

L. Bourquin. *La noblesse seconde et le pouvoir en Champagne aux XVIe et XVIIe siècles.* Paris, Presses de la Sorbonne, 1994.

L. Bourquin. *Servir le prince: l'autorité nobiliaire en Anjou pendant les guerres de Religion (1560—1598)*, habilitation à diriger des recherches, Université du Main. Le Mans, 1998 (à paraître chez Belin en 2001).

V. Cassan. *Le Temps des guerres de Religion, op. cit.*

A.-M. Cocola. «Le rôle de la Guyenne dans la conquête du royaume, 1576—1789», dans: *Avènement d'Henri IV. Colloque n 3*, Pau, 1989.

J.-M. Constant. «Les barons pendant les guerres de Religion», dans: *Avènement d'Henri IV. Colloque de Coutras.* Pau, 1989.

J.-M.Constant. *La Ligue*. Paris, Fayard, 1996.

F.Duquenne. *L'Entreprise du duc d'Anjou aux Pays-Bas de 1580 à 1584. Les responsabilités d'un échec à partager*. Villeneuve d'Ascq, Presses universitaires de Lille, 1998.

H. Germa-Roman. De «bel mourir» au «bien mourir», le sentiment de la mort chez les gentilhommes (1515—1643). Paris-Genève, Droz, 2001.

La Noue. *Discours politiques et militaires*, édité par F.-E. Sutcliffe. Paris-Genève, Droz, 1967.

V. Larcade. *Les capitaines gascons à l'époque des guerres de Religion*. Editions Christian, Paris, 1999.

N.Leroux. «Loyal et rebelle, le parcours politique du maréchal de la Ligue Claude de Chatre», dans: *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, avril-juin, 1996.

N.Leroux. *La Faveur du Roi. Mignons et courtisans au temps des derniers Valois (1547—1589)*. Seyssel, Champ Vallon, 2000.

K. Neuschell. *Word and Honor: Interpreting Noble Culture*, 16th Century France. Ithaca, 1989.

Racyné de Villegomblain. *Mémoires des troubles arrivés en France sous Charles IX, Henri III et Henri IV*. Paris, 1667.

D. Richet. *De la Réforme à la Révolution*, op. cit.

R.Sauzet. *Henri III et son temps. Actes du colloque de Tours*. Paris, Vrin, 1992.

J.Wood. *The Nobility of the Election of Bayeux (1463—1666)*. Pribcetone University Press, 1980.

Глава VIII

НАЧАЛО БОРЬБЫ ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: НАНТСКИЙ ЭДИКТ

J.-P. Babelon. *Henri IV*. Paris, Fayard, 1982.

B. Barbiche. *Sully*. Paris, Fayard, 1997.

O. Christin. *La Paix de Religion. L'autonomisation de la raison politique au XVIe siècle*. Paris, Editions du Seuil, 1997.

J.-M.Constant. «Tolérance et guerre de Religion en Europe, XVIe et XVIIe siècle», dans: *Jusqu'où tolérer? Septième forum Le Monde-Le Mans, textes réunis par R.-P. Droit*. Paris, Le Monde, 1996, p. 183—198.

J.Garrisson. *Henri IV*. Paris, Editions du Seuil, 1982.

J. Leclerc. *Histoire de la tolérance au siècle de la Réforme*. D. Ligou. *Le Protestantisme en France de 1598 à 1715*. Paris, SEDES, 1968.

R. Mousnier. *L'Assassinat d'Henri IV*, op. cit.

M.Yardeni. *La Conscience nationale en France pendant les guerres de Religion, 1559—1598*. Louvain, Nauwelaerts, 1971.

ХРОНОЛОГИЯ*

СТАДИЯ ПЕРВАЯ. Предчувствие гражданской войны

Правление Генриха II (1547–1559)

- 1547 — создание «Огненной палаты» Парижского парламента, чрезвычайного судебного органа по делам ереси.
1559, *апрель* — подписание соглашения в Като-Камбрези.
Июнь — Экуэнский эдикт, направленный против еретиков.
Арест дю Бура и советников парламента.
10 *июля* — неожиданная гибель Генриха II на турнире.

Правление Франциска II (1559–1560)

- 1559, *июль* — король Франциск II приходит в Парижский парламент, высший судебный орган королевства, чтобы заявить о передаче управления в руки своих дядей: Франсуа де Гиза и его брата, кардинала Лотарингского.
Октябрь — во время встречи с пастором Шандье Кальвин заявляет, что король Наварры, будучи первым принцем крови, имеет право объявить о созыве Генеральных штатов.
21 *декабря* — казнь Анна дю Бура.
1560 — Амбуазский заговор.
1 *февраля* — ассамблея дворян-протестантов в Нанте.
Март — вооруженное выступление заговорщиков-протестантов; подавление Гизами мятежа дворян-протестантов. Массовые казни.
1 *апреля* — Мишель де Лопиталь становится канцлером Франции.
Август — собрание нотаблей в Фонтенбло.
Король объявляет о созыве Генеральных штатов в декабре текущего года.
Октябрь — арест Конде в Орлеане.
5 *декабря* — смерть Франциска I.

Правление Карла IX (1560–1574), регентство Екатерины Медичи

- 1560, 13 *декабря* — открытие Генеральных штатов в Орлеане. Выступление канцлера Мишеля де Лопиталья.
1561, 13 *января* — закрытие Генеральных штатов в Орлеане.
6 *апреля* — создание триумвирата: Гиз, Монморанси, Сент-Андре.

* В хронологию Религиозных войн автор счел нужным включить события, выходящие за указанные временные рамки, но имеющие к этим войнам прямое или косвенное отношение. (*Прим. ред.*)

19 апреля — эдикт, разрешающий протестантам молиться при закрытых дверях.

Август — собрание нотаблей, получившее название «заседание Генеральных штатов в Понтуазе».

9 сентября — 18 октября — встреча в Пуасси. Попытка прийти к компромиссу между католиками и протестантами под эгидой Екатерины Медичи.

1562 — январский эдикт, разрешающий протестантам свободное отправление культа и предоставляющий им свободу собраний за пределами городских стен и в частных домах в пределах городских стен.

1 марта — резня в Васси.

СТАДИЯ ВТОРАЯ. Первый период Религиозных войн: бесчинства и разбой

Первая религиозная война (март 1562 — март 1563)

1562, 8 апреля — вождь протестантской партии принц Конде встает во главе армии протестантов.

24 сентября — осада Руана. Смерть короля Наварры Антуана де Бурбон, отца Генриха IV.

19 декабря — битва при Дре. Победа герцога Франсуа де Гиза.

1563, 18 февраля — под Орлеаном протестант Польтро де Мере убивает Франсуа де Гиза.

19 марта — Амбуазский эдикт, предоставляющий свободу совести, а также свободу отправления культа в усадьбах дворян с правом высшего суда, а также в одном городе на каждый бальяж.

Вторая религиозная война (1567—1568)

1567 — сражение при Сен-Дени и смерть коннетабля де Монморанси.

1568, 28 февраля — 15 марта — первая осада Шартра войсками протестантов под предводительством Конде.

1568, 23 марта — подписание мира в Лонжюмо.

Третья религиозная война (1568—1570)

Война идет на территории Центральной и Западной Франции. Конде ранен, попадает в плен, и хотя ему обещают сохранить жизнь, 13 марта 1569 года он погибает от руки воинствующего католика.

1570, 8 августа — Сен-Жерменский мир. В силу вновь вступают Амбуазский эдикт, а также дополнительное условие, соглас-

но которому протестантам предоставляются четыре города: Ла-Рошель, Монтобан, Ла Шарите-сюр-Луар и Коньяк.

Декабрь — ожесточение католического населения Парижа против протестантов.

1572 — свадьба Генриха Наваррского, сына Антуана де Бурбон и Жанны д'Альбре, главы протестантской партии и будущего короля Генриха IV, с Маргаритой Валуа, дочерью Генриха II и Екатерины Медичи.

23—24 августа — Варфоломеевская ночь.

Август — октябрь — Варфоломеевские ночи в провинции: в Орлеане, Мо, Труа, Бурже, Сомюре, Руане, Ла Шарите, Лионе, Бордо, Тулузе и Гальяке.

СТАДИЯ ТРЕТЬЯ. Второй период Религиозных войн: формирование партий и политизация гражданской войны

Четвертая религиозная война (1573)

1573 — осада Ла-Рошели и Сансера.

Булонский эдикт.

Образование партии «политиков».

Избрание будущего короля Генриха III королем Польши.

Формирование протестантской партии на ассамблее в Мийо. Создание Соединенных Провинций юга.

1573—1579 — публикация трудов монархомахов.

1573 — «Франко-Галлия» Франсуа Отмана.

1573 — «Образцовый государь» Жана де Ла Тая.

1573—1574 — «Будильник французов и их соседей».

1575 — «О магистратах» Теодора де Беза.

1578 — «Иск к тиранам», приписываемый Юберу Ланге и Филиппу дю Плесси-Морнэ.

1574 — заговор Ла Моля и Коконнаса. Начало движения, названного движением *недовольных*.

30 мая — смерть Карла IX.

Правление Генриха III (1574—1589)

Пятая религиозная война (1575)

1575, *сентябрь* — союз *недовольных* и протестантов.

1576, *6 мая* — заключение «мира Месье» в Болье, возле Лоша. Протестантские богослужения разрешают проводить везде, кроме городов, принадлежащих короне. Предоставление протестантам восьми укрепленных городов. Создание смешанных палат при парламентах. Герцог Алансонский становится герцогом Анжуйским.

Заключение «мира Месье» подталкивает католиков в разных регионах Франции к формированию собственных организаций. Генрих III становится во главе движения,

получившего название «Лига». Это первая Лига, которую не следует отождествлять со второй Лигой, основанной в 1585 году и ставшей первой католической партией с четко выраженной структурой.

Ноябрь — открытие Генеральных штатов в Блуа. Противостояние несгибаемых католиков во главе с парижским адвокатом Версорисом, готовым отказаться протестантам в самом праве на существование, и политиков во главе с Жаном Боденом, депутатом от Вермандуа, сторонником мира и созыва общенационального собора для урегулирования религиозных проблем. Торжество партии «толерантности», отказавшейся проголосовать за новые налоги, необходимые для ведения военных действий.

Шестая религиозная война (1576—1577)

1576 — пути политиков и протестантов расходятся. Кратковременные военные действия завершаются миром в Бержераке (17 сентября 1577 г.), за ним следует «королевский мир» (Путатвенский эдикт), противопоставленный соглашению, заключенному Месье, братом короля. Свобода отправления культа ограничивается одним городом на бальяж и городскими предместьями. Число городов-крепостей, предоставленных протестантам, остается прежним, но число смешанных палат при парламентах сокращается. Король распускает Лигу и католические ассоциации, отказавшиеся оказать ему финансовую поддержку для ведения войны.

1577 — Жан Боден издает политический трактат «Республика», где выступает против идей монархомахов и подводит теоретическую базу под основополагающие принципы французской монархии, в которой главная политическая роль отводится королю.

Седьмая религиозная война (1579—1580)

1580 — в Нанси, столице герцогства Лотарингского, признанного центра международных интриг, встречаются представители протестантов, Месье, Гизы, лотарингцы и германские князья, чтобы обсудить положение во Франции. Никаких серьезных выводов политического или военного характера во время встречи сделано не было.

1582, март — герцог Анжуйский признан верховным правителем Нидерландов. Нидерландская авантюра завершается в следующем году из-за отсутствия денег.

Июль — поражение французского флота, отправившегося на Азорские острова для поддержки борьбы Португалии за независимость от Испании.

1584, 10 июня — смерть герцога Анжуйского, брата короля и наследника трона.

- 1584, 31 декабря — соглашение в Жуанвиле (центральном городе владений Гизов, расположенном на территории совр. деп. Верхняя Марна), заключенное католическими принцами, среди которых Гизы и король Испании Филипп II. Создание Лиги.
- 1585, январь — основание Парижской Лиги Шарлем Отманом де Ла Рошблоном.
 Март — Перонский манифест.
 Немурский договор, заключенный после кратковременных военных действий между герцогом де Гизом и королем.
 Июнь — июльский эдикт, запрещающий протестантам проводить богослужения, и изгнание пасторов.
- 1587, 20 октября — протестанты во главе с Генрихом Наваррским в сражении при Кутра одерживают победу над королевской армией под командованием герцога де Жуаеза (гибель Жуаеза и множества французских дворян).
 29 октября — победа герцога де Гиза над немецкими рейтарами и протестантами, посланными для подкрепления в армию короля Наваррского, расквартированную в Вимори (возле Монтаржи).
 24 ноября — победа герцога де Гиза над отрядами рейтаров при Оно (в Босе).
 16 декабря — постановление теологического факультета Сорбонны, разрешающее в определенных случаях требовать низложения дурного короля.
 Декабрь — смерть Шарля Отмана де Ла Рошблона. Проводить покойного в последний путь собирается многочисленная толпа. Место Рошблона занимает Лашапель-Марто, будущий купеческий прево Парижа.
- 1588, 12–13 мая — первые в истории Парижа баррикады. Генрих III вынужден бежать из взбунтовавшейся столицы. Он прибывает в Шартр. Лигисты становятся хозяевами Парижа. Герцог Гиз назначает Бюсси-Леклерка, младшего прокурора Парижского парламента, комендантом Бастилии. Выборы повстанческого Городского бюро (муниципалитета) Парижа.
 Июнь — назначение новых командиров полков в кварталы и новых руководителей городского ополчения.
 4 августа — король назначает герцога де Гиза генерал-лейтенантом королевских армий.
 Ноябрь — разгром Непобедимой армады, испанской флотилии, которая должна была осуществить захват Англии.
 23–24 декабря — убийство герцога де Гиза в Блуа. Арест лидеров Лиги в зале, где заседали Генеральные штаты.
 26 декабря — собрание революционно настроенных парижан в Ратуше.
- 1589, январь — в Сорбонне принимают постановление, освобождающее французов от верности, которую они обязаны блюсти по отношению к королю Генриху III.

Завершение работы Генеральных штатов в Блуа.

Прервав заседание Парижского парламента, Бюсси-Леклерк и лигисты берут под стражу магистратов парламента. Под «крики и оскорбления» толпы магистратов отводят в Бастилию.

Лигисты проводят чистку Парижского парламента. Бриссон становится первым президентом парламента, Моле — генеральным прокурором, Леметр и д'Орлеан — адвокатами короля.

Февраль — в каждом квартале Парижа Лига организует особые советы. Создание Комитета шестнадцати.

Создание Совета сорока.

Майенн назначает четырнадцать «сверхштатных» руководителей.

Создание Государственного совета во главе с Майенном.

Лион: баррикады, власть в городе берут лигисты.

Марсель: местные лигисты водружают символическое распятие на ворота Реале в знак своего присоединения к движению.

Орлеан, Ле-Ман и Шартр переходят на сторону Лиги. Ранее на ее сторону перешли основные города Пикардии. Город Сен-Мало порывает с монархией. Поражение Лиги в Анже и Туре.

Март — Майенн получает должность королевского наместника. Часть королевства, находящаяся в руках лигистов, становится своеобразной республикой свободных городов и провинций, где Майенн осуществляет функции верховного организатора обороны.

Апрель — союз Генриха III и будущего короля Генриха IV, направленный против Лиги.

1 августа — убийство короля Генриха III монахом-лигистом Жаком Клеманом. Генрих Наваррский становится королем Франции под именем Генриха IV.

Сентябрь — победа Генриха IV при Арке, городке неподалеку от Дьепа.

Ноябрь — взятие армией Генриха IV нескольких парижских предместий. В стане лигистов паника.

Взятие Ле-Мана армией Генриха IV.

1590, *14 марта* — победа Генриха IV при Иври (долина Эра).

Апрель — *август* — осада Парижа. В городе начинается голод.

1591, *апрель* — чистка верховных судов. Вынесение приговоров.

Армия Генриха IV входит в Шартр.

15 ноября — Комитет шестнадцати приговаривает к смертной казни Бриссона, советников Ларше и Тардифа и приводит приговор в исполнение.

Декабрь — Майенн совершает «термидорианский переворот», направленный против Лиги: приказывает казнить убийц магистратов и отправляет в изгнание наиболее радикально настроенных лигистов. Чистка в парижском ополчении.

1592 — собрания политиков.

1593 — открытие Генеральных штатов, которым предстоит выбрать короля Франции.

29 апреля — начало переговоров в Сюрене.

28 июня — постановление Леметра.

25 июля — обращение Генриха IV.

Конец года — лигисты публикуют «Диалог Господина и Горожанина». Огромный успех памфлета.

1594 — выход «Менипповой сатиры» как ответ роялистов на «Диалог»; успех «Сатиры» превосходит успех сочинения лигистов.

27 февраля — помазание короля Генриха IV в Шартре.

22 марта — иностранные войска покидают Париж, король вступает в столицу.

1598 — Нантский эдикт и Вервенское соглашение между Францией и Испанией.

ЛОТАРИНГСКИЙ ДОМ

Рене, герцог Лотарингский (1455—1508)
Антуан (1490—1544), герцог
Клод, основатель ветви де Гизов (ум. в 1550)
Франсуа (1517—1545)
Николя де Водемон
Шарль III, герцог, супруг Клод де Валуа (1559—1608)
Луиза, королева Франции, супруга Генриха III
Филипп-Эмманюэль, герцог де Меркер
Франсуа (ум. 1563)
Генрих (ум. 1588)

ДОМ МОНМОРАНСИ

Анн, коннетабль (1493—1567)
Луиза, супруга Гаспара де Колиньи, маршала Франции
Франсуа, маршал (1531—1579)
Анри, герцог де Данвиль, губернатор Лангедока (1534—
1614)
Мерю
Монброн
Гаспар, адмирал, убитый в ночь святого Варфоломея
(1519—1572)
Шатийон (1557—1591)
Гаспар (1584—1646)
Гаспар (1620—1649)
Анри, маршал Франции, обезглавлен в Тулузе в 1632 году
Торе

ДОМ ГИЗОВ

Клод де Гиз, первый герцог (1496—1550)
Франсуа, победитель при Меце и Кале (1519—1563)
Шарль, кардинал Лотарингский (1524—1574)
Клод, герцог д'Омаль (1526—1573)
Луи, кардинал де Гиз
Рене, маркиз д'Эльбеф
Мария, королева Шотландии
Генрих по прозвищу «Меченый» (1550—1588)
Шарль (1571—1640)
Луи (1622—1654)
Луи Жозеф (1650—1671)
Франсуа Жозеф (1670—1675)

Шарль, герцог Майеннский (1554—1611)
Луи, кардинал де Гиз
Катрин, герцогиня де Монпансье
Шарль, герцог д'Омаль
Шевалье д'Омаль
Шарль, герцог (1566—1605)
Шарль-Анри (1596—1657)
Мария Стюарт (1542—1587)

ДОМ БУРБОНОВ

Шарль де Бурбон (1489—1537)
Антуан, король Наварры, супруг Жанны д'Альбре
(1518—1562)
Генрих IV (1553—1610)
Людовик XIII (1601—1643)
Шарль, кардинал (1523—1590)
Луи, первый принц Конде (1530—1569)
Анри, второй принц Конде
Конти
Вандом, кардинал
Суассон, граф

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. Морозова.</i> Предисловие	6
Введение	24

Глава I

КАРАТЕЛИ И ЗАСТУПНИКИ

(Первая религиозная война, 1562—1563 годы)

«Интервью убийцы». Поэт Агриппа д'Обинье беседует с бароном Адретом	33
Подлинная история барона Адрета	34
Валанс, Лион, Гренобль	35
Резня в Оранже и завоевание долины Роны	38
Убедительные доводы барона Адрета	42
Пленение барона Адрета	46
Почему барон Адрет перешел в лагерь католиков?	48
Неудобный католический капитан?	51
Одиссея католического убийцы	54
Доводы Монлюка	57
Монлюк вступает на тропу войны	61
Первая гражданская война (1562—1563): эпоха прославленных капитанов	65

Глава II

АНТРОПОЛОГИЯ СЛАБЕЮЩЕЙ ВЛАСТИ: ОТ ОГНЕННОЙ ПАЛАТЫ (1548) ДО ВАРФОЛОМЕЕВСКОЙ НОЧИ (1572)

Церковная организация протестантов	70
Генрих II, монарх, скорый на расправу	72
Ослабевшая власть	74
Борьба кланов: Гизы и Монморанси	77
Гизы у власти	83
Заговор в Амбугазе: мятеж провинциального дворянства	86
Ослабление Бурбонов и поражение Гизов	92
Триумвират: союз кланов дворянской знати	96
Март 1562 года: резня в Васси, Первая религиозная война ..	98
Первая религиозная война (март 1562 года — март 1563 года)	101
В поисках мудрости	104
Королевский вояж Карла IX по Франции (1564—1566)	106
Политика примирения	110
Возобновление конфликта	112
Варфоломеевская ночь: неразрешимая проблема	115

Глава III
РАЗГУЛ НАСИЛИЯ В ГОРОДАХ
И ГНЕВ ГОСПОДЕНЬ (1560—1562)

Жестокости, творимые католиками	121
Страх и астрология	129
Кальвинизм — лекарство против страха	132
Наступление иконоборцев	136

Глава IV
ПРОТЕСТАНТЫ И ПОЛИТИКА: ЖИЗНЬ БЕРЕТ СВОЕ

Консистория	147
Кто становится протестантом?	149
Роль дворян-протестантов в период Религиозных войн	153
Союз дворянства и буржуазии в 1562 году	155
Выборы в Генеральные штаты 1576 года	159
Как дворяне становились протестантами?	161
Монархомахи	164
Жан де Ла Тай: «Образцовый государь» (1573)	167
Республика Соединенных Провинций	171
Индивидуальное сознание и традиции	174

Глава V
ПОЛИТИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ В 1567 ГОДУ
(по материалам депутатских наказов)

Кто писал наказы?	178
Культурный уровень наказов	183
Сельские выборы в 1576 году: избиратели деревни	
Бевиль-ле-Конт	187
Проблемы религии на первом месте	190
Острая социальная критика в адрес элиты	199
Государственная реформа глазами сельских жителей	205
Политические разногласия во французской провинции	208

Глава VI
ЛИГА И ЛИГИСТЫ

Социальные и культурные истоки Лиги	211
Лига 1576 года	214
Лига Гизов	218
Революционное движение парижан	223
Пропаганда и дезинформация	226

Слабость позиции короля	229
Контрнаступление Генриха III	230
В Париже нарастает напряженность	232
Первые баррикады в истории Парижа: май 1588 года	234
Большая проблема по имени Генрих III	239
Революционная программа Лиги	244
Конституционный кризис: убийство герцога Гиза	247
«Небесный Иерусалим»	250
«Демократия» лигистов	254
Социальный состав лигистов	256
Городские республики в провинции	258
Конец Лиги и лигистов	259

Глава VII

ДВОРЯНСТВО: НЕОБУЗДАННОЕ СТРЕМЛЕНИЕ К МИФИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

Дворянская власть, дворянская свобода	266
Дуэль, свобода, смерть	269
Дружба — главная добродетель дворянина	273
Сколько дворян принимало участие в войнах за веру?	277
Стратегическая роль «среднего» дворянства в победе Генриха IV	281
Роль судейского сословия	288
Генрих IV: воссоздание французской монархии	290

Глава VIII

НАЧАЛО БОРЬБЫ ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: НАНТСКИЙ ЭДИКТ

Век XVI: понятия «толерантность» в Европе не существует	296
Долгий путь к Нантскому эдикту	302
Содержание Нантского эдикта	305
Хрупкое здание	310
После Нантского эдикта: Европа учится быть толерантной	311
Национальное единство важнее единства конфессионального	313
Заключение	317
Библиография	323
Хронология	330
Краткая генеалогия знатных домов Франции	337

Констан Ж. М.

К 65 Повседневная жизнь французов во времена Религиозных войн / Пер. с фр., предисл. Е. В. Морозовой. — М.: Молодая гвардия, 2005. — 341[11]с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 5-235-02832-3

Книга Жана Мари Констана посвящена одному из самых драматических периодов в истории Франции — Религиозным войнам, длившимся почти сорок лет и унесшим тысячи человеческих жизней. Противостояние католиков и гугенотов в этой стране явилось частью общеевропейского процесса, начавшегося в XVI веке и известного под названием Реформации. Анализируя исторические документы, привлекая мемуарную литературу и архивные изыскания современных исследователей, автор показывает, что межконфессиональная рознь, проявления религиозного фанатизма одинаково отвратительны как со стороны господствующей, так и со стороны гонимой религии. Несомненный интерес представляет авторский анализ выборной системы, существовавшей во Франции в те далекие времена.

**УДК 94(44)“15/17”
ББК 63.3**

Констан Жан Мари

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ФРАНЦУЗОВ
ВО ВРЕМЕНА РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЙН**

Главный редактор **А. В. Петров**

Редактор **И. И. Никифорова**

Художественный редактор **Н. С. Штефан**

Технический редактор **Н. А. Тихонова**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова,**

В. М. Ракитина, Т. В. Рахманина

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 06.06.2005. Подписано в печать 14.10.2005. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл. печ. л. 18,48+0,84 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 53838.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994 Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dset@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994 Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02832-3

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы по адресу:
СУЩЕВСКАЯ УЛ. Д. 21*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

787-62-92 ☼ 978-21-59

787-64-78 ☼ 787-63-81

787-63-97 ☼ 978-01-22

972-00-49

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

787-65-39 ☼ 787-63-64

Повседневная жизнь каждого человека с ее рутинной, однообразным бытом представляется чем-то непреодолимо скучным. Но когда она становится историей, то окутывается романтическим флером, прорастает загадками. И чем дальше от нашего сегодня прошедшая эпоха, тем больше у нее загадок и тем неудержимее в нас стремление разгадывать их.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

В. Шевченко

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КРЕМЛЯ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТАХ»**

А. Шураки

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЛЮДЕЙ БИБЛИИ»**

Р. Мантран

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СТАМБУЛА В ЭПОХУ
СУЛЕЙМАНА ВЕЛИКОЛЕПНОГО»**

Л. Адлер

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ. XIX—XX ВЕКА»**

М. Аникович

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОХОТНИКОВ НА МАМОНТОВ»**

Е. Лаврентьева

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ДВОРЯНСТВА
ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ»**

Телефоны для оптовых покупателей:
787-62-92; 978-21-59; 787-63-75; 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru> dsel@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

**ПОВСЕДНЕВНАЯ
ЖИЗНЬ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Уже изданы и готовятся к печати:

Ж.-Н. Робер

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНЕГО РИМА
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАСЛАЖДЕНИЙ»**

И. Дегтярева

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКОГО СПЕЦНАЗА»**

Ш. Казиев

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВОСТОЧНЫХ ГАРЕМОВ»**

С. Ютен

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
АЛХИМИКОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА»**

М. Брион

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВЕНЫ
ВО ВРЕМЕНА МОЦАРТА И ШУБЕРТА»**

Э. Бартон

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ АНГЛИЧАН
В ЭПОХУ ЕЛИЗАВЕТЫ I»**

Телефоны для оптовых покупателей:

787-62-92; 978-21-59; 787-63-75; 787-63-64

<http://mg.gvardiya.ru>. dset@gvardiya.ru

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОБОДА

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

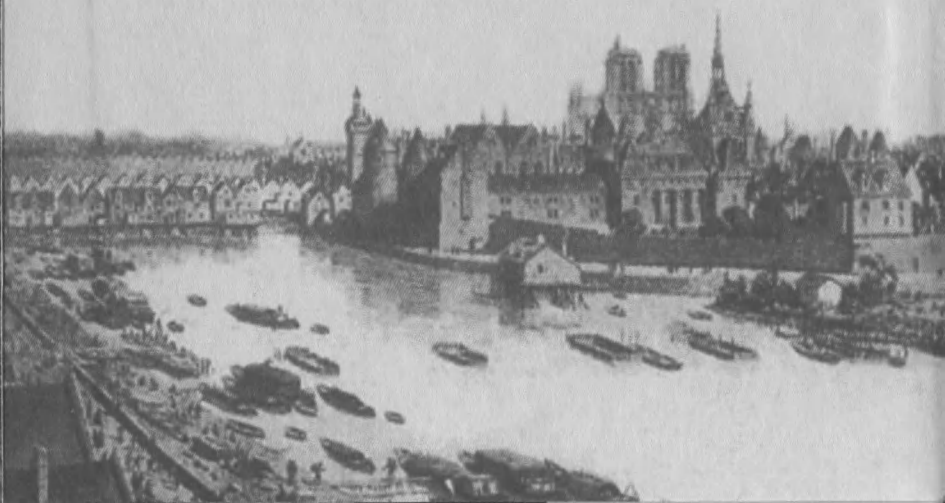
**В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.**

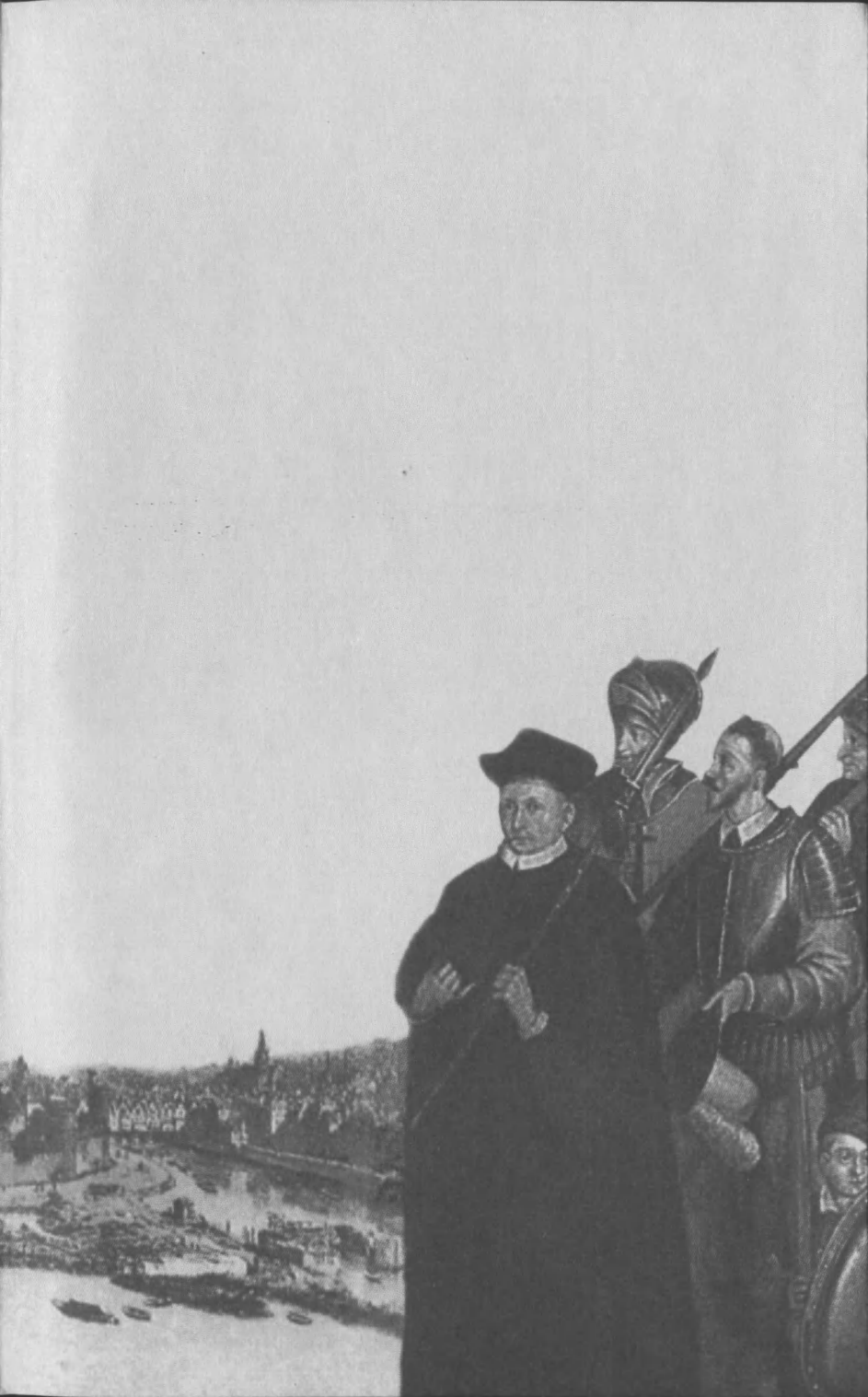
**Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».**

Телефоны: 972-05-41, 787-64-77.

<http://mg.gvardiya.ru> ☎ book@gvardiya.ru

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

М. Брион

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНЫ ВО ВРЕМЕНА
МОЦАРТА И ШУБЕРТА

П. Брюле

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ГРЕЧЕСКИХ ЖЕНЩИН
В КЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Н. Старосельская

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО КИТАЯ

В. Антипина

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
1930—1950^егоды

И. Десятрева

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКОГО СПЕЦНАЗА

ISBN 5-235-02832-5

9 785235 028326 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ